ПИОНЕР 12
ДЕКАБРЬ • 1971 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КОСТЕР ДРУЖБЫ

У нашей с тобой страны прекрасное и гордое имя — СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК. Это значит, что в нашем многонациональном государстве **власть принадлежит народу** — народу России и Украины, Белоруссии и Молдавии, Грузии и Армении, Азербайджана и Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, Киргизии и Казахстана, Латвии, Литвы и Эстонии.

Союз республик нерушим: все республики дружные, единомышленники, хорошо понимают друг друга и всегда готовы прийти на помощь.

Строим мы новую гидроэлектростанцию или создаем химический комбинат, прокладываем трассу в тайге или целинные земли осваиваем, *каждая республика* посылает *самых лучших своих специалистов.*

Когда пришла большая беда — землетрясение в узбекскую столицу, восстанавливать город, помогать его людям приехали все, кто смог, кто был уверен, что принесет пользу.

И в трудные годы, в годы Великой Отечественной войны, под Москвой и Вязьмой, на Волге и на Курской дуге рядом сражались *русские и казахи, белорусы и грузины, азербайджанцы и киргизы — люди всех национальностей* НАШЕГО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА.

И оттого, что мы все **всегда вместе**, всегда **едины и в делах, и в помыслах, и в мечтах**, МЫ НЕПОБЕДИМЫ. Никогда никакому врагу не удавалось сломить нас. И не удастся!

Вот и ты вместе со своими друзьями делаешь все возможное, чтобы скорее построить Дворец пионеров для чукотских ребят. *В дружбе детей, в дружбе пионеров всех союзных республик* — НАША СИЛА.

Родился НАШ СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК на I Всесоюзном съезде Советов **30 ДЕКАБРЯ 1922 ГОДА** Ровно через год мы будем праздновать юбилей СССР— его пятидесятилетие. Это большой праздник, и все мы хотим, чтобы он был торжественным и радостным.

ЧТО НАМ С ТОБОЙ ПРЕДПРИНЯТЬ, ЧТОБЫ ВСЕ ПОЛУЧИЛОСЬ, КАК ХОЧЕТСЯ?

Ну, прежде всего давай подумаем, как сделать что-то доброе, хорошее для друзей из других республик.

А еще давай припомним с благодарностью, сколько радости доставила нам эта дружба, чему научили нас наши друзья, как помогали нам, когда помощь была очень нужна.

В этом номере журнала мы зажигаем **ПИОНЕРСКИЙ КОСТЕР ДРУЖБЫ** и всех ребят приглашаем к нашему костру.

ПРИХОДИТЕ! ПРИЕЗЖАЙТЕ!
ПОДСАЖИВАЙТЕСЬ ПОБЛИЖЕ!
РАССКАЖИТЕ О СВОИХ ДРУЗЬЯХ!

Разговор у КОСТРА ДРУЖБЫ начинают литовские ребята из поселка Кирдейкяй. Они знакомят всех со своими друзьями из грузинского города Телави, а их самих представляет нам писательница ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА

Фото С. КАРАСЕВА.
Рисунки Н. ХАЧАТРЯН и Г. МЕТЧЕНКО.

Петушок на крыше

Небольшой поселок Кирдейкяй укрылся в лесу. На пригорке школа. Блестит чистыми окнами, на черепичной крыше — веселый петух-флюгер. В тот день был ветер, и петух вертелся без остановки. Алдона поежилась от ветра и сказала:

— Лучше мы с вами пойдем в школу. Холодно сегодня.

Мы все сидели в пустом классе и говорили про разное. Владас Палюлис все гнул к пинг-понгу. А Алдона и Юлия останавливали его и говорили, что ездили летом на море в Палангу всем отрядом, жили за городом в палатках, а в дождик бегали купаться, все равно мокро, верно? А молчаливый Эдмунд покашлял застенчиво и сообщил, что в каникулы к ним приедут друзья из Грузии. Это очень хорошие друзья, они живут в таком маленьком городке Телави. И все разом заговорили об этих ребятах. Получился небольшой кавардак, а потом я им объяснила, что никуда не спешу и всех хочу послушать, потому что это же очень интересно: так далеко живут друг от друга, а так крепко связаны. Тогда все стали рассказывать по порядку, а я записала эти рассказы.

Рассказ Владаса Палюлиса

Идут по нашему поселку несколько мальчишек и две девочки, все смуглые, волосы черные, у девчонок длинные косы. Идут, поселок разглядывают, говорят на непонятном языке. Мне было интересно, что за люди. А потом я их увидел в школе, вожатая привела их в пионерскую комнату, мы как раз там лото для октябрят клеили. И вожатая сказала:

— Это пионеры Грузии, хотят с вами познакомиться.

Я тогда подумал: «Экскурсия, подумаешь!» Но потом смотрю, девчонка с длинными ресницами на меня смотрит, и в глазах улыбка. Я, сам не знаю почему, сказал:

— Пошли к нам в класс, у нас очень хорошие ребята.

И мы все к нам пошли. Рассказали им, как шефствуем над октябрятами, какой у нас отрядный хор. И еще много говорили, они нам тоже про свою школу рассказывали. И подарили чеканку. А потом мы все записали адреса, чтобы переписываться. Почему-то мне тогда показалось, что с этими ребятами мы подружимся. Так и вышло.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Издательство «Правда»

Москва 1971 г.

...Я думаю о том, что совсем недавно мокрая желтая глина только готовилась превратиться в посуду, и не было никакой куклы из кукурузных листьев, просто ветер качал длинные пожелтевшие стебли. Теперь они стоят на столе, и каждый из них занят своим делом. Длинношеий пузатый кувшинчик держит цветок, стакан собрал разбросанные по столу карандаши, кукла танцует. И если однажды ее не окажется на столе, день будет грустным.

Кто-то посмотрит и скажет: «Вот кукла, а вот кувшин...» Ну, что ж, он будет прав и не прав. Ведь это не просто кукла или кувшин. Это подарки друзей из Грузии. И потому, мне кажется, они никогда не разобьются и не сломаются.

Чтобы познакомить друзей с культурой своей республики, надо и самим хорошо ее знать.

Потом мы придумали посылать друг другу звуковое письмо, наговариваем на магнитофон про интересные дела пионерского Марша и отсылаем. Так лучше, чем на бумаге писать. Пленку прослушают, а потом можно стереть и на ней же ответ посылать.

Теперь мы собираем для них загадки и игры. Даже и сами не знали, сколько интересных загадок знаем. Да и про игры. Как будто каждый знает несколько. А когда все вместе собралось, прямо целый клад.

Рассказ Эдмунда Тышкевича

Мы посылаем в Грузию не только письма, но и посылки. В прошлом году Владас сделал магнитофонные записи наших литовских народных песен. Мы отослали друзьям коробочку с пленкой и сами написали перевод. Немного времени прошло, и нам тоже пришла посылочка. Гиви Хантадзе и Темо Церетели прислали нам грузинские песни — эстрадные, народные и несколько танцевальных мелодий. И это тоже не были покупные записи, а сделанные ими самими.

Рассказ Юлии Желайте

Я всегда мечтала иметь много друзей. Чтобы было их десять или больше. Только я думала, что это мечты. Одна настоящая подруга, с которой никогда не ссоришься и все доверяешь, — и то хорошо. Но, оказывается, можно иметь много друзей. Вот наши грузинские ребята — это просто чудесные ребята. Весь их седьмой «А» — наши друзья и мои тоже. Я уверена, что в любое время к ним

...Ну разве можно рассказать танец?

Удивительный танец грузинский «Картули». По старинному преданию, руки девочки с развевающимися рукавами должны напоминать крылья птицы. А кто догонит птицу? Только настоящий джигит.

А, может быть, ты не хочешь догонять улетающую птицу, и воинственный танец «Мхедрули» понравится тебе больше? Кто кого перепляшет, кто выше прыгнет, кто дольше прокрутится на коленках, кто...

Нет, нельзя в нескольких словах рассказать танец. Загляни лучше в толстую книжку. Написала ее Т. С. Ткаченко. Называется она «Народный танец».

...Если ты собрался в поход, да еще с ночевкой, не набирай консервов, лучше попробуй приготовить шашлык.

Перед тем, как выйдешь из дома, нарежь баранину небольшими кусочками и сложи в кастрюлю или ведро. Слегка присоли ее, поперчи, переложи тонко нарезанным репчатым луком и сбрызни уксусом.

Пока ты с друзьями доберешься до стоянки, пока разведешь костер, пройдет, наверное, часов пять-шесть. Баранина за это время промаринуется.

Нанижи кусочки мяса на шампуры (маленькие металлические шпаги) и начинай жарить над раскаленными углями. Не забудь шампуры поворачивать! Через пятнадцать минут шашлык готов. Нас научили делать его ребята из Телави.

можно обратиться, они помогут, они заботливые. Я в прошлом году долго болела. Наши ребята все время приходили ко мне, рассказывали, что задано на дом, и просто так навещали. А еще очень поддерживали настроение письма из Грузии. Гиви написал однажды:

«Юлия! Не грусти, что ты заболела. Я бы с тобой с удовольствием поменялся: у нас завтра контрольная».

А Сережа прислал рисунки, там море совсем не такое, как наше Балтийское. Оно синее, веселее. Мне было хорошо смотреть на эти картинки.

Рассказ Бируте Тришкайте

К приезду грузинских ребят мы решили устроить обед. Только не простой, а из грузинских национальных блюд. У Алдониной мамы есть толстая книга о всяких кушаньях. И мы сами приготовили лобио, шашлыки и грузинский суп, он называется харчо. Когда ребята ели, они все очень хвалили, а одна девочка, Мзия, сказала, что такой шашлык она пока еще готовить не умеет, потому что у них дома шашлык всегда делает папа. Но теперь и она попробует удивить свою семью.

Рассказ Алдоны Руджяйте

Мы встречаем наших друзей каким-нибудь интересным делом. Потому что они же к нам едут в каникулы. В прошлый раз мы собирались в поход, а когда узнали, что они приедут, нарочно отложили, чтобы пойти вместе. Они по-настоящему увидели нашу красивую Литву, озера Игналины, зеленые и прозрачные до самого дна. Мы катались все вместе на «Ракете», долго говорили у костра. Ребята сказали, что, когда мы будем у них, они поведут нас в горы. Только это уже будет поближе к лету.

За окнами начало темнеть, мы сидели в тихой школе. Алдона поправила волосы и сказала:

— Мы и сами стали дружнее с тех пор, правда?

И все согласились с ней.

Я подумала, что так далеко друг от друга живут два седьмых класса. Жаркая Грузия. Прохладная Литва. Живые, нетерпеливые, смуглые грузины. Сдержанные белоголовые литовцы. Непохожие языки, непохожие песни, непохожие характеры. А все равно друзья, да еще какие! Щедро делятся всем хорошим. Поддерживают в беде. Учатся друг у дружки пионерской науке. И я сказала ребятам, что они счастливые люди. Что там ни говори, а самое большое счастье — иметь верных друзей. И ребята со мной согласились.

Мы шли по улице. Впереди Владас, Юлия, Эдгар, а мы немного сзади. Что-то изменилось, я не сразу поняла, в чем дело. Потом догадалась: ветер утих. Петушок на школьной крыше стоял спокойно.

...Это так просто, что сначала мне показалось, будто я сама все придумала. И старика, и солнечные круги за его спиной, и стебель. А художник (ему немного лет, но он художник) только перенес их на металл.

Иногда под рисунками и чеканками пишут названия, а он не стал. В самом деле... Сидит старик с огромными руками и охраняет крошечный стебель, чтобы ничего с ним не случилось. Наверное, это и есть «все в порядке».

КТО ПРОДОЛЖИТ РАССКАЗ О ДРУЗЬЯХ ИЗ ДРУГИХ РЕСПУБЛИК?
Может быть, ты, Шайыркуль? Или ты Мехман? Или вы, Тарас, Шахло, Тиит?
Что узнали вы о героическом прошлом республик, где живут ваши друзья, о народных подвигах в дни Октябрьской революции, во время гражданской и Великой Отечественной войн, об успехах в годы пятилеток и в наши дни?

Может быть, взрослые (папа, мама, сосед, учитель, пионервожатый) рассказывали о дружбе, которая родилась в палатках Ташкента, в окопах под Орлом и Курском, на целинных землях Казахстана?
КАКОМУ ИНТЕРЕСНОМУ ПИОНЕРСКОМУ ДЕЛУ НАУЧИЛИ ВАС ДРУЗЬЯ?
КАКИМ СОВЕТОМ ПОМОГЛИ В ТРУДНУЮ МИНУТУ?
ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ СОВЕРШАТЬ ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРУГУЮ РЕСПУБЛИКУ? ЧТО НОВОГО ВЫ УВИДЕЛИ, УЗНАЛИ? ЧЕМУ НАУЧИЛИСЬ?
ЖДЕМ ВАС У НАШЕГО ПИОНЕРСКОГО КОСТРА ДРУЖБЫ!
А в конце года ПИОНЕРСКИЙ КОСТЕР ДРУЖБЫ, который горит теперь на страницах нашего журнала, мы зажжем во Всесоюзном пионерском лагере Артек.

РАССКАЗЫ О МОЕМ ДЕТСТВЕ

В. БУБНИС

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

КНИГА

Я не могу вам показать ее сегодня — так же, как и деревянную тележку, глиняную свистульку, как трещотку из лучинок.

Ее уже давно нет.

И все же, почему я постоянно вспоминаю все это? Я вспоминаю вечера, когда брат сидел за столом и читал про сиротку Элените и ее братца, что стал ягненком. Брат читал сказку за сказкой из одной и той же книжки, другой у него просто не было. У меня же была самодельная тележка, кнут я тоже себе свил, а вот книги у меня не было...

— Еще... Почитай еще что-нибудь! — приставал я к нему.

У стены скрипела дощатая кровать. Отец сердито покряхтывал и вздыхал.

— Будет. — Брат вставал и гасил лампу. — Керосин — это тебе не вода, из колодца не зачерпнешь.

Я лежал в темноте с открытыми глазами и никак не мог уснуть. Все думал, размышлял. Но так и не мог понять, откуда берется книга, в которой помещается столько интересного.

Сам не знаю, как это вдруг у меня получилось.

Однажды я взял бумажный мешок из-под сахара, расправил его, разрезал на небольшие полоски, сложил их пополам и сшил шерстяной ниткой. На одних листках я вывел буквы, которые знал — по одной на каждом, а на других нарисовал домик, собаку. Потом еще букву и еще домик...

— Отец, а у меня книга.

Он сидел у окна на лавке и чинил упряжь. Кинул беглый взгляд в мою сторону и проговорил:

— Только не путайся под ногами.

Я потоптался рядом.

— Мама, у меня книга...

Мама перестала вертеть веретено, стряхнула с передника приставшую кострику и взяла мою книгу. Помусолила растрескавшиеся пальцы и принялась листать жесткие страницы, то и дело спрашивая:

— А тут что написано?

Я забрался к ней на колени, от которых пахло льном, и стал читать. Про волшебный замок, где живет дракон о семи головах, охраняющий заколдованные сокровища, про мачеху, кинувшую пасынка у межи, чтобы ведьмы подобрали, про сестрицу Элените... Я все читал да читал, а мама слушала. У нее было ясное, ласковое лицо, а глаза смотрели куда-то очень далеко...

— Хорошая у тебя книга,— сказала она.

...Много лет промчалось с тех пор. У меня большая библиотека дома. Только среди огромного количества книг нет ее, моей первой книжки. Она не сохранилась. А сумел бы я сегодня прочесть ее?

ДУШИСТЫЙ АИР

В те времена частый березнячок по ту сторону поля казался мне таинственной грозной пущей, речка Швяндре, протекающая мимо,— могучей полноводной рекой, а холм за деревней — высоченной горой. Целыми днями я носился по двору, играл в огороде. За небольшим садиком начиналось болото, большое, глубокое и с одного конца топкое. Там рос аир, трещали лягушки, расцветала зеленой ряской темная вода.

Однажды мама поставила опару, затопила печь и говорит:

— Сбегай принеси аиру.

Я любил, когда она пекла хлеб на аире. Нижняя корочка получалась коричневая, хрусткая и так чудесно пахла! А еще если теплая горбушка, с маслом... Ешь — не наешься.

Я помчался к болоту, забрел в топкую грязь и принялся рвать длинные листья аира. Был теплый солнечный день, вокруг сновали пчелы, копошились в цветах. У самой дорожки меж старых яблонь лежали льняные холстины, которые выткала мама. Целую зиму жужжала ее прялка, всю весну постукивал станок. А теперь по утрам мама расстилает свои холсты на траве, чтобы они выбелились на солнце. По краям у них пришиты петли, куда мама втыкает колышки, чтобы ветром не унесло. По вечерам, когда выпадает роса, мама сворачивает холстины и, взвалив их на плечо, уносит в сарай.

Я не зеваю по сторонам, а торопливо рву аир, накладываю себе полную охапку. Крепкий, едкий его запах напоминает мне о хлебе, рот наполняется слюной.

Сообразив, что я нарвал аира на целых четыре каравая, вылезаю на берег. Сбегать, что ли, к мосткам, опустить ноги в воду и поболтать ими немного? Но меня подгоняет мысль о свежем хлебе с прилипшими к нему листьями аира, и я выбегаю на тропинку. Внезапно я останавливаюсь. Сколько раз бегал мимо — не останавливался, а сейчас встал и смотрю на белые мамины льняные холстины. Они белеют на солнце, сверкая, точно свежевыпавший снег, точно чистейший сахар. Аккуратно разостланные друг за дружкой, они тянутся до самого забора нашего огорода, словно мост, ведущий к заколдованному сказочному замку. Словно бе-

лая дорога, по которой добрая волшебница вела сиротку в королевство чудес... И я выбегаю на эту дорожку. Мчусь стремглав, прижимая к себе охапку аира. Бежится легко, весело и радостно. Как мягко босым ногам... Так бы и бежал все время! Дорожка такая короткая, а мне бы хотелось, чтобы ей не было конца.

Я останавливаюсь, оглядываюсь назад, и аир выпадает у меня из рук: на белоснежных маминых холстинах — мои черные, грязные следы.

Исчезает теплый запах хлеба и аира, будто налетевший ветерок разогнал его и унес неизвестно куда.

СИЛКИ

Не был я особенным каким-нибудь сорвиголовой, но от старших мне влетало ничуть не меньше, чем остальным. А то и больше. Все из-за моего «длинного носа», который я будто бы совал куда не следует. До школы далеко — пока дойдешь, пока домой вернешься, чего только не натворишь. Если весна или начало осени, шлепаешь по ручьям, карабкаешься на деревья, лазишь по чужим садам. Случается и подраться. Мама едва успевает чинить штаны, зашивать лопнувшие швы курточки, перевязывать ободранные локти, исцарапанные ноги. А как зимой пройти мимо болота, не испробовав, крепок ли лед? Как не проверить меткость броска, запустив снежком в дерево, стену дома?

— Это ты выбил окно у Бендорайтисов?— Гневный взгляд учителя пронзает меня насквозь.

— Бронюс велел. Саукайтис.

— Не велел я,— выкручивается Бронюс, даже не краснеет.

— Он кинул и не попал, а тогда и говорит: теперь ты кинь...

— А если бы он тебе сказал сунуть руку в огонь,— сунул бы? — интересуется учитель.

Я молчу.

Учитель поднимает палец и назидательно произносит:

— Надо думать собственной головой.

И я сам себе обещаю: буду думать! Всегда теперь буду думать, что делаю.

Потом опять обещаю. И опять, и опять...

За что только меня тогда не наказывали! Всего не перескажешь, даже запомнить трудно. Зато я отлично помню, как однажды меня не наказали, хоть и было за что.

Зима тогда стояла холодная, морозная. Снегу навалило — еле ноги вытащишь. Нам надоело играть в войну, лепить снеговиков, таскаться по полям с санками. И вот однажды Бронюс говорит мне:

— А я зайца поймал. В силки попался.

В другой раз Бронюс принес в школу два силка и обменял их у Кястаса на складной ножик. Вскоре после этого и Кястас гордо заявил, что он поймал зайца.

— Большущий, жирный, как теленок! — И он развел руки, показывая, какой большой был заяц.

Попросил и я у Бронюса силки. Задаром не соглашается. Давай, говорит, меняться. А что я ему дам в обмен? Ножик жаль, коньки тем более.

— Знаешь что, я тебе шкурку этого зайца отдам, ладно?

Бронюс пристально взглянул на меня.

— А не обманешь?

— Что ты, Бронюс. Вот при Кястасе обещаю тебе.

— Он отдаст,— подтвердил Кястас.

Наутро Бронюс принес мне силки, и после уроков я помчался прямиком домой.

За домом, в саду, снег весь в узорах, точно мамина праздничная скатерть. Я принимаюсь разбирать эти узоры. Вот синичка прыгала, а это кот, небось, наш Райнюс, крался. А вот собака пробежала — следы крупные, глубокие. Как у волка. А что если волк? Я вздрагиваю, оглядываюсь назад и тут замечаю мелкие заячьи следы. Мимо торчащих из-под снега темных кустов смородины, мимо слив и вишен убегают они к самому концу сада. То в одну сторону, то в другую, а под ольхой целая площадка вытоптана. Снег разворошен, видно, возился тут длинноухий на одном месте, стоял, прислушивался, озирался. Ну, погоди ты у меня, явись еще разок.

Я проверяю силки перед школой, осматриваю после школы. Но вот проходит день, два, а они все пустуют. Свежие заячьи следы четко выделяются на снегу, а в силках никого. Бронюс мне проходу не дает.

— Попался,— говорю я ему однажды утром. Ведь куда легче соврать, чем терпеть насмешки.

— А какой?

— Вот такой! — Я растопыриваю пальцы и показываю руками.

— Шкура когда будет?

— Как только сдерут.

— Ну смотри!

На следующее утро я снова заявляю:

— Еще один!

— Везет тебе! — с завистью вздыхает Бронюс.

Однако на деле силки точно заколдованные. Даже один раз я своими глазами увидел: на горке сидит заяц. И не боится нисколечко. Я слепил снежок и запустил в него. Заяц прыг-скок и снова уселся, шевелит ушами. Я даже разозлился: издевается надо мной лупоглазый. Эх, ружье бы...

Назавтра я прихожу из школы расстроенный. Бронюс все пристает, велит шкурку принести, а откуда я ее возьму? «Надо собственной головой думать»,— вспоминаю я слова учителя. А что толку? Что тут надумаешь?..

Я никак не могу понять, отчего это произошло. От страха ли он умер? Или оттого, что очень хотел жить?..

На всякий случай заглядываю в сад и вижу: кто-то копошится под ольхой. Неужели заяц? Я громко вскрикиваю. Ну, конечно! Заяц вскакивает, начинает метаться в силках. Я бегу по глубокому снегу, размахиваю руками, а сердце так и стучит от радости: «Попался! Наконец-то ты мой!».

Заяц высоко подскакивает, точно хочет перепрыгнуть через ольху. Но петля, затянутая на задней ноге, не пускает его. Заяц снова подскакивает, пытается вырваться, но падает. Прыгает и падает...

Я стою, будто у меня сил нет выбраться из сугроба, и не знаю, как мне быть. Пыл мой остывает, а сердце бьется тревожно, словно это я сам попал в силок.

Заяц снова подпрыгивает и шлепается на землю. Стучит ногами, путается в силках. Потом замирает. Лежит, разметав ноги, голову. И только веревка силка натянута, точно струна.

Осторожно, словно боясь разбудить спящего, я приближаюсь к моему зайцу. Снег под деревцем истоптан, усеян обломанными веточками, на остром сучке клочок серой шерсти.

Заяц как-то странно неподвижен. Непослушными пальцами я долго стягиваю петлю, до крови врезавшуюся в его ногу. Скорей бы только освободить его, пусть удирает. Ну его... Только заяц не встает. Я подталкиваю его, поворачиваю, пытаясь поставить на ноги, и вдруг соображаю: он мертв. Мысль эта так неожиданна, что я в ужасе пячусь. Потом наклоняюсь над зверьком и долго смотрю на белый остекленевший глаз, обращенный прямо ко мне, и никак не могу понять, отчего это произошло. От страха ли он умер? Или оттого, что очень уж хотел жить?

Я бреду по глубокому снегу к Бронюсу.

— Можешь забирать,— скажу я ему. — И зайца и свои силки. Бери, мне не нужно. Не надо мне!

И пусть он смеется, пусть!

ТРИ ШАГА ВОЙНЫ

ВЕЛОСИПЕД

Мы нашли этот велосипед в куче хвороста. Но если бы не Бенюс Тракимас, который прибежал к нам во двор сразу же после обеда, неизвестно, обнаружил ли бы я в таком скучном месте, за сараем, где еще весной отец свалил воз еловых веток, эту замечательную находку. А Бенюс не успел как следует осмотреться во дворе, как тут же воскликнул:

— Вот это да — велосипед!

Мы вытащили велосипед из-под веток, выкатили на ровную землю и остановились, не зная, что с ним делать. Я боязливо озирался.

— А если вернутся?..

— Не бойся, не вернутся.

Немцы с самого утра остановились у нас во дворе. Устроились под тополями и липами, покрыли свои машины зелеными ветками. Они пили воду из нашего колодца, умывались, брились. И болтали, шутили. Я стоял поодаль, с любопытством наблюдал, как блестели на солнце стволы автоматов, как солдаты ели мясо из ярких банок, макая туда белый хлеб. Один из них поманил меня пальцем. Он дал мне плитку шоколада, подмигнул и засмеялся. Он понравился мне — молодой, веселый, добрый. Солдат что-то говорил, жестикулировал, но я все равно не понимал. Потом они все улеглись на лужайке. Но вскоре приехал еще немец, верхом на лошади, что-то крикнул, и все быстро вскочили на ноги, забегали, засуетились, а потом уехали. Пыль долго клубилась на дороге...

— Это женский велосипед,— заявил Бенюс.

— Ну и что же? — возразил я. Мне показалось, будто Бенюс считает, что велосипед никуда не годится.

— Ничего. Просто говорю, что он женский. И без одной педали. Отломалась педаль.

— Ты умеешь ездить?

— Я-то? А чего тут не уметь?

Это было для меня новостью. Когда и где выучился Бенюс ездить на велосипеде? У нас в деревне ни у кого не было этой машины. Только староста раскатывал на собственном велосипеде. Он приезжал, ставил его у ворот, и, если мне удавалось потрогать тугие шины и блестящий никелированный руль, я был донельзя рад. А теперь вдруг у меня оказывается свой велосипед. Только бы выучиться кататься.

— Ты прокатись, Бенюс, а? Попробуй.

— А то как же! И попробую, покажу тебе...

Он закатал обе штанины, поплевал на ладони, взял велосипед за руль и повел его, точно упирающегося барана за рога.

— Поезжай! Поезжай! — Мне не стоялось на месте.

Тропинка сбегала с холма вниз. Бенюс занес правую ногу и поставил ее на педаль, левой оттолкнулся. Велосипед качнулся вбок, и Бенюс свалился с него. Он тут же вскочил на ноги, ругнулся и покраснел.

— Это пустяки...

И снова попытался сесть.

Велосипед опять накренился, и Бенюс свалился с него. Он еще больше покраснел.

— Дурак! — сердито бросил он мне, хоть я и не думал смеяться.— У него же всего одна педаль.— Он отер пот и тихо добавил:— Подержи-ка лучше сзади...

— Бе-е-нюс! — донесся до нас голос.

Бенюс взглянул на свой дом. Там стоял его отец.

Бенюс любил отца и повиновался ему беспрекословно. Но сейчас, вместо того чтобы бросить все и помчаться к дому, он только подстегивал меня:

— Давай держи!

Тракимас-отец, увидев нас, пошел навстречу прямо через поле, с младшим сынишкой Альбинукасом на руках.

— Немцы забыли,— похвастал я.

— Ничего штучка! — одобрительно произнес он, наклонился и стал разглядывать велосипед.— Только починить надо. Я исправлю как-нибудь. А мне дашь покататься?

Его выгоревшие на солнце брови и хитрые глаза весело улыбались.

— Конечно, даст! — ответил за меня Бенюс.

— Хоть сейчас,— предложил я.

— Сейчас нет. Сейчас мне некогда. Бенюс,— обратился он к сыну,— возьми-ка малыша, а я сбегаю за бабкой к Андрияускасам. И пока не ходите в избу, поиграйте на улице, ладно?

И Тракимас побежал, босой, в одной рубашке, а мы смотрели ему вслед и молчали. Только Альбинукас тихонько хныкал. Ему хотелось дотянуться до звонка у велосипеда.

— Бабка? Зачем вам бабка? — спросил я.

— Мама слегла.

— А бабка на что?

— Много ты понимаешь! — сказал Бенюс и значительно произнес:

— Над нашим домом аист кружит... Поехали!

Он поставил велосипед, нажал на педаль и налег на руль. Я бежал следом, подталкивая велосипед. За нами плелся малыш Альбинукас.

— А знаешь, хорошо все-таки, что война, а? — сказал я, когда мы таким образом взбирались в гору.

Бенюс задумчиво посмотрел на меня.

— Как сказать...

— А велосипед? Если бы не война, мы бы его не нашли...

— Велосипед — ничего штучка,— сказал он словами отца и с силой надавил на педаль.

Над нами, высоко в небе, проносились самолеты, и тяжелый их рокот сотрясал опаленную июньским солнцем землю.

ЗА ЧТО?

Я не видел, как все это было. Ничего я не видел. Я только слышал, как люди говорили. Сквозь жалобный плач, сквозь слезы шелестел шепот женщин, глухо бормотали мужские голоса. Я все теперь знал, и мне не надо было даже прищуриться, чтобы увидеть...

Это неправда, будто бы я не видел. Видел я!

...Человек шел по середине дороги, босой, в одной рубахе. Его большие растрескавшиеся ступни поднимали облачка пыли. Серая пыль, точно инеем, покрывала траву, клевер, листья придорожных вишневых деревьев.

Что-то блеснуло в пыли. Человек остановился, подвигал в пыли большим пальцем босой ноги. Наклонился и поднял. Он никогда не воевал, не держал в руках никакого оружия, однако он догадался — это гильза. Красноватая, блестящая. И теплая. Приставил ко рту, дунул. Раздался глухой свист. Ага, он принесет ее сынишке Альбинукасу! Это будет его первый подарок. Он еще никогда не приносил ему игрушек, хоть и обещал давно. То-то радости будет малышу — свистулька! Найти бы еще одну, для Бенюса. Не то, чего доброго, передерутся. Человек внимательно вглядывался в дорожную пыль, разгребал ее ногой. Заметил металлический прут. Поднял, прищурился и повертел в руках. Пригодится — можно ось для велосипедной педали сделать. Он же обещал исправить...

Из-за пригорка выскочил мотоцикл. На солнце блестела солдатская каска.

«Фашисты,— узнал человек и подумал:— Пожалуй, кину-ка я это...»

Он отшвырнул железку в сторону, прямо в канаву, и вытер пыльные руки о штаны.

Мотоцикл взревел совсем близко и резко затормозил. Солдат соскочил на землю, автомат болтался у него на груди. Он выкрикнул какие-то непонятные слова.

Человек еще раз отряхнул руки и поднял их над головой. Солдат кинулся к нему, ощупал рубаху, пояс штанов, обшарил карманы. В руке у человека он заметил гильзу. Немец что-то кричал, но человек не понимал его языка. Он ничего не понял, он не знал ни единого слова из тех, что произносил солдат.

Солдат перепрыгнул через канаву, куда человек закинул железную спицу, стал шарить в разросшемся клевере и все время что-то выкрикивал, чего-то требовал.

Человек остался посреди дороги, не смея опустить поднятые руки.

Фашист ткнул дуло автомата прямо ему в грудь и стал отталкивать его назад. Человек пятился, глядя немцу в глаза своими широко раскрытыми глазами. Он упал в канаву и кое-как выполз из нее. Полусидя ползал он в траве под наведенным на него дулом автомата. Солдат снова выкрикнул что-то на своем языке, и тишину знойного полудня нарушили выстрелы.

Человек нелепо подскочил, взмахнул руками и повалился навзничь в пышный клевер.

Две маленькие теплые гильзы упали в дорожную пыль.

КОНЕЦ ВЕЛОСИПЕДА

Тракимаса схоронили соседи. В тот же гроб из необструганных досок положили и новорожденного, который в этот день появился на свет.

Тихо было в деревне. Точно никто в ней и не жил. Только женщины робко, тихонько заходили друг к другу и гадали: что же это будет, как теперь жить?

За хлевом стоял велосипед. Время от времени я таскал его по двору, катался немного и снова ставил на прежнее место. Я ждал Бенюса, но тот не появлялся. Ни в этот день, ни на следующий. Я слонялся по двору, висел у плетня, высматривая друга. Вот их домик, ракита с раздвоенным стволом, забор... Но тишь, пустота, даже дым из трубы не валит.

Как-то я услышал, как мама шепотом сообщила отцу:

— Прямо не знаю, что и говорить... Она все сидит как каменная. Хоть бы слово вымолвила. Ей говоришь, а она молчит. А уж глаза...

Я сразу понял, о ком говорила мама.

Наутро я помчался к домику Тракимасов. У ракиты я остановился. Смотрел на окна и не решался войти.

Через порог перекатился Альбинукас. Он

Быстрым движением Бенюс сунул свою палку в колесо велосипеда.

стянул с себя штанишки и присел у стены. Руками он загребал песок.

— Альбинукас! — позвал я его.

Он приковылял, точно утенок, на искривленных ножках.

— Где Бенюс, а, Альбинукас?

— Я ешть хотю,— прошепелявил малыш.

— А где Бенюс? — снова спросил я, но Альбинукас не ответил, а заковылял к смородиновому кусту, на котором висели зеленые ягоды.

Я подошел к окну, привстал на цыпочки и осторожно заглянул. На краю разворошенной постели сидела Тракимене; ее сцепленные руки были зажаты между колен, и она покачивалась всем телом вперед-назад, вперед-назад. Рядом, на кровати, стоял на коленях Бенюс и расчесывал ее волосы. Одна длинная коса уже была заплетена и свисала до пола.

Бенюс поднял голову и заметил меня.

— Что скажешь? — спросил он, выйдя на порог, но близко не подошел.

Я растерялся.

— Ничего...

Бенюс смотрел куда-то мимо меня. Я тоже посмотрел в ту сторону, но ничего там не увидел.

— А почему ты не приходишь? — спросил я.

— Потому что война.

— А почему твоя мама...

Бенюс повернулся и пошел назад в избу. Мама часто собирала узелок и бегала к Тракимене. Я реже, потому что Бенюс не хотел со мной играть.

Осенью он не пришел в школу. И на дорогу не выходил, когда я проезжал на велосипеде. Однажды я встретил его — он шел домой с корзинкой, висевшей на веревке через плечо. В руке у него была палка. Он шел медленно и полосовал палкой придорожную сухую полынь.

Я соскочил с велосипеда, подождал его и спросил:

— Ты откуда идешь?

Бенюс остановился, повернулся ко мне лицом, и я заметил, что лицо у него узкое и серое, как пыль на дороге. Он мрачно смотрел на свои ноги, обутые в большие отцовские башмаки.

— Где ты был, Бенюс?

Он ничего не ответил мне, только потихоньку отвел за спину руку с узелком, от которого пахло хлебом.

Я поехал дальше, поднялся на холм и пустился назад, вниз. Мне хотелось покрасоваться перед Бенюсом. Пусть видит, как я здорово катаюсь! Не то что он — вправо-влево, набок — плюх!..

Я вовсю вертел педали, дергал звонок. Мне весело, радостно, смотри на меня, Бенюс!

Бенюс оглянулся и, когда я уже поравнялся с ним, быстрым движением сунул свою палку в переднее колесо велосипеда. В тот же миг я перекувырнулся в воздухе и покатился в канаву. Бенюс хохотал. Но смех его был не тот, что прежде, когда окрестные поля так и звенели от этого веселого, заливистого смеха.

Я медленно поднялся. Бенюс замолчал, посмотрел на меня, на велосипед с помятым колесом и торчащими спицами. Он опустил голову, точно устыдившись сделанного, зажал под мышкой свой узелок с краюшками хлеба и пошел прочь, в огромных стоптанных башмаках, шаркая, словно дряхлый старик, с трудом волоча ноги.

С ободранного локтя капала кровь, но боли я не чувствовал. И мне не было жаль велосипеда. Я стоял на дороге и взглядом провожал своего друга — маленького человека.

Перевела с литовского
Д. ЭПШТЕНАЙТЕ.

Юрий КРУТОГОРОВ

Рисунки Ю. КОРНЕЕВА.

«Букет

Пять дней в гостях у Нателлы Челебадзе, которая еще пионеркой была удостоена звания Героя Социалистического Труда

День первый. Про Дато, Кетино, тридцать трех братьев Челебадзе и их дядю

Нателла Челебадзе живет на улице Ленина в аджарском поселке Кобулети. Это недалеко от Батуми. У нее просторный дом с верандой и почти триста родственников.

Первым, с кем я подружился, был восьмилетний сын Нателлы Дато. У меня с ним сразу установилось полное взаимопонимание, хотя по-русски Дато знает всего-навсего две строчки из песенки: «От зарьи до зарьи, от тьемна до тьемна».

Утром Дато будит меня гортанным паролем «От зарьи»? Я откликаюсь: «До зари»! Мы бежим купаться: потом, не обсохнув, он тащит меня за руку в сад, срывает с веток инжир, взлетает на дерево, и груши, увесистые, как боевые гранаты лимонки, шлепаются в траву.

Главный мой переводчик — старшая дочь Нателлы, пятиклассница Кетино, девочка с огромными и красивыми, как у грузинской царицы Тамары, глазами.

— Дато хочет покататься на лошади! — Я сажаю Дато на плечи. «Йо-го-го-го» — и мы несемся по саду. Дато пришпоривает твердыми пятками, Кетино скачет рядом, ее толстая коса плещется, как хвост жеребенка. Она смеется.

К обеду с гостем из Москвы приходят знакомиться братья Нателлы—родные, двоюродные и троюродные — высокие, темноволосые, с борцовскими мышцами парни — и с ними, конечно, дядька—правда, без черной бороды, но Черномор по праву: у Черного моря родился и живет здесь уже 82 года.

Братья и дядька поочередно жмут мне руку. «Гамарджоба (здравствуй), Сулико», «Дила мшвидобиса (добрый день), Бичико. Между прочим, шофер», «Важа, чаевод...»

И так тридцать три (никак не меньше!) рукопожатия, а дядька Черномор сказал мне:

— Перед тобой — Челебадзе. Ай, разве всех соберешь? Нателла, моя племянница, сестра этих мальчиков. За Нателлу мы никогда не краснеем. Это такой человек!.. Но напиши про сестру Нателлы — Маро. Она за чай орден Трудового Красного Знамени имеет. Напиши про сестру Нателлы Сурию — она тоже Герой Социалистического Труда. Послушай, и не забудь сказать о сестре Нателлы Фодиме — и она Герой Социалистического Труда. Кто скажет, что у меня плохие племянницы и племянники?

Грузии»

Потом мы, конечно, пили чай. Не просто так себе, выпивали чашку за чашкой, а с пониманием, какой это драгоценный напиток, какая в нем целебная сила, ибо только в потомственной семье чаеводов осмысливаешь аджарскую мудрость: «Один стакан чая — жажду утолишь, два стакана — удовольствие получишь, три стакана — от усталости избавишься».

А Нателлу я в тот день так и не увидел. Рано поутру ушла она на чайную фабрику, где работает директором, и поздно вернулась. Так с мая по сентябрь, в период сбора и сдачи чайного листа, она трудится каждый день. От зари до зари, от темна до темна.

День второй. Про то, сколько чая умещается в кошелке

С Нателлой Челебадзе мы едем в горное село Керике — это ее родина. Там живет мама Мэри Хусаиновна, там школа, куда она пошла в первый класс, там она стала пионеркой, там чайная плантация, где Нателла начинала. Ей было тогда двенадцать, ростом она была с чайный куст, может, на мизинец выше.

Нателла Челебадзе.

Пришла к председателю колхоза Хусейну Чхония. «Гамарджоба!» «Гамарджоба, девочка!» «Дядя Чхония, дай мне плантацию, дай мне собственную кошелку». «Ай,ай, девочка, о чем, послушай, говоришь? Зачем сердишь дядю? Иди решай свои задачки». «Дядя Чхония, дай мне плантацию. Я рано встану, я поздно лягу и задачку тоже решу. Дай кошелку, дядя Чхония». «Ай, она меня с ума сведет, у меня без нее забот нет, да? На тебе кошелку, на тебе плантацию. Соберешь на заварку, спасибо скажу».

Она все же получила плантацию рядом с маминой. Совсем небольшую плантацию, так себе, «пятачок».

В кошелке — десять килограммов. Нателла в тот сезон собрала сто кошелок. Об этом сказали председателю колхоза. «Ай, не морочьте голову. Зачем обманывать Чхонию? Она сама еще ростом с чайный куст». Но Нателла действительно собрала со своей плантации, со своего «пятачка» тонну первосортного чая.

Потом ей дали, как и взрослым, полгектара. Это была настоящая плантация — чайные кусты-полушария тесно взбегали на склон.

У кустов была густая зеленая шерсть. «Вот, дочка, теперь ты будешь вместо меня»,— мама раньше работала на этой плантации.

В конце второй четверти после пятого урока Нателла каждый день прибегала сюда. Под старым, давно отцветшим кустом ее ждала лопата. Нателла оставляла на траве портфель, брала лопату, копала междурядья — шаг за шагом, выше и выше... Эта работа, обязательная для всех чаеводов, называется так: «зимняя перекопка». В междурядья надо засыпать удобрения. Аккуратно засыпать, ровненько, чтобы каждый куст получил свою порцию.

Но тут выяснилось, что фосфора завезли много, а калия совсем нет. Це, це, це, кому нужна такая работа? Женщины с других плантаций усаживались на пригорке и терпеливо ждали, а Нателла не бежала, а летела в правление. «Дядя Чхония!» «Я дядя Чхония!» «Калия нет. Шофер опять повез мандарины на базар?» «Ай, девочка, зачем зря говоришь? Будет калий. Эй, почему калий не везут на плантации?»

В феврале она, как и все женщины, формовала чайные кусты. Подстригала их «под горшок», чтобы кусты не разрастались в вышину, чтобы были пышными, округлыми, чтобы было больше молодой, светло-зеленой поросли — флешей. Это стебелек тоненький, словно спичка, на кончике почка с маковую головку и три листочка. Вот эта почечка и первый, светло-зеленый, только что проклюнувшийся листик идут в самый лучший сорт чая — «Букет Грузии». Из второго и третьего листка выходит «Экстра». Чем нежнее листья, тем ароматнее чай.

Пришел май. В школу — к девяти. А Нателла вставала в четыре утра. К первому уроку четыре или пять кошелок соберет. Врывается в класс растрепанная, мокрая с ног до головы от утренней росы, с пальцами, зелеными от чая, пахнущая чаем.

Ее тогда встретил Чхония. «Девочка, экзамены скоро. Отдай кому-нибудь свою плантацию». «Дядя Чхония, зачем так говорите? Я не маленькая, я никому не отдам кошелку».

Ей так было интересно жить, ей так было весело жить, ей так было трудно жить, но в ней кипела горячая кровь предков, которые могли по двадцать часов трудиться на поле, а потом, придя домой, петь и плясать до утра. Ей хотелось быть взрослой, сильной, полезной людям. Ей нравилось, когда старики говорили: «О, эта маленькая Нателла!» Ночью, сделав последний урок, она засыпала за три шага до кровати, за десять секунд до того, как упасть на кровать...

Давно это было, в 1948 году. Нателла вспоминает сейчас об этом вместе с мамой Мэри Хусаиновной. Еще свежа в памяти была война. Рук не хватало. Село отстраивалось. Как много нужно было сделать! «Нателла собрала тогда чаю больше, чем я. У нас лучшие ударницы собирали за сезон по шесть тонн. Дочка на семьсот пятьдесят килограммов больше собрала»...

Нателла кивает мне. Мы идем на ту, первую ее плантацию. Теперь здесь работает Маро, сестра Нателлы. Нателла подбегает к ней, на ходу сбрасывает легкую кофту, на ходу повязывает вокруг головы красную косынку, на ходу подхватывает пустую кошелку, и вот уже ее тонкие длинные пальцы разбегаются по кусту. Нателла раскраснелась, косынка свалилась со лба на плечи, легким движением она поправляет кошелку. И тут с гор прибегает ветерок. Он обвивает вокруг шеи Нателлы косынку, как пионерский галстук. Как тогда. Как давно. Как много лет назад, когда Нателла узнала, что ей, четырнадцатилетней девочке, присвоили звание Героя Социалистического Труда.

День третий.

Про школу восемнадцати Героев

Нателла кончала школу в селе Бобоквати. Я приехал сюда. Это высоко в горах. Здание из белого камня. Как мелок посреди травы.

Меня встретил директор Анзор Качаладзе. Он показал рукой в сторону холма: «Видите плантацию? Когда Нателла Челебадзе была у нас председателем совета дружины, она предложила создать новую плантацию, подарить ее колхозу.

Вся школа это делала. Теперь тут собирают «Букет Грузии». Можно такую девочку уважать? Вот почему дружина нашей школы носит имя Героя Социалистического Труда Нателлы Челебадзе».

— Анзор, а верно, что вашу школу окончило еще семнадцать Героев Труда?

— Да, верно. Восемнадцать Героев вышло из стен школы. Разве этим нельзя гордиться? Как мы их вырастили, спрашиваете? Не только мы их растили. Колхоз. Все село. Работа их вырастила. А начинается все с той плантации, которую мы подарили колхозу. Наши мальчики и девочки — герои, не герои — все одинаково учатся на ней собирать чай. Это первый шаг. Джемал Кирчхели, Гугули Сурманидзе, Хава Болуквадзе больше всех других учеников собирают чаю: по тонне, по полторы... Вы с ними поговорите.

Я поговорил.

Хава Болуквадзе. Мы переписываемся с болгарскими пионерами. Рассказываем, как чай собираем на своей плантации, как за животными на ферме ухаживаем. Они спрашивают: «Кому вы хотите подражать в труде?» Я отвечаю: «Нателле Челебадзе!»

Гугули Сурманидзе. Когда палит солнце и в тени сорок градусов, хочется убежать с плантации. Ай, потерпит работа, думаешь. Но я вспоминаю: Нателла Челебадзе не убежала бы. И я не убегаю. Ничего!

Джемал Кирчхели. Я не знаю, кем буду. Кто скажет? Кем буду, тем буду, какой разговор. Не в этом дело. Надо, чтоб тебя уважали. У нас, правда, училось в школе восемнадцать Героев Труда. Даже не знаешь, кому подражать. У всех свое хорошее. Я буду всем понемножку подражать. Чтоб никого не обидеть...

День четвертый. Про фабрику — круглую отличницу

Трудный день у директора фабрики. Сто вопросов. Сто забот. На плантации училась, сельскохозяйственный институт окончила, агрономом была, а все равно нелегко. Очень даже! Она едет в колхоз. «Послушайте, друзья, зачем грубый чай на фабрику везете? Принимать не стану, и не уговаривайте». «Не стыди, Нателла, исправимся...»

Она права. От грубого листа — толку с гулькин нос. Не ароматный, не душистый чай получается. А аромат чая на фабрике определяют специалисты. Отметки аромату ставят по десятибалльной системе.

Специалисты пробуют чаек, причмокивают, лица задумчивые и настороженные, будто к чему-то прислушиваются. К себе прислушиваются. Улыбаются: «О, «Букет Грузии»!» Подмигивают друг другу: «Хороша «Экстра», хороша»! Хмурятся: «Этот сорт тоже неплох, но можно и лучше...» Мрачнеют: «Ай, не то! Некондиционный чай!»

Я с Нателлой иду по цеху. Как пахнет! Кажется, если принести сюда стакан кипятка, то он мигом заварится от одного аромата. Нателла берет горсть чая из одного сита. Нюхает. Эге-ге, она вроде недовольна. Так и есть. Подзывает мастера, выговаривает ему. Мне нравится следить за Нателлой, слушать ее, хотя большей частью она говорит по-грузински. Она порывистая. Откровенная. И вообще в ней много девчоночьего осталось.

Вечером Дато, Кетино, Нателла и я поехали в Батумский ботанический сад. Опоздали. Дато захотелось покататься на карусели, а это в Парке пионеров. Мы — туда. В этот неурочный час в парке безлюдно. Лишь у каруселей дремала старушка билетерша. Дато, Кетино и Нателла уселись на легкие скамейки карусели, и Нателла звонко крикнула: «Бабушка, трогай!» И они завертелись! Дато и Кетино громко смеялись, Нателла крикнула: «А вот я вас сейчас догоню!»,— и стала раскачивать свою скамейку. «Не догонишь, мама!» «Догоню, моя скамейка превратится сейчас в ракету!»

Старушка билетерша сказала что-то по-грузински и повернулась ко мне: «Шалунья,— говорю,— эта Нателла Челебадзе. Озорница».

День пятый. Про галстук Нателлы

Это было 1 сентября. В этот день Нателла вместе с Дато проснулись раньше обычного. Дато волновался, как бы не опоздать. Видно, у всех первоклассников на свете это в крови. «От зарьи?» — в самое ухо крикнул мне Дато. Я отозвался привычным песенным паролем и оказался сразу же вовлеченным в круг утренних первосентябрьских забот семьи.

Ну вот, оставалось совсем немного до первого звонка. Кетино вынула из комода выцветший, до блеска отутюженный пионерский галстук и повязала его.

Нателла чуть-чуть отступила от дочери и сказала мне:

— Хорошо сохранился, а? Ведь я еще в нем в школу бегала.

В. БУШИН

Маленькая Тусси и великий президент

В апреле 1861 года началась гражданская война в Америке, война Северных штатов с Южными, сторонников отмены негритянского рабства с рабовладельцами. Война вошла и в маленький домик Марксов на Графтон-террас в Лондоне. Ее событиями жили здесь все — от Женни и Елены[1] до шестилетней Тусси. Тусси забросила свои детские книжки и не хотела больше ни слушать, ни читать ни о чем, кроме войны Севера и Юга. Не было для нее отныне другого героя, кроме Авраама Линкольна, дровосека и охотника, ставшего президентом огромной страны.

В начале войны дела северян шли неважно. 21 июля 1861 года в первом крупном сражении при Манассасе армия мятежников-южан заставила северян отступить под самые стены Вашингтона.

[1] Женни — старшая дочь Маркса, Елена Демут — служанка и друг семьи Маркса.

В тот день Маркс уже ушел в библиотеку, когда принесли газеты, сообщившие об этом поражении. До самого вечера, пока он не вернулся, все в доме были угнетены, неразговорчивы. Встревоженная Тусси не могла дождаться отца, она побежала встречать его на улицу. Маркс подобрал ее, уставшую и печальную, уже довольно далеко от дома.

Как только с Тусси на руках он показался на пороге, все кинулись к нему. Маркс успокаивал, и ободрял, и отвечал на расспросы. Он говорил, что это временные неудачи. На Юге только девять миллионов населения, а на Севере — двадцать два, то есть в два с половиной раза больше, причем почти половина населения Южных штатов — негры. На Севере развита промышленность, много железных дорог, он богат хлебом, а на Юге ничего этого нет или почти нет. Хлеба своего там не хватает, его надо ввозить. Все это очень важно для конечного исхода борь-

Элеонора Маркс (Тусси).

Президент Соединенных Штатов Америки Авраам Линкольн.

бы. А кроме того, Север борется за благородное дело свободы, способное сплотить миллионы.

Тусси внимательно слушала отца. Она, конечно, не понимала, что такое миллион, но представляла, что значит в два с половиной раза больше: сестра Лаура не так давно говорила, что она старше Тусси именно в два с половиной раза. Понимала девочка и то, что железные дороги очень нужны, но особенно важным и убедительным ей казался довод о хлебе. Ведь Ленхен[1] повторяла: «Если хочешь стать моряком (а Тусси ужасно хотела), если вообще хочешь вырасти и быть сильной, то ешь все с хлебом, как я».

Когда, немного успокоенные Марксом, все разошлись по своим делам, Тусси спросила:

— Мавр[2], ты сказал, у южан мало хлеба. Едят они в день хотя бы по кусочку?

— По кусочку-то, пожалуй, едят, — улыбнулся отец. — Во время обеда.

— А Линкольн знает обо всем?

— О чем? — не понял Маркс.

— Что северян в два с половиной раза больше, что у южан мало хлеба, ну и остальное, о чем ты говорил.

— Конечно, знает!

Но Тусси не совсем была уверена в этом...

Потянулись долгие месяцы затишья. Бездействие южан, как говорил Мавр, объяснялось тем, что они ожидали на помощь себе войска Англии и Франции. Но почему бездействовали северяне? Это, наверное, потому, думала Тусси, что они забыли о своем огромном численном превосходстве и о том, что у южан мало хлеба. Надо написать письмо Линкольну и напомнить ему.

Приближалось рождество. Затишье на фронте длилось уже почти полгода. Главнокомандующим войск северян был назначен генерал Мак-Клеллан. Энгельс писал из Манчестера, что генерала выдвинула крупная буржуазия, что Мак-Клеллан бездарен, что он реакционер и даже есть основания подозревать его в симпатиях к рабовладельцам. Тусси решила: молчать больше нельзя. Однажды, когда отец пришел из библиотеки, она отозвала его в угол и протянула листок бумаги, исписанный ее старательными каракулями.

— Прочитай, — попросила она тихо.

— «Дорогой Авраам Линкольн!..» — начал было Маркс.

— Т-с-с, — огляделась по сторонам Тусси, — читай про себя.

Маркс читал:

«Дорогой Авраам Линкольн!

Вам пишет Элеонора Маркс, Тусси. Мы все очень уважаем вас и ненавидим южан. Рабовладельцев. Мы переживаем за вас, за ваши поражения, мы желаем поражения южанам, а вам — победы.

Дорогой Авраам Линкольн! Ваше бездействие меня удивляет и огорчает. Чего вы ждете? Или вы забыли, что вас в два с половиной раза больше, чем южан? Вам только стоит собраться всем вместе, и они пропали. У них нет железных дорог, а хлеба мало, только по одному маленькому кусочку на обед. А кто мало ест хлеба, у того и силы мало, так всегда говорит Ленхен.

Дорогой Авраам Линкольн! Я вам советую сформировать один полк из мальчишек и один полк из девочек, как я. Мы везде можем пройти и все разузнать.

[1] Ленхен — Елена Демут.
[2] Мавр — домашнее прозвище Маркса.

А еще я вам хочу прямо сказать: зря вы назначили главнокомандующим Мак-Клеллана. Он в душе на стороне южан и плохой полководец. Я советую вам его уволить и назначить главнокомандующим нашего дядю Фреда. Он живет в Манчестере. Мавр говорит, что лучшего знатока военного дела трудно представить. Он большой, смелый и сильный. Вы ему только напишите, он сразу приедет. А я, если не возражаете, могла бы быть его адъютантом. Правда, я девочка, но Мавр говорит, что это ошибка и на самом деле я мальчик. Мне уже восемь лет.

Жду ответа.

Элеонора Маркс. Тусси.

Извините, сэр. Поздравляю вас с наступающим рождеством. Желаю побед и счастья. Есть ли у вас дети?

Элеонора Маркс. Тусси.

3 января 1862 года. Лондон. Графтон-террас, 9».

Маркс прочитал и, хотя его разбирал смех, очень серьезно взглянул на дочь.

— Ну как? — спросила она.

— По-моему, очень толково, — ответил отец.

— Ничего поправлять не надо? Или что-нибудь дописать?

— Да нет, все прекрасно, — Маркс минутку помешкал. — Только насчет главнокомандующего... Мак-Клеллана, бесспорно, надо сменить, но если Линкольн назначит Энгельса, как мы тут без него останемся?.. Да и ты с ним собираешься...

— Мавр! — возмутилась Тусси. — Разве можно так говорить! Там мы гораздо нужней! Там война. И потом мы уедем ненадолго. Как только дядю Фреда назначат главнокомандующим, дела на войне пойдут совсем по-другому. Мы с ним... — Она помолчала и грустно добавила: — Только я не уверена, что Линкольн назначит меня адъютантом, все-таки я девчонка.

— Ну, отчего же! — подбодрил Маркс. — Если дядя Фред лично попросит Линкольна... Но ты вот прибавляешь себе год, это очень нехорошо.

— Ах, какой пустяк! — попыталась отмахнуться Тусси, немного смущенная тем, что ее уличили в обмане. — Где семь, там и восемь. Пока письмо идет, пока он пишет ответ...

— Нет, — твердо сказал Мавр, — семь — это семь, а восемь — восемь! — Он взял карандаш и исправил нужное слово.

— Слушай, Мавр, — вдруг осенило дочь. — Может быть, мне не писать, что я девочка, а притвориться мальчишкой и имя какое-нибудь придумать? Когда мы с дядей Фредом туда поедем, я надену брюки, остригусь, и Линкольн ничего не узнает.

— Нет, это нечестно, — решительно сказал отец. — Пусть Линкольн знает правду.

— Ну, а как отправить письмо? Запечатать в бутылку?

— Что ты! Этот способ хорош там, где нет других, например, в океане, на необитаемом острове. А мы должны побеспокоиться, чтобы письмо дошло возможно скорей. Его надо отнести на почту.

— Когда?

— Завтра пойду в Британский музей и отнесу.

— Нет, Мавр, это надо сделать сегодня.

— Хорошо. Уложу тебя спать и пойду.

— Нет, ты иди сейчас.

Марксу ничего не оставалось, как одеться и, попросив Женни побыстрее уложить Тусси в постель, пойти на улицу. Тусси хотела непременно дождаться Мавра, но борьба со сном в таком положении, когда твоя голова лежит на подушке, оказалась ей не по силам.

Утром, проснувшись, Тусси вскочила с постели и бросилась в кабинет отца.

— Ну как, Мавр? — крикнула она распахивая дверь.

— Все в порядке.

— Отправил?

— Конечно.

— И оно уже пошло?

— Разумеется.

— А когда Линкольн получит его?

— Трудно сказать... Ты же понимаешь — война! Доставка почты может быть задержана. Но, я думаю, Линкольн уделяет достаточно внимания работе почты, ведь он сам в молодости был почтовым служащим и понимает значение ее работы.

Узнав, что Линкольн работал на почте, Тусси успокоилась.

С этого дня вся жизнь ее превратилась в ожидание ответа от президента. Каждый раз, когда Маркс писал Энгельсу, она требовала, чтобы отец справлялся у своего друга, не получил ли тот вызов из Вашингтона. Но время шло, а вызова не было, и не было никакого ответа.

— Что бы это значило, Мавр? — тревожно спрашивала Тусси. — Уж не попало ли мое письмо в руки южан?

— Конечно, такая возможность не исключена, — серьезно отвечал отец, — но она маловероятна. Скорее всего, Линкольну некогда ответить.

Тусси такое объяснение не удовлетворяло. Ведь письмо было государственной важности! Однажды, услышав разговор взрослых об агентах южан в Северных штатах, девочка подумала, что эти агенты могли проникнуть на здешнюю почту и перехватить ее письмо. Она даже похолодела от предположения о таком коварстве.

Вечером Тусси поделилась своими сомнениями с отцом.

— Нет, нет, — категорически заявил

Мавр, — там сидит милый почтенный старичок, заподозрить его ни в чем невозможно.

— Какой ты наивный человек! — горячо возразила девочка. — Он же может притвориться! Ты сам читал в газете про шпионов южан... Я тебя очень прошу, завтра, когда Лаура пойдет провожать тебя в библиотеку, пожалуйста, возьми меня с собой, и мы вместе зайдем на почту. Я должна видеть этого старичка сама.

На другой день после завтрака Мавр и Лаура повели Тусси на почту. Девочка страшно волновалась, она была убеждена, что сразу разоблачит старичка и гневно крикнет ему: «Вы шпион!» На ее крик прибежит полицейский, шпиона схватят, а через несколько дней она получит телеграмму: «Благодарю за помощь. Вы доказали свою преданность нашему делу. Срочно выезжайте вместе с дядей Фредом. Жду. Президент Северо-Американских Соединенных Штатов Авраам Линкольн. Вашингтон, Белый дом».

Когда они вошли в помещение почты, Тусси была ни жива ни мертва от напряжения.

— Доброе утро, господин Вуд! — приветствовали старичка за барьером Мавр и Лаура.

Тот любезно ответил на приветствие и спросил, глядя на Тусси:

— А кто эта маленькая леди?

— Это моя дочь Тусси, — сказал Маркс. — Она хотела бы с вами познакомиться.

«Ах, что он делает! — ужаснулась Тусси. — Ведь надо, чтобы никто здесь не знал, кто я!» Старичок, конечно, был подозрительный. Усы у него наверняка приклеенные, а на голове парик... Но вот он уже вышел из-за барьера и, наклонившись, протянул руку:

— Роберт Вуд, начальник почты.

«Роберт? — пронеслось в голове Тусси. — Такое же имя у командующего войсками южан — генерала Ли!.. Ну что ж, раз Мавр испортил мой план, будем действовать иначе». Пытливо глядя в глаза почтмейстеру, Тусси протянула ему руку и отчетливо, громко произнесла:

— Элеонора Маркс, друг Авраама Линкольна!

Она ожидала увидеть в глазах чиновника смятение, мольбу о пощаде, уже приготовилась крикнуть ему: «Как вы смели перехватить мое письмо?» Но почтмейстер, потряхивая ее ледяную от волнения ручонку в своей большой теплой ладони, тихо засмеялся и переспросил:

— Друг Линкольна?

— Да, сэр! — сказала Тусси. — Я и дядя Фред ждем его вызова, в любой день мы можем отбыть в Вашингтон.

— Вот как! — продолжая спокойно и ласково улыбаться, воскликнул тот, кто называл себя Робертом Вудом. — Очень интересно, очень!

Все так же пронзительно глядя в глаза почтмейстеру, Тусси медленно и многозначительно спросила:

— Разве вы, господин Вуд, этого не знали?

Тусси показалось, что Вуд немного растерялся, но тотчас овладел собой. Как ни в чем не бывало он с удивлением произнес:

— Ну откуда же мне это знать! Доктор Маркс и твои сестры, правда, часто заходят к нам, но они ничего мне не рассказывали.

Наклеивая марки и надписывая адреса на конвертах, Маркс и Лаура искоса наблюдали эту сцену и, понимая в отличие от господина Вуда ее скрытый смысл, едва сдерживали смех.

— А больше вам неоткуда было узнать? — никак не хотела смириться со своим поражением Тусси.

— Решительно неоткуда! — пожал плечами почтмейстер. — Ведь в газетах, кажется, об этом не писали?

— В газетах не писали, — с нажимом на первом слове сказала Тусси. — Но могли писать кое-где еще...

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Утром, проснувшись, Тусси побежала в кабинет отца.

— В газетах не писали,— сказала Тусси.— Но могли писать кое-где еще...

Маркс понял: если Тусси тотчас не увести, она выпалит, что почтмейстер шпион, перехвативший ее письмо. Быстро сдав конверты, он распрощался и поторопил обеих дочерей на улицу. Однако в дверях Тусси остановилась и, обернувшись, спросила у старичка:

— Господин Вуд, вы знаете, что Авраам Линкольн тоже служил на почте? — Это была последняя попытка смутить шпиона. Но шпион выдержал и такой удар.

— Да! — воскликнул он радостно. — Об этом знают все почтовики Лондона, и мы очень гордимся... Доктор Маркс, какая у вас замечательная, образованная дочь!

На улице Мавр и Лаура не выдержали и расхохотались. Они смеялись так дружно, что прохожие останавливались и смотрели на них. Но Тусси не разделяла веселости отца и сестры. Она сказала, что напишет новое письмо Линкольну, и потребовала от Мавра, чтобы он отнес это письмо в другое почтовое отделение. Мавр обещал. Он только заметил, что она не имела права называть себя другом Линкольна.

— Конечно, — призналась Тусси, — но это была военная хитрость.

В новом письме было написано то же, что и в первом, только в конце Тусси сделала приписку: «Вы должны знать, господин президент, что нас на каждом шагу преследуют агенты южан. Один из них под видом чиновника пробрался на нашу почту и перехватил мое письмо к вам. Учтите это в своих решениях и действиях».

Прочитав приписку, Мавр сказал:

— Тусси, пожалуй, тут преувеличение...

— Никакого преувеличения! — заявила девочка. — Отправь, пожалуйста, письмо в таком виде.

Между тем вести с фронтов все еще были нерадостные. Северяне, правда, сколотили довольно большую армию в шестьсот тысяч человек, предприняли наступление, заняли на западном и на южном театрах военных действий несколько городов. Но это были второстепенные операции, на главном же театре — в Виргинии — успех сопутствовал южанам. Попытка Мак-Клеллана разгромить армию противника, укрепившуюся на реке Потомак, и с севера овладеть Ричмондом провалилась. Вслед за этим в боях 26 июня — 2 июля 1862 года южане нанесли поражение северянам на Йоркском полуострове и разбили их войска, наступавшие на Ричмонд. Роберт Ли продвигался к Вашингтону. В сентябре на реке Антьетам северяне потерпели новое тяжелое поражение.

Еще до этих событий, в мае, негодуя по поводу вялости и бездеятельности Северных штатов, Энгельс в письме к Марксу высказывал серьезную тревогу за исход войны. Теперь, в сентябре, он считал, что дело Севера проиграно. Маркс не соглашался с этим, он писал другу в Манчестер:

«Я по-прежнему убежден, что в конце концов победит Север... Способ, которым Север ведет войну, таков именно, какого и следовало ожидать от буржуазной республики, в которой так долго и суверенно царил обман. Юг, олигархия, гораздо больше подходит для таких вещей, как война, и именно такая олигархия, в которой весь производительный труд лежит на неграх, а четыре миллиона белой сволочи являются профессиональными флибустьерами. Несмотря на все это, я готов поручиться головой, что они будут разбиты...»

Однако в декабре 1862 года и в мае 1863-го северян постигли новые неудачи еще в двух крупных сражениях.

Кажется, единственным отрадным событием за все эти долгие месяцы была отставка Мак-Клеллана и замена его генералом Галлеком. Во всем Лондоне больше всех этому радовалась, бесспорно, Тусси. Для нее отставка Мак-Клеллана была доказательством того, что Линкольн получил наконец ее письмо и послушался ее совета.

— Но почему он назначил Галлека, а не дядю Фреда? — спросила она Мавра, несколько придя в себя после приступа буйной радости.

— Видишь ли, — сказал Мавр, — это вопрос тонкий. Я думаю, Линкольн не решается сразу после Мак-Клеллана назначить главнокомандующим иностранца. Вероятно, генерал Галлек — промежуточная фигура. После того как успокоятся и смирятся со смещением Мак-Клеллана его сторонники — а они довольно сильны, — президент, конечно же, учтет твою рекомендацию и назначит нашего Фреда.

— Видишь ли, — сказал Мавр, — это вопрос тонкий.

Тусси согласилась с отцом и снова стала ждать вызова из Вашингтона. Она продолжала писать письма, а Мавр каждый раз должен был во всех подробностях рассказывать ей, как он отправил очередное письмо, что при этом говорил почтовый чиновник, как он выглядел и так далее.

Тусси запоминала все, что говорили старшие о положении на фронте. Мавр считал, что северяне должны немедленно провести решительные меры: объявить принудительную мобилизацию, очистить армию и все органы власти от тайных и явных сторонников южан, принять закон об отмене рабства во всех штатах — не только Северных, но и Южных... Наконец, они должны отказаться от своего главного стратегического плана и от своей тактики ведения войны. Их план — охватить кольцом все мятежные штаты — никуда не годился. По мнению Маркса и Энгельса, северянам следовало рассечь противника на две части и бить каждую порознь. Не годилась и тактика равномерного распределения сил по всей линии фронта и равномерного давления на врага. Говоря о такой тактике, Мавр однажды с горечью воскликнул:

— Это — чистое ребячество! Надо собирать силы на отдельных участках и наносить удары то там, то здесь.

В очередном письме к Линкольну, крайне огорченная и раздосадованная, Тусси писала:

«Господин президент!

Что же это вы думаете? Или вам мало полученных колотушек? Почему до сих пор вы не проводите в принудительном порядке мобилизацию? Почему не принят закон о повсеместной отмене рабства? Вы убрали Мак-Клеллана. Очень хорошо. Но уже пора сменить и Галлека, чтобы назначить дядю Фреда. И надо еще очистить армию от шпионов — если они есть даже в Лондоне, то представляю, сколько их у вас! Я знаю способ ловли шпионов. Самой мне не удалось его использовать, но вам я его настойчиво рекомендую. У шпионов всегда приклеенные усы или бороды, а если их нет, то парик. Вот и постройте всю армию в одну шеренгу, и — с одного конца вы, а с другого генерал Грант — идите вдоль строя и дергай-

те всех за усы и бороду или парики. Есть и другой способ. Пусть все солдаты, офицеры и генералы по очереди нырнут в реку Потомак или в Атлантический океан. В воде фальшивые усы и бороды, конечно, отклеятся, поэтому, кто нырнет с усами и бородой, а вынырнет без них, тот и есть шпион! Парик в воде, пожалуй, может не слететь. На этот случай очень хороша баня. А еще лучше — издайте приказ, чтобы всю армию постричь наголо. Поручите это преданному парикмахеру, который ненавидит рабовладельцев, или генералу Гранту, или постригите сами — это надежней всего! Во время стрижки можно будет легко узнать, где парик, а где настоящие волосы.

Еще подумайте о стратегии и тактике. Вы стараетесь блокировать южан одновременно со всех сторон и давить на них отовсюду. Я вам прямо должна сказать, господин президент: это — чистое ребячество!

Привет вам и генералу Гранту от Мавра, Мэмэ[1], Ленхен, Женни и Лауры. Если вы считаете, что я молода для должности адъютанта главнокомандующего то я согласна на то, чтобы быть в армии парикмахером. Элеонора Маркс. Тусси».

Это карта гражданской войны в США. На ней вы видите границу между Северными и Южными штатами к началу войны и места крупных сражений (они обозначены скрещенными пистолетами).

Считая, что уж на эту должность Линкольн возьмет ее непременно, Тусси начала учиться стричь. Она утащила у Ленхен ножницы и остригла наголо всех своих кукол. Потом она долго уговаривала Лауру расстаться со своими роскошными золотистыми волосами, но та посоветовала сестре перестать валять дурака. После того, как Тусси предприняла ужаснувшую всех попытку остричь самое себя, у нее отобрали ножницы и пригрозили написать о ее проделках Линкольну.

Маркс, конечно, не был пророком, но с течением времени северяне в той или иной степени осуществили именно те меры, предприняли именно те шаги, на которые он указывал как на необходимые, — просто Маркс был серьезным политиком и мыслителем, ясно видевшим ход истории.

1—3 июля 1863 года при Геттисберге произошло сражение, в котором южане были же-

[1] Мэмэ — домашнее прозвище жены Маркса.

стоко разбиты. В этом же месяце северяне добились успеха в районе Миссисипи, заняли несколько городов, и южане наконец оказались рассеченными на две части.

Тусси была в восторге. Не только от самих успехов, но и от того, что Линкольн действовал точно так, как она ему советовала.

В начале 1864 года, после смерти матери, Маркс получил небольшое наследство. Возник вопрос о новой квартире. Ведь Женни и Лаура стали вполне взрослыми девушками, и Тусси неплохо было бы иметь свой угол.

Новая квартира скоро была подыскана на Мейтленд-парк-роуд, недалеко от старой. Дом был прекрасно расположен у входа в парк, возле дома — большой тенистый сад. Все радовались скорому переезду, и только Тусси решительно заявила, что она никуда не поедет.

Причину странного упрямства Тусси долго не могли понять, пока в конце концов Мавр не догадался: девочка боялась, что письмо от Линкольна придет по старому адресу и потеряется. Она было смирилась с переездом, когда Мавр сказал, что послал в Вашингтон телеграмму с новым адресом, но в этот день газеты сообщили, что Линкольн отбыл из столицы в поездку по стране, и Тусси вновь отказалась уезжать. Вещи были перевезены, квартира опустела, а девочка все сидела на подоконнике и не соглашалась уходить.

— Хорошо, — сказала Елена. — Я тоже останусь.

Она постелила девочке старый плед, и, когда настал вечер, Тусси не выдержала, прилегла, да так на подоконнике и уснула. Вскоре пришел Мавр, взял ее на руки и спящую понес в новый дом. Елена шагала рядом.

Проснувшись утром в незнакомой, залитой солнцем комнате, Тусси сперва перепугалась, потом подумала, что оказалась в Белом доме, рядом с комнатой главнокомандующего... Но тут вошла Елена, рассмеялась, и Тусси все поняла.

Через несколько дней, снедаемая тревогой и страхом за судьбу президентских писем, она пришла к старому дому и постучалась в дверь. Ей открыла пожилая женщина в чепце.

— Простите, сударыня, — тихо сказала Тусси, — я недавно жила в этом доме. Нет ли мне писем от президента Линкольна?

— От кого? — изумилась женщина. — От Линкольна?.. Впрочем, постой, письма действительно есть, и одно, кажется, из Америки. — Она ушла и скоро вернулась, неся три конверта. Одно было из Америки! Тусси выхватила письма и, даже не сказав «спасибо», помчалась домой.

— Мавр, Мавр! — кричала она, взбегая к нему по лестнице. — Письмо от Линкольна! От Линкольна!

Мавр взял конверты и, успокаивая девочку, погладил ее по голове. Письмо из Америки было от Вейдемейера[1]...

[1] Иосиф Вейдемейер — друг Маркса, участник гражданской войны в США.

Тусси, конечно, ужасно огорчало, что президент не отвечает ей, но она его извиняла. В глубине души девочка даже была довольна тем, что и дядя Фред не получал вызова. Она очень любила его, а пойти на войну все-таки большой риск, к тому же и без дяди Фреда дела на фронте шли сейчас хорошо. И потом, если дядя Фред уйдет на войну, то прекратятся поездки в Манчестер, а Тусси так любила эти поездки!

В ноябре 1864 года Линкольн был на второй срок избран президентом, победив сторонника компромисса с рабовладельцами все того же Мак-Клеллана. Тусси с самого начала была уверена в победе Линкольна, она даже негодовала: о каком выборе между этими двумя людьми может идти речь! — и была поражена, узнав, что сторонники у Мак-Клеллана все-таки нашлись и их немало...

В связи с победой Линкольна на выборах Генеральный Совет Интернационала по предложению Маркса и Энгельса послал президенту приветственную телеграмму. Текст ее составил Маркс. Он назвал Линкольна в этой телеграмме «честным сыном рабочего класса», которому «пал жребий провести свою страну сквозь беспримерные бои за освобождение порабощенной расы».

Приветствий Линкольн получил много, но лишь на телеграмму, написанную Марксом, президент ответил в очень дружелюбном и сердечном тоне, остальные его ответы были вежливы — и только.

Противоречивые чувства овладели Тусси, когда она узнала об этом. Тем, что ответ президента пришел на первую же телеграмму отца, она очень гордилась, но одновременно было обидно за себя.

— Видишь ли, — пытался успокоить ее Мавр, — я посылал телеграмму не от себя лично, а от всего Интернационала. Для личной переписки у Линкольна, вероятно, нет времени. Ты только сопоставь: международная, почти всемирная организация и маленькая девочка Тусси...

Но Тусси не хотела сопоставлять, она считала, что за три года Линкольн мог прислать ей хотя бы одно письмо. Обида, копившаяся по капле, стала вдруг такой острой, что она эгоистично решила: «Не буду больше писать, пусть он повоюет без моей помощи, посмотрим, как пойдут у него дела». Она не отдала отцу два уже написанных письма. Одно было адресовано, как всегда, Линкольну, второе — генералу Гранту. Кроме очередных рекомендаций по ведению военных действий и борьбе с лазутчиками врага, в частности советов использовать негритянские батальоны и полки в ночное время (ведь негров ночью не видно), оба письма содержали нечто новое. В связи с началом интенсивных завершающих операций по разгрому южан Тусси советовала Линкольну позаботиться о личной безопасности, быть осторожным, не подставлять свою голову под шальные пули. Письмо же Гранту содержало прямое требование усилить охрану президента. Тусси спрятала эти письма в том Шекспира и вскоре почти забыла о них...

Спустившись до половины лестницы, он остановился и тяжело оперся о перила.

Наступление северян на Ричмонд развивалось успешно. Хотя армия генерала Ли яростно сопротивлялась и даже предприняла контрнаступление на Вашингтон, она была разгромлена. 3 апреля 1865 года войска Гранта вошли в Ричмонд. 9 апреля армия генерала Ли сдалась. Со дня на день ожидалась капитуляция и остальных войск южан... В доме Марксов все поздравляли друг друга, ликовали, словно настал большой и веселый праздник.

Газеты в эти дни ожидались о особым нетерпением. Сначала их читал Мавр, потом остальные, затем газеты вновь возвращались в кабинет Мавра.

16 апреля, как всегда, Мавр забрал после завтрака все газеты и скрылся в своем кабинете на втором этаже. Но почти тотчас же он вышел из кабинета и стал спускаться в столовую, где вся семья еще сидела за завтраком. В руках он держал газету. Спустившись до половины лестницы, он остановился и тяжело оперся о перила. Газета упала. На Мавре не было лица.

— Что?..— раньше всех почуяв несчастье, вскочила Мэмэ. В ее голосе была такая тревога, что все за столом притихли.

— Вчера... позавчера,— никто никогда не видел Мавра косноязычным,— позавчера... убит Линкольн...

За столом минуты две-три длилась глухая тишина... Вдруг резкий удар упавшей на пол вилки, и тотчас захлебывающийся, отчаянный, безысходный крик Тусси:

— Что я наделала! Что наделала!.. Это я, это я... я виновата!..

Тусси вскочила, с треском отшвырнула стул и бросилась в свою комнату.

...Когда через несколько минут к ней вошли, она лежала ничком на кровати в беспамятстве, прижимая к груди большой черный том Шекспира. ★

Юрий СМИРНОВ

КРУТИЗНА

Я стою у обрыва,
Себя я казню,
Что гляжу боязливо
На его крутизну.

Про себя повторяю
Который уж раз:
«Что-то я потеряю,
Не съехав сейчас».

Будет стыдно и горько
По прошествии дня,
Что стоит где-то горка
Сильнее меня.

*

Людвиг Ежи КЕРН

СНЕГ

Быть может, и вы размышляли об этом —
Не лучше ли снег, обладающий цветом?
Или лиловый,
Или бордовый,
Или зеленый,
Или же
Беж.
Какой бы красивой была зима бы,
И были б не белыми снежные бабы,
А лиловыми,
Или бордовыми,
Или зелеными,
Или же
Беж.
И были б снежки у мальчишек цветными,
И были б цветными и тучи над ними:
Или лиловыми,
Или бордовыми,
Или зелеными,
Или же
Беж.
Не худо бы сбыться мечте этой смелой...
Но с неба по-прежнему падает белый,
Белый, белейший,
Нежный, нежнейший,
Снежный, снежнейший
Снег.

Перевел с польского Юрий ВРОНСКИЙ.

Ночной звонок

Нора АРГУНОВА

Рисунки П. ПАНЧЕНКО.

— Пойми,— сказал Тарик,— я никогда не уезжал в такой панике.

— Да понимаю,— сказала я,— но как ты себе представляешь? Чтобы я каждый день ездила?

— Не обязательно каждый день. Мику с Фенькой я забираю, так что медведей не будет. Собаки едут все, их тоже не будет.

— А корм?

— Ты видала, где у меня рыба и мясо хранятся. И овощи. Овощи обязательно мыть. Морковь вдоль нарезать, свеклу помельче, у косуленка рот узкий. Сереже рыбу тоже мыть...

— О Сереже можешь не рассказывать. Волкам по два кило?

— Обязательно. Следи, чтобы свою норму каждый получал. А в общем, слушай. Ничего не надо. Последи, чтоб Володька... Теперь насчет ключей... Алло, ты дома? Я еще позвоню, тут телефон нужен.

Звонок.
— Это я опять. В общем, ты Володьку знаешь. Можно на него надеяться? Так что приглядывайся, чего там в клетках.
— Да ладно, ну... Поняла же.
— Да нет, ты слушай, я тебе дело говорю. Еще не все ты поняла...

В детстве он рисовал, лепил, резал по дереву. Был принят в Суриковское училище, его прочили в скульпторы. У него был еще и абсолютный слух и голос, его учили музыке. Как знать, он может вырасти пианистом.

Кажется, будущее определено, человек родился с призванием к искусству. Родители могут не волноваться за своего талантливого сына. Раздражало только одно: Тарик много времени тратил на пустяки.

Во втором классе он вздумал завести головастиков. В большом тазу устроил песчаные отмели, илистые топи; там росло, плавало и ползало то же, что растет и водится вместе с головастиками в природе.

Из мелочи, из чепуховых козявок они вымахали чуть ли не с грецкий орех, шустрый орех с хвостом. У них появились лапки. Тарик подумывал о другом жилье для них, со стенками повыше. Как обставить новое жилье, какая понадобится еда, где ее брать— великое множество забот ему предстояло!

Утром, соскучившись у пианино, Тарик вышел на балкон и запустил руки в таз. Сдвинув брови, очень серьезный, он чистил, подправлял, благоустраивал — он работал. И не слышал, как подошла мать.

Она выхватила таз у него из-под носа. Рывком подняла тяжелый таз и выплеснула головастиков на мостовую с четвертого этажа.

Он так и остался сидеть на корточках. С его рук капала вода. Запрокинув голову, он, не мигая, смотрел матери в лицо. Прошло много лет, а она до сих пор помнит взгляд восьмилетнего сына.

Но воспитание продолжалось в том же духе. У Тарика жила белая мышь. Кто-то обрубил ей хвост, и звали ее Куцая. Много раз он держал белых мышей, но Куцая оказалась особенной. Она отличала шаги и голос хозяина, издалека чувствовала его приближение, а такими способностями обладает не всякая мышь.

...Он открывает клетку. Куцая спрыгивает на подоконник, суетится на краю, пока Тарик не подставит ей ладонь. Она ныряет в рукав, и на плече он чувствует тепло ее шерстки. Она спускается за пазуху, и он смеется от щекотки. У Тарика под рубашкой мышь укладывается спать. Теперь перепиливайте его тупой пилой, бубните нотации хоть до ночи — он неуязвим. Он не один. При нем собственный карманный зверь, портативный зверь. Зверь — комик от природы, стоит только взглянуть, как эта мышь моется. Или делает важное дело — капает. Капает, чистеха, только в одно место — в пепельницу.

— Тарик, сложи ноты. Сколько раз тебе говорили — убирай за собой ноты!

Тарик не слышит: он трясется от смеха. Куцая капает серьезно, сосредоточенно, надо видеть полную глубокой мысли мышиную физиономию в эту минуту!

Летом его повезли на юг. Взрослые не разрешали, но он все-таки взял Куцую с собой. Однажды, вернувшись с пляжа, он нашел клетку пустой. Дверка была приоткрыта. «Ты забыл ее запереть»,— сказала мать, но Тарик отлично помнил, что запер клетку, еще бы! Он никогда не видел такого количества кошек, как здесь. Это были какие-то кошачьи джунгли.

Тарик почти не искал ее — где искать! Он только, сжимая зубы, отгонял, отталкивал от себя жуткую картину: кошка играет с белой мышью.

В Москве, чтобы утешился, ему купили аквариум. Но и за аквариум ругали: как можно потратить вечер на рыб! Он подобрал на улице котенка — стали ругать за котенка.

У львицы Риты большие ясные глаза.

Тарик срывал с вешалки пальто, подхватывал котенка и отправлялся спать на чердак. Он ложился там на пол, засовывал руку за пазуху, к котенку, и засыпал. А утром отправлялся не в училище, а в зоопарк. Теперь вините его, взрослые, за то, что он прогуливает уроки! Что стоит перед клеткой и зарисовывает львицу.

Он так часто бывает в зоопарке, что многие звери узнают его. Львица Рита встает, когда Тарик ее подзывает. У Риты чуть великовата голова, но в том-то и дело. У нее крупные черты. Большой лоб, большие щеки. Ясные большие глаза. Смотрит открыто, смело. Такой зверь может защитить. Кто-нибудь начнет приставать — «Рита, ко мне!» — и возле Тарика вырастает львица...

А к вечеру приходилось возвращаться домой. Вот Тарик идет по двору своей походочкой — медленный крен влево, крен вправо, тяжелые плечи опущены, взгляд исподлобья, но добродушный.

Девчонки, прыгающие через веревку, кричат: «Тарик, здравствуй!» Большие ребята стоят кучкой: «Привет, Тарик! Тарик, здорово!» Один бежит навстречу с авоськой. На ходу шлепнул Тарика по плечу, болезненно сморщился, затряс кистью, делая вид, что ушибся о железные мускулы.

Женщины на скамейке замолкают. Тарик здоровается, они провожают его доброжелательным взглядом. Они знают, что у парня неприятности дома и в школе. Но вот он уважает старших. Он охотно возится с малышами, пускает к себе смотреть животных. И у него есть свой интерес в жизни; попробуй кто-нибудь при нем бросить камень в кошку!..

Дома тяжело, как свалившееся на семью несчастье, переживали поворот в судьбе Тарика и не верили, не могли поверить, что это навсегда. Что огрубевшие от работы пальцы больше не пробегут по клавишам, рисовальные альбомы отложены на годы, а может быть, навсегда.

Тарик уехал из Москвы. Он поступил работать на зообазу, где животных держали для съемок в кино. Он их кормил, выгуливал, чистил клетки. И помогал директору зообазы, когда животных снимали для фильма.

На зообазе подросли медвежата. Оказалось, что молодая медведица Мика не нужна. А это она еще маленькой принималась скулить, когда он отходил от клетки. Она звала его, и он возвращался. Поднимал на руки, она копошилась у него на груди, лопотала, тянулась лизаться.

Если у Мики был плохой аппетит, Тарик изводился, не заболела ли она. Если хороший — смотрел с удовольствием, как она пьет молоко или хрустит морковкой. Тарика угостят ириской — он несет Мике. Семечками — опять Мике. Он засовывал в клетку сноп травы и глядел, как она роется, выбирает, как жует эти самые витамины...

Что будет с ней? Куда она попадет? Останется ли в живых? Он бросился к директору просить, чтобы ему продали Мику. Директор согласился. Тарик поехал в Москву одалживать деньги. Он нервничал, торопился, он боялся, что директор передумает. Вернешься — а Мики нет.

Директор не изменил своему слову, и у Тарика появился собственный медведь. Не было теперь на свете более занятого человека! Работа на зообазе — и Мика. А он должен не только ухаживать за Микой, но и развивать ее кругозор.

Ее поместили в клетку, стоявшую отдельно под навесом, и Мика легко могла омещаниться. Она станет бояться перемен, вообще всего нового. Ей страшно будет покинуть привычный угол. Захочешь вывести из клетки — начнет упираться. Так и случилось однажды.

Я видела, как Тарик тащил Мику за веревку, а она мычала, панически цепляясь за дверь. Потом потеряла голову и рванулась из рук. Он успел броситься на нее, ухватиться за ошейник и, тормозя сапогами, остановил зверя. Я тогда удивилась его отваге.

— Как это ты, верхом на ошалевшем медведе?.. — сказала я.

Он даже не понял, что меня поразило.

— Там трава,— ответил он,—мне в сапогах скользко, а Мике нет. Хвататься за веревку— поедешь за ней, и только.— Потом помолчал угрюмо.— Этого я и боялся,— сказал он.

Тарик считал, что Мике не только через решетку надо общаться с людьми. Ей полезно было бы в Москве ходить по улицам, ездить в трамваях и в троллейбусах. Так он считал и так, думаю, поступал бы, если бы ему разрешили.

Ему оставалось гулять с Микой по лесу, но и это было отлично. Находившись, Тарик валился на землю, медведица рылась тут же, сжевывала какие-то корешки, чавкала, пофыркивала.

...Микина башка нависла над Тариком. Близко глянули медвежьи глаза. Тарик обхватил мохнатую шею. На такой шейке десять человек повиснут — выдержит. Ну и шейка! Ну и скотинка — все из веревочек, из жилочек!

Мика облизывает Тарику нос, щеки, ворчит ласково. Нежности какие! Ну, хватит. Ладно. Ладно, говорю!

Тарик лежит, раскинув руки. Небо. Земля. Земля теплая. Отдыхаю, вот мой отдых. Вот жизнь.

В это время был у него уже и Сережа — выдра. Со съемочной группой Тарик попал в Калининград и привез оттуда выдренка.

— Как он тогда выглядел? — спрашивала я.

Тарик смеялся:

— Эта мелкая гадость состояла из какой-то там головы, какого-то живота... Лапы торчали в разные стороны... Помесь мыша с лягушкой!

Я с Тариком познакомилась позже и Сережу увидела, когда тот превратился в зверя необыкновенной красоты, так и хотелось про него сказать: королевский зверь. Мех у него плотный, ровный и нежный, а большое, длинное тело так гибко, что со стула на пол он не спрыгивал, а стекал, как вода. У него пронзительный, беспощадный взгляд зверя— осторожнейшего из осторожных, одного из самых скрытных, при намеке на опасность готового мгновенно исчезнуть или начать жестокую оборону. Но если Сереже совали палец, он тут же принимался сосать. И все замечали тогда, как курноса и еще ребячлива его физиономия.

Я поселилась в то время на зообазе, чтобы написать киносценарий о ручной выдре. Я ходила за Тариком и Сережей, приглядываясь к обоим.

Вот по лесной дороге шагает человек. За ним своей характерной побежкой — вприскочку, спина горбом — торопится выдра. Ранняя весна. Кое-где лежит снег. По снегу выдра едет на животе — эти звери любят кататься. Охотники знают, как выдры зимой катаются с гор — с удовольствием, как съезжаем на санках мы.

У реки Сережа соскальзывает с берега и бесшумно уходит под воду. Только пузырьки на поверхности отмечают его путь. Тарик напряженно следит.

Сережа вылезает прилизанный, мокрый и не менее напряженно ищет взглядом Тарика. Они боятся потерять друг друга.

У выдры, должно быть, отличный слух и не особенно острое зрение. Тарик произносит:

— Здесь я, Сережа.

И зверь, успокоенный, ныряет снова.

Прямо из воды выдра взбирается на плечи хозяина. Она растягивается, величаво и грозно поглядывая с этой надежной твердыни, а Тарик морщится и строит рожи, потому что за шиворот течет вода.

Затем Сережа долго возится со своим мехом. Он елозит у хозяина на коленях, вытирая спину, бока, живот; морду он предпочитает вытирать о шевелюру Тарика.

И вот Сережа сух, пушист, доволен. У него прекрасное настроение. Он вырывается, отбегает и кидается на Тарика, и скоро оба барахтаются на земле.

— Ой, звери напали! Звери руки отъедают! — кричит Тарик, и хохочет, и ловит Сережу, обхватывает, катается с ним, потом бежит, и выдренок скачет следом.

Посреди обширного луга неровное озерцо. Тарик бежит вокруг озера, Сережа догоняет. Несутся изо всех сил, но не очень-то ловка выдра на суше. Ей куда легче в воде. Сережа смекалист, он бросается в воду, стремительно плывет, срезая угол. Схватка. Погоня — теперь удирает Сережа.

И все-таки проходили беззаботные времена. Нужно содержать уже четверых — собаку Мишку, песца Савку, Сережу и Мику. Нужны молоко, мясо, рыба, овощи.

— Нахлебнички,— добродушно ворчал Тарик,— им только подавай.

И видно было, что новые обязанности ему по нраву.

Когда снимали «Славный зверь» — фильм про выдру, не пришлось искать артиста на роль ее хозяина. Тарик играл себя сам. Оказалось, он свободно держится перед объективом. И он сумел сделать так, чтобы играл Сережа.

Вот они — Тарик и его Мика. Смотрите, с каким спокойным достоинством держится Мика.

Сережу не смущали ни чужие люди, ни резкий свет; он ничего не боялся и делал то, что велел ему Тарик. Не только выносил из воды и опускал у ног человека рыбу или спал в обнимку с хозяином — оба освещенные прожекторами, под гул моторов, среди суеты съемки; Сережа передавал настроение.

Ручная выдра потерялась в лесу. Она ищет хозяина, в отчаянии бросается к людям, а те не понимают, боятся, бегут прочь, и зверь сиротливо смотрит им вслед. Даже фигура его при этом выражала одиночество. Взгляд был полон горького недоумения. Как это получалось у Сережи? Не знаю. То, чего Тарик и Сережа боялись в жизни — потерять друг друга, случилось в фильме и было так понятно обоим!

Зверь играл, и все-таки нельзя сказать, что он дрессирован. Ему внушено доверие к людям. Использовано то, что он любит и умеет делать. Использовано бережно. Без принуждения.

Это был выход для Тарика. Работа в кино увлекательна, дает заработок и возможность держать животных. Поэтому, когда для картины «Черный котенок» понадобились кошки, Тарик смело завел четырех. Потом со своим зверинцем он перебрался в город, на студию «Мосфильм». Тогда снимали «Сказку о царе Салтане». Тарику дали небольшую роль. Самый младший среди индийских гостей, тот, что с обезьяной на плече, это и есть он.

Я предъявляю пропуск. Иду мимо съемочных павильонов.

Смуглый восточный принц в чалме, осыпанной драгоценностями, и с кинжалом на поясе курит, прогуливаясь. Курит не кальян — он держит пачку «Беломора» и затягивается дымом дешевой папироски. Важный господин с седыми бакенбардами, в сюртуке и цилиндре, устало прислонился к стене и жует бутерброд.

Пересекаю обширную съемочную площадку. Она загромождена. Каменный замок феодала с крепостной стеной, угол мечети, фасад избы — все это сбито из фанеры, досок, облицовано и раскрашено. Чугунную цепь, которая валяется на асфальте, можно поднять мизинцем.

Деревья роняют листья. Накрапывает. «Надо волкам наломать рябины. Если только,— думаю я,— если только там все в порядке».

Теперь я поняла, почему Тарик уезжал в командировку в такой панике. Володю, который взялся заменить Тарика, застать на студии невозможно.

Вчера, прежде чем отпереть ворота, я поглядела в щель и увидела хромающего волка. Двое лежали, Лобан ходил. Он ступал передней лапой и сильно припадал на нее. К самому животу он поднимал то одну заднюю лапу, то другую. «Все,— подумала я,— обезножел волк!» Неубранная клетка, неизвестно, какая кормежка, да мало ли...

Сережа теребит лапами сетку и свистит, как птица.

Когда я вошла, волки лишь приподняли головы. Помятые физиономии, равнодушный взгляд. Лобан растерянно стоит на трех ногах. Никогда еще они не встречали меня с таким безразличием.

Володя все не шел. Я взялась за крайцер— тяжелый железный прут с поперечиной на конце — и стала выгребать из клетки сырые, слежавшиеся опилки. Ополоснула из ведра пол. Волки поднялись, вся троица начала расхаживать и, к своему удивлению, я заметила, что Лобан больше не хромает. Откуда мне было знать, что волки так брезгливы и чистоплотны!

Потом я меняла подстилку у Лады, косули, возилась в клетке, где живут беркут и степной орел, возилась с лисицами, совами, филином, и, когда кончила, измученная уже до предела, и собралась кормить, в ящике не оказалось ни мяса, ни рыбы. Только морковь. А Сережа нетерпеливо кричал, и дождь, осенний, с ветром, разошелся как следует. Я ждала Володю, который так и не явился, и думала о Тарике. Как же он тут днями и ночами, дождь не дождь, холод не холод! Какую жизнь себе выбрал!

...Дорога безлюдна. Чем ближе к зверинцу, тем тревожнее. Несу сегодня полный рюкзак, но разве я управлюсь одна. Не по моим силам задача. Хоть бы адрес Володькин мне оставили!

Вдали разворачивается грузовик с подъемным краном. На платформе две пустые транспортные клетки. Медвежьи клетки. Слышен возбужденный собачий лай. Неужели приехали?

В воротах я успеваю заметить, как Тарик подводит Мику к ее постоянному жилью. Клетка стоит высоко, и медведица взбирается сначала на ящик, с ящика проворно перескакивает в клетку, и видно, как сотрясается над могучими мышцами мохнатая шкура.

А вокруг что творится! Мечется Лада, ее копытца без разбора ступают по полу, в кормушку, в поилку с водой. Сережа теребит лапами сетку и свистит, как птица. С ума сходят волки — прыгают, суетятся, и вот не выдержали, запели хором, запрокинув морды. А возле них стоит Тарик, склонив к плечу голову, и подпевает им — очень точно, по-волчьи...

Я могла и не навестить моих знакомых в тот вечер, мы не встречаемся годами. Была суббота, кроме меня сидели еще люди. И вот слышу, как один человек — по говору не москвич — рассказывает о кино. Он работает в съемочной группе, их фильм почти закончен, доснять осталось немногое. Завтра экс-

С ума сходят волки — прыгают, суетятся.

педиция отбывает. Сюда приезжали делать эпизоды с медведем.

Дальше он рассказал, что в картине должна быть сцена, где молодая девушка — героиня фильма случайно проваливается в берлогу. На нее кидается разъяренный медведь. С пригорка прыгает и встает между нею и зверем отважный парень, схватывается с медведем, ножом убивает его и спасает героиню.

Режиссер предполагал действительно убить перед объективом медведя. Иначе, он думал, сцена не получится естественной. Существует же охота на медведей, почему одним зверем не пожертвовать для искусства?

Фильм делается долго. Бесконечные съемки — в павильонах и на натуре, поездки с их гостиницами, неустроенные ночи, напряженные дни; смена неудач и побед, сомнений и уверенности... Всем хотелось, наконец, закончить, хотелось домой — все устали. Кроме того, объявились зверолюбы, не соглашавшиеся снимать жестокую сцену с медведем.

В таком состоянии прибыли в Москву. Познакомились с Тариком. Он показал своих животных — почудилось что-то непонятное в его отношении к животным, что-то не совсем обычное для дрессировщика. Ту сцену, заключительную, пока не обсуждали.

Выбрали место для съемок — неширокое безлюдное шоссе, подмосковный великолепный лес кругом. В транспортных клетках привезли медведей, собак.

Надо было снять медведя на свободе. Обтянули сеткой большой участок леса. Тарик поочередно то с Микой, то с другой медведицей, Фенькой, находился внутри вольера, остальные снаружи. И вот Фенька разошлась, разбегалась, и с ходу, легче кошечки, со скоростью, всех удивившей, взлетела на сосну.

Обратно она слезала медленно, с оглядкой, и не в вольер, нет. По ту сторону сетки. Где находилась группа.

Сетка шла по холмам, оврагам, кустарникам, и Фенька носилась вокруг, то скрываясь, то показываясь, веселым галопом проскакивала мимо людей.

Тарик и не подумал покинуть свое место в центре ограды. Он только командовал оттуда: «Не двигайтесь! Стойте кучей! Никаких резких движений!»

Потом добавил:

— Не двигайтесь, все равно догонит.

Он произнес это, кажется, серьезно, но с какой-то особой интонацией, и точно в тон ему откликнулся режиссер.

— Слушай,—взмолился режиссер,—возьми меня к себе!

— Нельзя,— отвечал Тарик,— места мало. Метраж не тот.

— Может, я в клетку залезу, пока она свободная,— просил (не жестикулируя, без резких движений) режиссер,— в клетке, знаешь... как-то спокойнее.

Оба уже открыто смеялись.

Некоторое напряжение Тарик уловил, но не мог он не оценить способности шутить в такую минуту. Да и вся группа... Неплохо они держались, это он заметил.

Затем понадобилось снять берлогу, виднешегося в ней зверя и собак, рвущих ему шкуру. Тарик нашел место для берлоги на откосе, под корнями старой сосны. Пока углубляли яму, он заметил, с каким интересом поглядывает Мика, и понял, что яма ей нравится. Он открыл клетку, и Мика побежала прямо к берлоге. Уж она там трудилась, она рыла, выкидывала землю, исчезала и выглядывала.

Медведь в берлоге был снят.

Пустили и натравили собак. Не на Мику, избави боже, о таком черном деле теперь никто и не заикнулся! Мику водворили в

клетку, а в берлогу залезли люди с полушубком, выставляли наружу мехом полушубок, его драли собаки. Тянули с таким азартом, что вырвали из рук и с триумфом понесли свою добычу. Это показалось так смешно, что все захохотали.

— В нашу группу,— говорил рассказчик,— парень этот внес атмосферу совершенно новую, непривычную. Мы смотрели на него, открыв рот, и слушали его, открыв рот. Никто не представлял себе таких отношений между человеком, причем профессионалом, и зверем. Он, понимаете, совершенно не противопоставлял им себя. Дрессировщиком его можно назвать лишь условно. Как-то получается, что он среди зверей старший и одновременно равный... Мне было неловко за себя,— вдруг признался рассказчик,— я с таким самозабвением работать не умею. Настоящее творчество!

Наконец один из главных эпизодов.

Девушка очутилась в берлоге, надвигается рассвирепевшее чудовище.

— Не бойтесь, она не тронет.

— А я и не боюсь! Я только сначала боялась.

Смельчак бросается между ними (актер уступает место дублеру, а дублер — Тарик). Предстоит схватка, и Мику заменяют Фенькой.

— Почему,—еще раньше спрашивала я Тарика,— ты не с Микой боролся? Фенька все-таки взбалмошная.

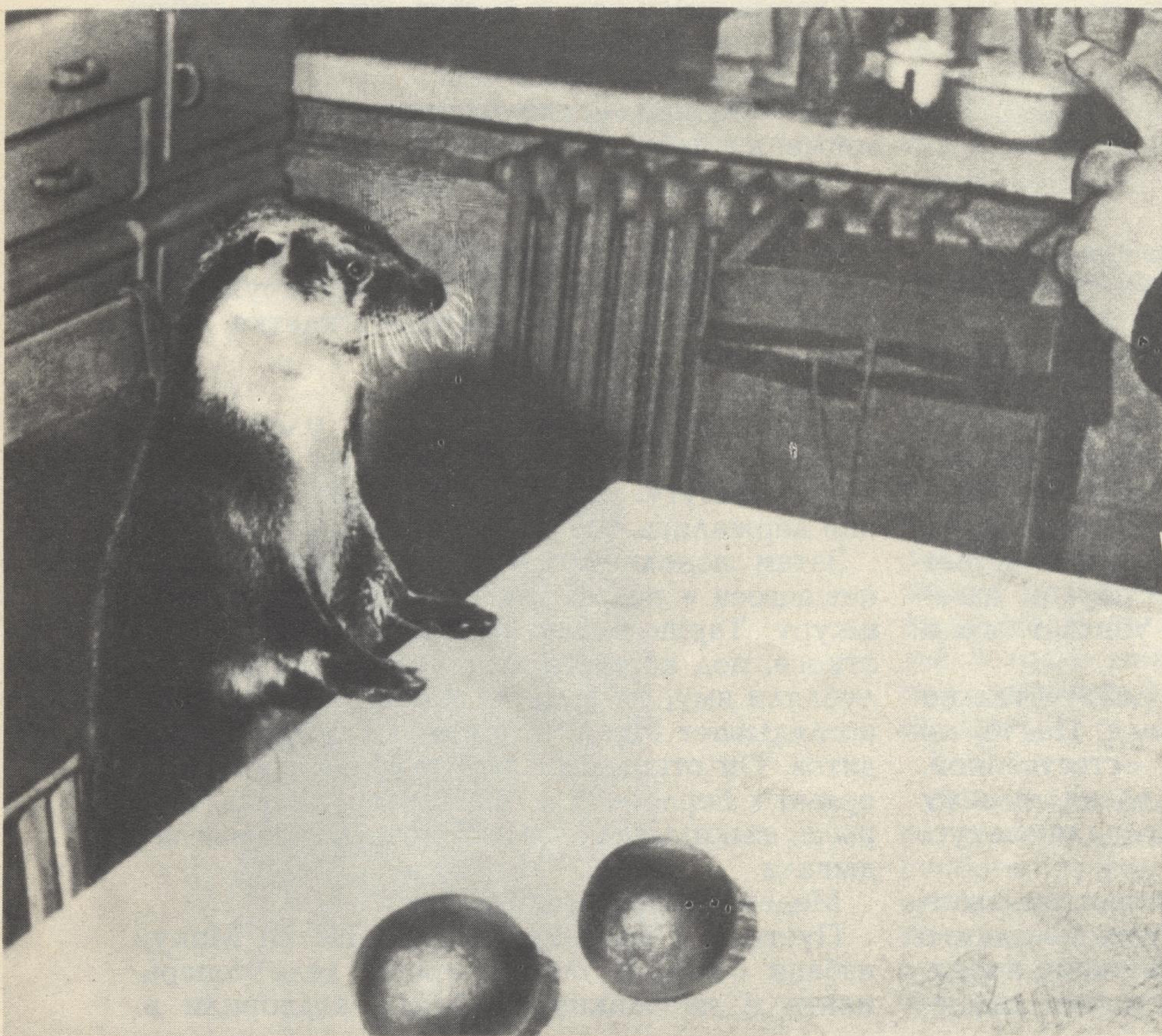
— Зато Фенька полегче. Мика насядет, так выдох получается, а вдох почему-то не получается...

Сейчас самое опасное и трудное. Тарик в костюме героя начинает заигрывать с медведицей. Он подталкивает ее, щелкает по носу, замахивается — и она замахивается. Фенька входит в игру. Тарик обхватывает ее, она берет его в свои медвежьи объятия. Валит. Они катаются по земле. Идет торопливая съемка. Люди напряжены. Зверь увлекся. Человек стиснут, спеленат медвежьими лапами.

— Мы увидели, как Тарик замер, его поднятая свободная рука замерла, потом чуть дернулась — едва уловимое судорожное движение боли... и крик: «Топуш!» Я не говорил вам, у него великолепный пес, огромный, умнейший. Летит пес, вмиг хватает медведицу за ухо, она — на него, пес бежит, уводит ее... Тарик встает. Он расправляет плечи, спину... с усмешкой... Не знаю, есть ли в кино еще кто-нибудь, работающий с медведем, не надев на него намордник...

— Ну, а убитого медведя,— спросила я,— как вы снимали?

— А это вот как. Фенька валяется на земле. У нее перед носом Тарик вылил сгущенное молоко — таким образом, что ей можно лизать, не двигаясь. И красной краски налили, ну точно — кровь! Вот вам,— рассказчик задумчиво опустил глаза,— эпизод с медведем...

Киностудия — это целый городок. Есть и глухие, заросшие углы, где в безлюдные вечерние часы можно гулять с животными. Сейчас Тарик выходит с волками и Топушем — гигантским псом породы московская сторожевая, который доброжелателен к людям и строг со зверями.

Прежде, чем отойти от ворот, Тарик показывает глазами: на глине медвежий след. Я киваю. И — удивляюсь. Нелегкий труд и заботы не погасили в нем огня, который всех нас опаляет в детстве, когда в первый раз мы прочитываем книги Бианки и Сетона-Томпсона...

Волки натягивают поводки. Тарик удерживает их с трудом. Возле нас притормаживает микроавтобус.

— Тебя с утра ищут!—кричит шофер, распахивая двер-

Сережа быстро понял, как надо вести себя за столом. Ему очень хочется приняться за апельсины, но он ждет, пока разрешат.

цу.— Давай скорей в группу! Отведи волков, я тебя свезу!

— Я только приехал,— отвечает Тарик.

— Да утром завтра съемки, две собаки нужны! Там психуют!

— Скажи, у меня утро в своей группе занято. Я не смогу.

Дверца захлопывается.

— Я скажу, да ведь обратно за тобой погонят!— кричит шофер, отъезжая.

— На части рвут,— говорю я,— ты смотри не зазнайся!

Тарик смеется. Он достает из кармана и протягивает мне записку:

«Уважаемый Тарик! Очень вас прошу зайти в отдел подготовки съемок. Я к вам обращаюсь с убедительной просьбой достать черного козла для кинофильма «Двенадцать стульев»...

Волчья троица спущена с поводков, и я смотрю, как молодые звери мчатся, ликуя.

— Сравни с собаками,— слышу я,— заметь, как бегут.

Как бы легко ни бежали собаки, вы видите их усилия. Волки стелются, будто поземка. Будто нет у них ни мускулов, ни длинных, быстрых ног, и сами они ветер.

Волки возвращаются. Я сторонюсь: собьют еще, бог с ними! Лобан с ходу бросается хозяину в ноги, и Тарик оглаживает красивую крупную голову зверя. Волчица и другой волк ревниво оттесняют Лобана. За ними зорко наблюдает пес.

Темнеет. Идем обратно. У Тарика тяжелая походка. В командировке он запустил бороду. Без всякого грима он только что сыграл цыгана в фильме «Дети», цыгана с медведем.

Волки заведены в клетку. Они получают мясо. Потом арбузы. Захлебываясь, вгрызаются в сочную мякоть. Волки любят не только рябину, но и арбузы, дыни, яблоки.

— Как Мика на съемках держалась?— спрашиваю я.

— Отлично. Среди чужих людей, учти. В тесноте павильона. Повезло мне с Микой.

Тарик дергает меня за рукав. Оглядываюсь. Волки спят. Они растянулись один от другого поодаль, компания молодых волков-переярков. Маленькая стая на отдыхе. Где-нибудь на укромной полянке. После утомительной охоты.

— Никому на свете не завидую,— тихо говорит Тарик,— жизнью я доволен, зверями доволен, рад, что они у меня есть. Так жить можно.

— Ты ведь жаловался,— говорю я,— у людей выходные — у тебя не бывает. Что даже заболеть ты не имеешь права.

— А ты думала! Так и есть. И все же другой жизни мне не надо.

Он отворяет дверь вольера, и оттуда на легких копытцах выпархивает косуля. Вместе с ней за ворота выносятся собаки.

Теперь их очередь бегать, баловаться и мять осенние опустевшие газоны...

СЛОВО, КОТОРОЕ НЕ СТАРЕЕТ

10 ДЕКАБРЯ 1971 ГОДА ИСПОЛНЯЕТСЯ 150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА

Ю. НОВИКОВА

Признайтесь честно: не пропускаете ли вы при чтении эпиграфы — строки, которые автор предпосылает своему произведению? Бывает с вами такое?.. Жаль! Ведь эпиграф не случайное украшение, он помогает нам правильно истолковать писательский замысел... И хотелось бы думать, что, встретив здесь отрывок из поэмы Некрасова «Железная дорога», вы внимательно прочитаете эпиграф.

Это всего-навсего коротенький вагонный разговор. Ваня «в кучерском армячке» спрашивает у отца «в пальто на красной подкладке»: «Кто строил эту дорогу?»

Вы можете и не догадываться, что речь идет о первой железной дороге из Петербурга — теперешнего Ленинграда — в Москву,— дороге, построенной еще в 1851 году, при ваших прапрадедах. Не всем известно, что пальто на красной подкладке носили генералы. Но даже и не зная всех этих подробностей, вы невольно улыбнетесь, прочитав ответ, который дает отец своему сыну, одетому в «простонародное» платье. По утверждению генерала, дорогу строил «граф Петр Андреевич Клейнмихель».

Каждый понимает, что такое громадное дело не под силу одному. И, разумеется, «высокое начальство» — граф Клейнмихель не слишком утруждал себя на строительстве дороги. Всю тяжесть стройки вынесли на своих плечах русские крестьяне, землекопы, которым главноуправляющий путями сообщений Клейнмихель платил меньше трех рублей в месяц.

Цифры сохранились в документах. Но много ли говорят нам, живущим в другое время, сухие цифры?.. Иное дело — поэзия. Только каменное сердце не содрогнется при пронзительно-унылом, как осенний ветер, звучании некрасовских стихов:

...Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Вот он, правдивый, неприкрашенный образ того, кто в самом деле строил дорогу:

...Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колена стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах...

Как не похож этот изможденный лихорадкою крестьянин-белорус на благообразного,

Н. А. Некрасов.

пряничного «мужичка», которого воображали себе иные любители «простого» русского народа, рядившие своих детей в нарядное кучерское платье!..

Надо ли еще приводить примеры из поэмы? Вы сами прочитаете — а иные, может быть, уже не в первый раз — горькие, страстные строки Некрасова. Они сохранили всю свою силу, хотя, пожалуй, нам трудно представить себе, какую бурю вызвали они в цензуре, когда были только что написаны!.. А сейчас хотелось бы обратить ваше внимание на то, что Некрасов здесь — да и в других своих стихотворениях — не оскорбляет народ жалостью. Он уважает его труд, верит в силы народа, в его будущее:

...Научись мужика уважать, —

говорит поэт мальчику Ване.

...Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

Конечно, автор «Железной дороги» не дожил и не мог дожить до этой поры. Целых сто пятьдесят лет прошло с того дня, когда в семье помещика Некрасова родился сын, названный Николаем... Да, Николай Алексеевич Некрасов не был по своему рождению ни крестьянином, ни бедняком. Но отвращение и ненависть к среде, где он рос, вспыхнули рано в его сердце. Бессильные слезы матери, измученной деспотом-мужем, причитания крепостных крестьянок провожающих своих близких в солдатчину, протяжные стоны бурлаков, оглашающие берега его родной Волги, звон кандалов на дороге, проходившей невдалеке от сельца Грешнева, — вот первые впечатления детства... Чужая боль глубоко задевала чуткого мальчика.

Не нужно, однако, представлять себе юного Некрасова слабым, слезливым. Бесстрашный наездник, смелый охотник, он уже подростком обнаруживал недюжинную силу воли. Она крепла вместе с испытаниями, а их поэту выпало достаточно.

Немалая твердость была нужна, чтоб вопреки желанию крутого отца остаться в Петербурге, прокладывать путь самому, голодать, холодать, занимаясь литературной поденщиной — трудом, который оплачивался немногим лучше, чем труд землекопа. Железная выдержка потребовалась, чтобы устоять перед первой неудачей: сборник стихотворений «Мечты и звуки», на который юноша возлагал столько надежд, был плохо принят читателями и осужден самим Белинским!

Но, что губительно для слабой натуры, сильному впрок. Испытав на себе все жизненные тяготы, Некрасов слился душою со страдающим народом и завоевал право говорить от его лица. Все крепче и своеобразнее становились его стихотворения. Теперь и Белинский приходил в восторг от стихов Некрасова. Правдивые, скорбные, подчас хватающие за душу, как народная песня, подчас гневные, язвительные, написанные будничными, как будто обыкновенными, но такими весомыми словами, некрасовские строки вызвали горячую любовь друзей и ненависть врагов.

Враги!.. Редко у кого из поэтов было столько врагов, как у Некрасова. Ведь он не только писал стихи, приводящие в ярость всех «ликующих, праздно болтающих», он редактировал передовой журнал «Современник».

Журналу так же, как произведениям его редактора, постоянно угрожали ножницы цензора, над ним тяготела угроза полного запрещения. Спасая «Современник», Некрасов иной раз шел на уступки, и за них он первый жестоко казнил себя. Порочащие поэта слухи тут же подхватывали явные враги и тайные недоброжелатели. Некрасова оскорбляли как человека, а любители внешне красивого укоряли его в пристрастии к низменным темам и грубым, «площадным» словам, утверждая, что в его стихах нет поэзии...

Хитрая клевета и прямые доносы, жестокие тиски цензуры, аресты одних друзей и вынужденный разрыв с другими, тяжелая болезнь, подтачивающая силы, — вот какой была жизнь поэта, уже достигшего признания, славы... Удивительно ли, что в тяжелые минуты он чувствовал себя одиноким?..

Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть... —

написал Некрасов незадолго до смерти...

Но едва были опубликованы эти горькие строки, откликнулись те, кто любил поэта.

«...Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, — писали ему студенты. — Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтоб знал он того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья...»

Отозвался из далекой ссылки и Чернышевский. Говоря о высоком благородстве и великом уме Некрасова, он сулил ему бессмертную славу.

И слава Некрасова действительно оказалась бессмертной. Томики его стихов были настольными книгами русских революционеров-подпольщиков. Некрасовым зачитывался в ссылке Ленин и не раз цитировал его строки в своих статьях.

Поэтическое слово Некрасова не померкло с годами. Опровергнув все злые предсказания, оно сохранило всю свою внутреннюю красоту.

По-прежнему поют люди «Коробейников», «Катерину» и другие песни Некрасова, давно ставшие народными. И вы все с первых лет жизни знаете и любите «Мужичка с ноготок», «Мазая», «Генерала Топтыгина» и другие стихи, посвященные детям; кстати, к детям обращена и «Железная дорога».

Скоро вы будете читать и другие произведения поэта: «Мороз, Красный нос», «На Волге», «Рыцарь на час», «Русские женщины» и многое другое. И хотя темы, мучившие Некрасова, отошли в прошлое и как будто утратили злободневность, стихи его взволнуют, обожгут вас. Ведь глубокое, искреннее чувство и сильная мысль в сочетании с поэтическим талантом не стареют и не умирают.

Н. А. НЕКРАСОВ

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок.
И струей, сухой и острой,
Набегает холодок.

Полумрак на все ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!», привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок! —

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится на яву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

Рисунки
Ю. КАРПОВОЙ.

РУСЬ

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

*

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

ВАНЯ (в кучерском армячке).
Папаша! кто строил эту дорогу?
ПАПАША (в пальто на красной подкладке).
Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

Отрывок

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...

Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цынгой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Все претерпели мы, божие ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Все ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это все братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

НА *воздушных* КОЛЕСАХ

В. ДРОБИНСКИЙ

Колесу *приходится трудно*

Мы живем в то время, когда даже пассажирские самолеты летают быстрее звука. Рядом с ними тихоходом кажется японский экспресс «Хикари» (что значит «молния») со скоростью 220 километров в час. А это самый быстрый поезд в мире!

Почему же конструкторы самолетов рассчитывают уже на космические скорости, а предел мечтаний железнодорожников — 300 километров в час?

Может, нет таких двигателей, которые разгоняли бы поезда до космических скоростей? Оказывается, есть! В чем же дело?

Мешают... колеса. При больших скоростях колеса проскальзывают над рельсами. А это значит, что время от времени они теряют опору и вместо того, чтобы отталкиваться от рельсов, вращаются на лету вхолостую. Вот почему, хотя машинист и заставляет колеса крутиться быстрее и быстрее, поезд не может увеличить скорость.

Но это еще не все. Чем больше скорость, тем сильнее, чаще и опаснее удары колес в бока рельсов. Колеса яростно мечутся между правой и левой нитками рельсов. Удары и колебания возрастают. При обычных скоростях это не опасно, а при очень больших рельсы могут просто не выдержать натиска, разойдутся — и произойдет катастрофа.

Словом, при скорости свыше 300 километров в час резко возрастает сопротивление рельсов большим нагрузкам... А что если совсем отказаться от колес?

Летающая тарелка

Наша тарелка спокойно висит над столом, потом легко поворачивается, движется в воздухе вперед, назад, вправо, влево, ловко перелетает через спичечные коробки, ластики, кубики.

Что это? Фокус, шутка?

Ни то, ни другое. Посмотри на рисунок: в середине тарелки отверстие для гибкого шланга от вентилятора. Когда вентилятор включен, давление под тарелкой повышается и она приподнимается. Сжатый воздух, конечно, сразу растекается во все стороны между тарелкой и столом, но давление не падает: вентилятор непрерывно подает воздух. Тарелка буквально лежит на плотном воздушном слое, опираясь на него, как на подушку. А летает она потому, что на ней установлен воздушный винт.

Тарелку поддерживает на весу пленка воздуха.
←

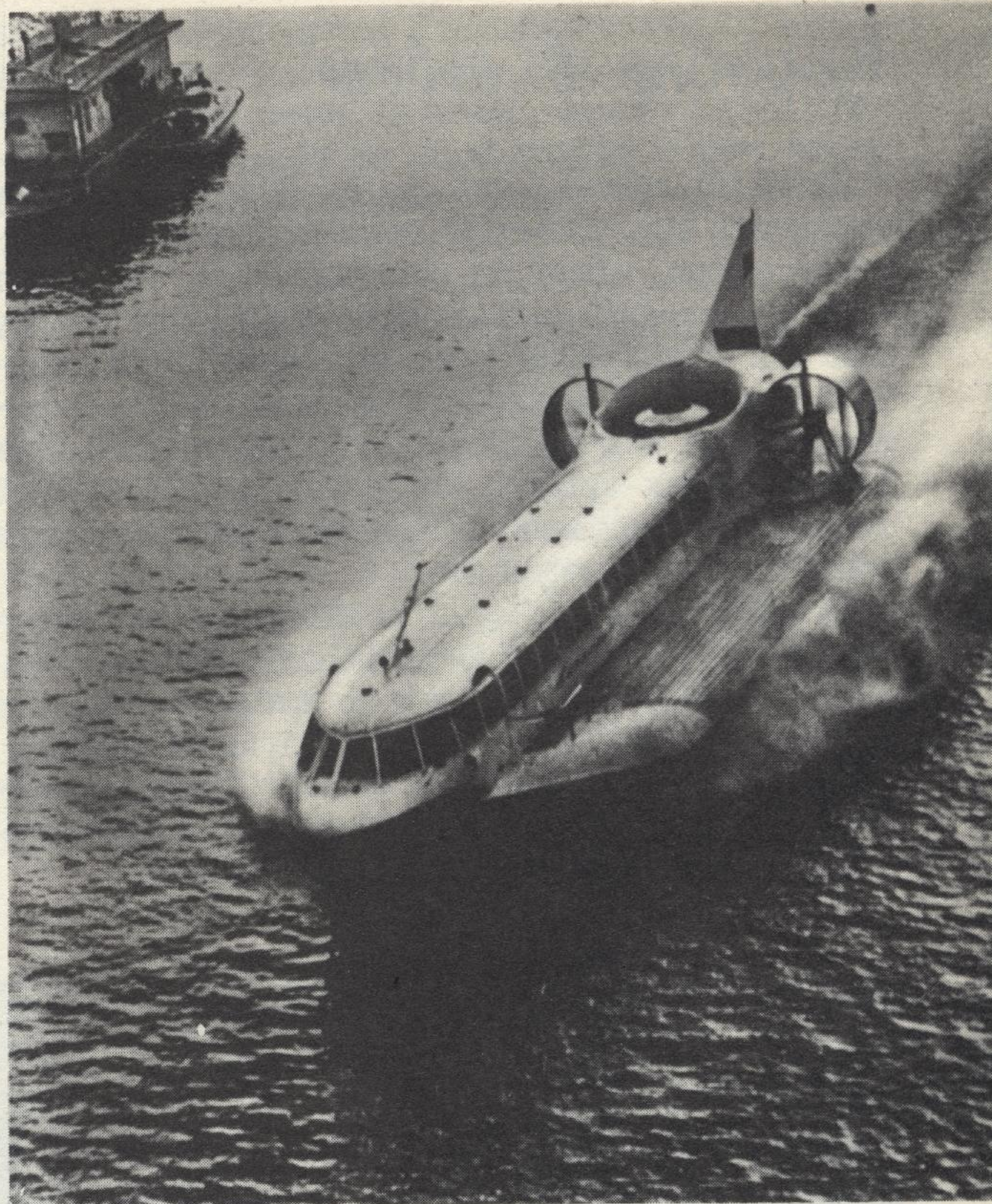
Вот оно, движение без колес! Никакого контакта движущегося предмета с опорой нет, и это вовсе не мешает движению с любой скоростью.

Но одно дело — легкая тарелка, поддерживаемая на весу пленкой воздуха, и совершенно иное — поезд весом в несколько сот тонн.

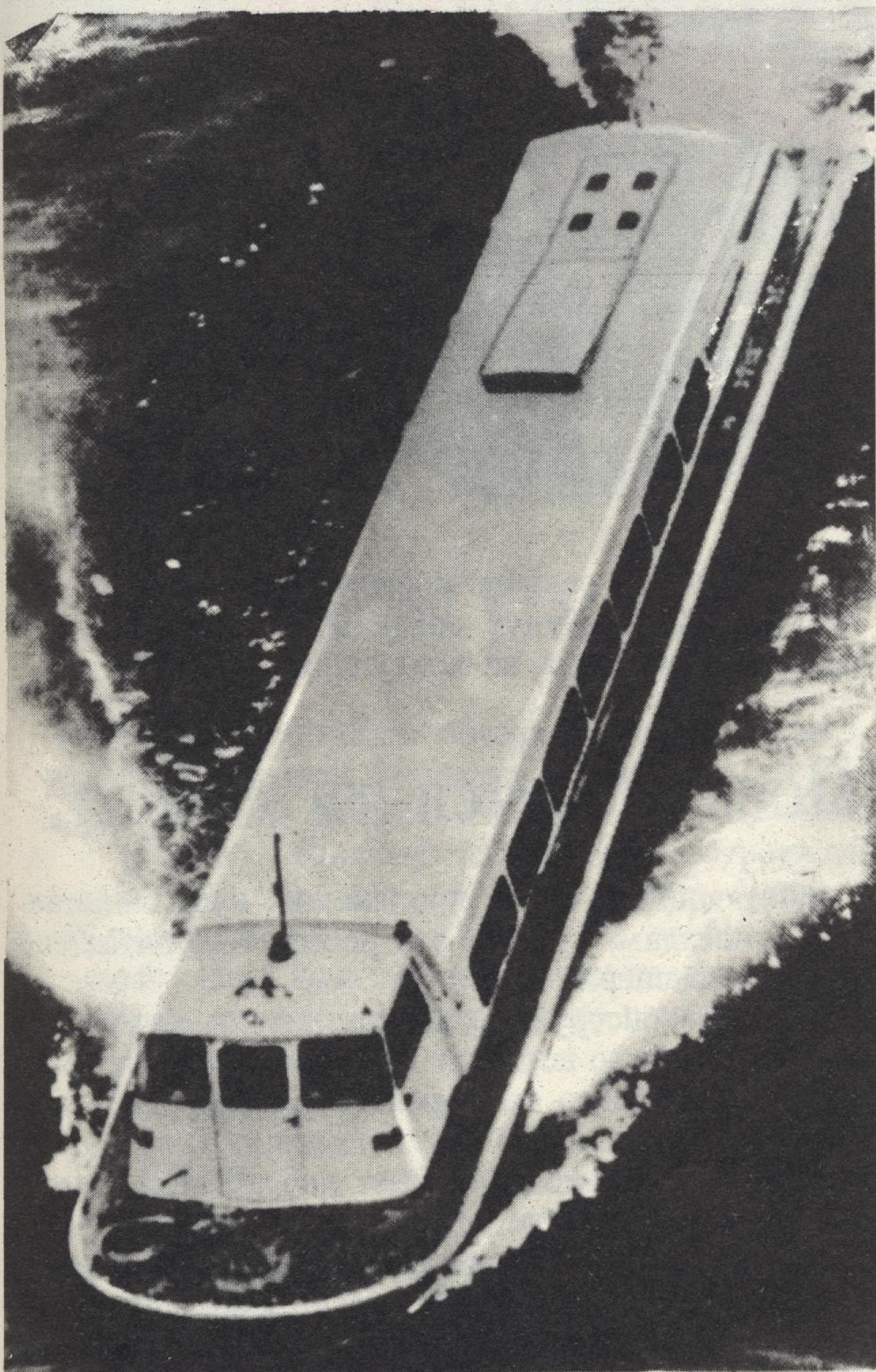
И все же о таких бесконтактных машинах люди мечтали давно. Но осуществить эти мечты, построить машину на воздушной подушке в прежние времена было невозможно, да и необходимости не было. Колесо еще долго устраивало человечество.

Волшебная платформа

В 1927 году в тихом русском городе Калуге вышла книжка «Сопротивление воздуха и скорый поезд». Содержание ее всполошило ученый мир. Константин Эдуардович Циолковский, автор книжки, впервые в истории техники разработал теорию воздушной подушки. Он писал: «Моторами накачивается воздух, который распространяется в узкой щели между вагоном и дорогой. Он поднимает поезд на несколько миллиметров и вырывается по краям основания вагона. Последний уже не трется о полотно, а висит на тонком слое воздуха и испытывает только совершенно незначительное воздушное трение, как летящий предмет».

«Горьковчанин» — пассажирский корабль на воздушной подушке — успешно трудится на малых реках нашей страны, перевозя пассажиров и грузы. Устойчивость этому типу кораблей придают скеги.

*Скоростной турбоход «Сормович»
летит над водой,
не касаясь ее поверхности.
Такой полет возможен
только на воздушной подушке!*

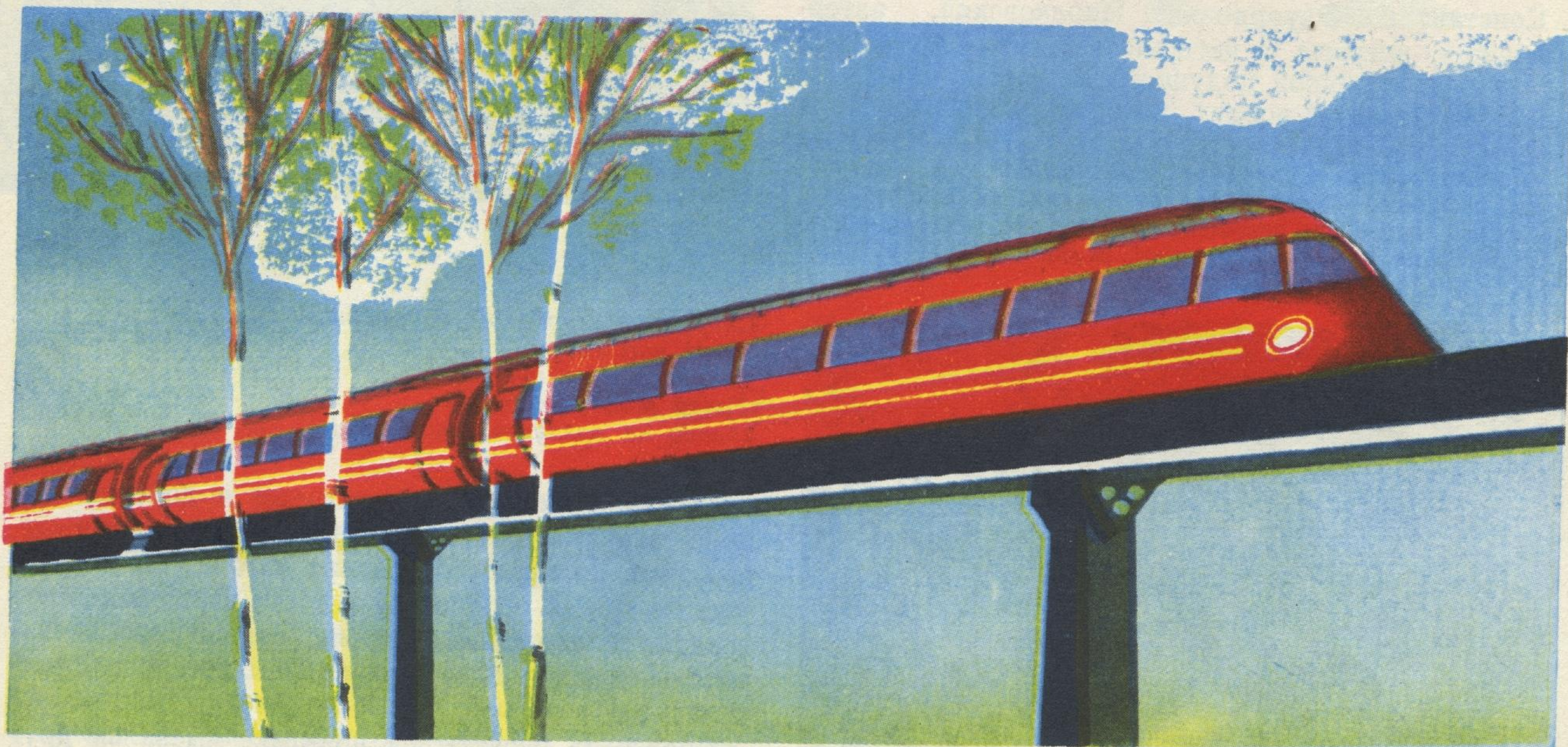
Проверить расчеты на практике вызвался друг Циолковского профессор А. Л. Чижевский. «Мы соорудили металлическую платформу,— писал Чижевский,— в виде прямоугольника размером сорок на шестьдесят сантиметров с загнутыми слегка вниз краями и отверстием посредине для шланга от вентилятора. Когда включили вентилятор, платформа задрожала мелкой-мелкой дрожью. Она даже стучала краями по столу, но не поднималась. Платформу облегчили и подвели воздушную струю с помощью короткого гибкого шланга. Загудел вентилятор, и видели бы вы, как наша модель сразу же приподнялась примерно на сантиметр над столом! Элементарно, скажете? Да, сейчас почти элементарно. А тогда... Словно зачарованный, смотрел я на волшебную платформу, висевшую в воздухе до тех пор, пока не выключили вентилятор...»

Многим ученым в то время новый способ движения казался фантастическим. Потребовалось почти полвека, чтобы осуществить идею Циолковского.

Корабль *в «юбке»*

Проведи ладонью по воде. Чувствуешь, как упрямится она, тормозит движение ладони? Представь теперь, какое же сопротивление оказывает вода многотонным плавающим судам! Вот почему они так долго были тихоходными. Чтобы выиграть в скорости, кораблестроителям пришлось вывести судно из воды. Скорость глиссеров и судов на подводных крыльях сразу же стала гораздо выше, но настоящую быстроходность обрели лишь надводные корабли.

Первые летающие суда напоминали перевернутые лодки с плоским днищем, под которое и нагнетался воздух. Снизу его не выпускала вода, а сверху — днище. Это и была воздушная подушка, приподнимавшая катер над водой. Сжатый воздух с ревом вырывался с боков, и катер, гонимый вперед пропеллерами, летел, не касаясь воды.

А вот как будет выглядеть отечественный сверхскоростной пассажирский поезд на воздушной подушке. Над этим проектом работают советские инженеры

А как же в непогоду? Налетит ветер и мгновенно сдует корабль, ведь он полностью оторван от воды. Как удержать его на курсе? А волны на море! Они то вздымаются на несколько метров, то падают. Какой же высокой должна быть подушка, чтобы кораблю был не страшен «девятый» вал? Сколько потребуется воздуха для такой подушки? Как запереть воздух, чтобы он не улизнул через щели?

И было принято такое решение: каждую из подушек окружить резиновой загородкой наподобие юбки. Попробовали. Гибкое ограждение оказалось очень удачным, утечка воздуха убавилась. Кроме того, «юбка» позволила поднимать корпус судна примерно на высоту волны. Эластичная «юбка» свободно пропускала волну, а затем под действием своего веса и давления воздуха опускалась.

Но как добиться устойчивости судна? Конструкторы повесили по бортам тонкие пластины (скеги), погруженные в воду. Результат получился отличный. Корабль стал более управляемым. Скеги даже при сильном боковом ветре и резких поворотах не позволяли ему отклоняться от курса.

В нашей стране уже выпускается немало судов на воздушной подушке самых разных типов, и с каждым годом они совершенствуются, получают все большее распространение. На три миллиона километров протянулись реки нашей страны, и лишь двадцатая часть их освоена для судоходства. Вот где простор для парящих кораблей! А реки Севера, Сибири, Дальнего Востока, замерзающие на зиму, болотистые и труднодоступные места! Вездеходы на воздушной подушке смогут бороздить их во все времена года.

В девятой пятилетке начнется серийный выпуск быстроходных речных кораблей заводом «Красное Сормово». Будут созданы опытные морские пассажирские суда на воздушной подушке.

Поезд мчится *по воздуху*

«Летающие» суда проложили путь «летающим» поездам, правда, эта работа находится еще в стадии эксперимента.

Здесь у конструкторов была другая мечта: сделать воздушную подушку как можно тоньше. Ведь чем она тоньше, тем меньше расход воздуха и энергии.

В принципе высота полета поезда может быть тоньше волоса. Вам это кажется невероятным? Вспомните каток. Коньки скользят по зеркальному льду вовсе не потому, что он гладкий — паркет тоже гладкий,— а потому, что под коньками лед тает и возникает тонкая водная пленка. Она

играет роль смазки и уменьшает трение. Толщина этой пленки меньше одной десятой микрона.

А что если заменить водяную пленку воздушной смазкой, ледяную дорожку — бетонной полосой, а под поезд подвести скользуны наподобие коньков?

Американская фирма «Форд мотор» в Детройте предложила проект вагона на воздушной смазке. Зазор между вагоном и полотном дороги меньше 1 миллиметра. Но этот проект так и остался проектом и вряд ли когда-нибудь будет осуществлен. Почему? Очень трудно и очень дорого гигантский путь по всей его длине сделать ровным, как стол. И решили так: пусть воздушный зазор будет не таким уж малым, но зато требования к полотну дороги можно снизить. В построенных поездах высота полета измеряется сантиметрами: воздушная смазка уступила место воздушной подушке.

По рельсам *без рельсов*

Машинисту обычного поезда не нужно думать, куда ехать: рельсы приведут его к цели. А как же бесколесный экспресс? У него же нет контакта с дорогой? Конструкторы нашли остроумное решение и этого вопроса. Переверните буквы Т и П вверх ногами и вы увидите в разрезе «воздушный» путь. Каждый вагон, как наездник, либо сидит верхом, либо внутри такого рельса.

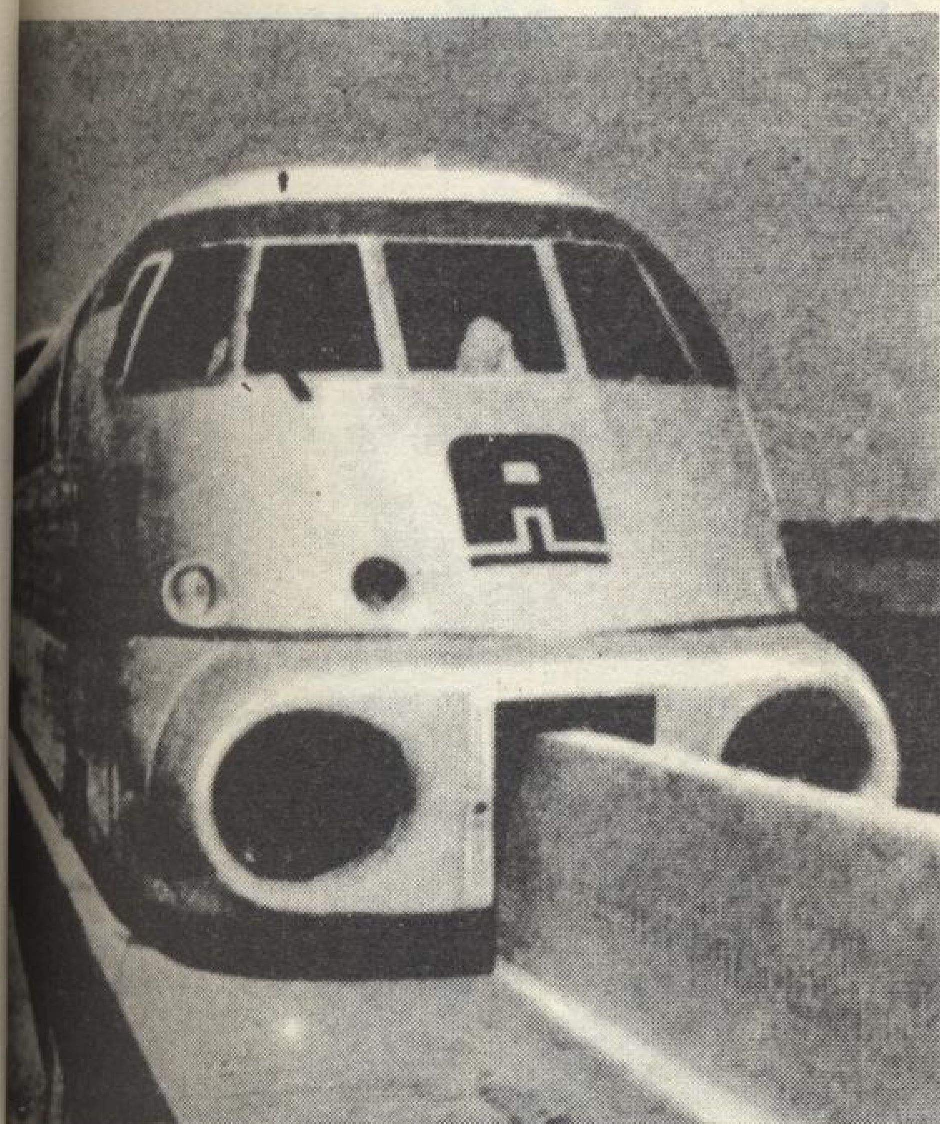
Обратите внимание, он ни в коем случае не касается их ни сверху, ни снизу, ни с боков! В эти-то промежутки по специальным каналам вентиляторы гонят сжатый воздух. На нижних воздушных подушках вагон лежит и по ним скользит, а боковые подушки не дают ему отклониться в стороны. Вот и получается, что поезду не свернуть с дороги, даже при самой большой скорости. Упругая подвеска вагонов хорошо гасит колебания. А сам путь проще и дешевле обычного железнодорожного — с рельсами, шпалами, земляным полотном, колесами, буксами, рессорами. Огромная экономия металла и смазки, да и уход за вагонами и дорогой гораздо проще.

Борьба *со... скоростью*

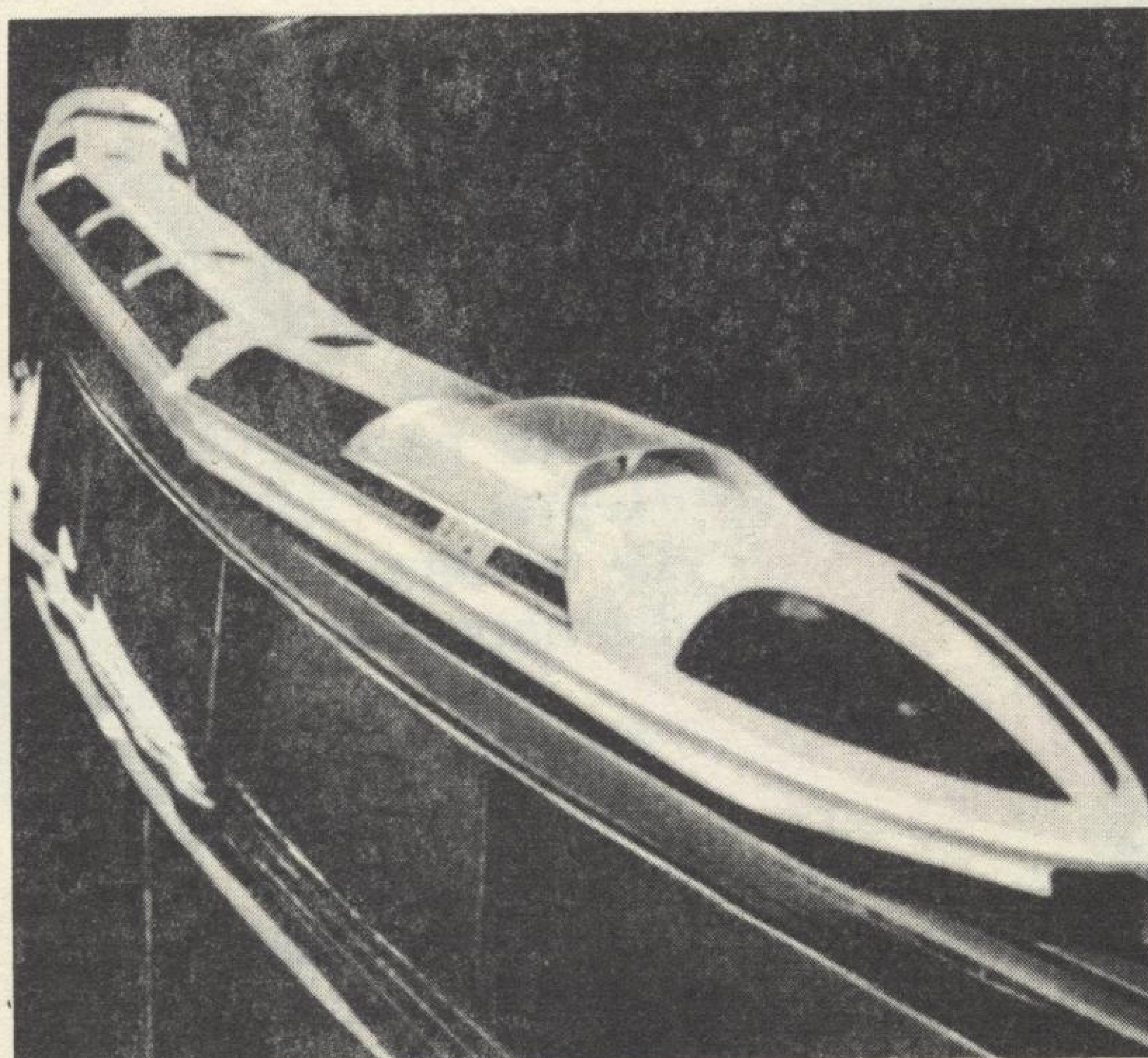
Аэропоезд несется над эстакадой. Скорость — 720 километров в час (200 метров в секунду). Как остановить его? Колес-то нет. Машинист нажимает кнопку, и с хвоста поезда выбрасывается тормозной парашют. Он быстро наполняется воздухом. Скорость сбита, но не погашена. Теперь в действие вступают двигатели. Они работают в обратном направлении. Когда скорость упадет до 150 километров в час, машинист выпустит воздух из воздушных подушек и деревянные башмаки прижмутся к бетонной поверхности пути, как тормозные колодки прижимаются к колесам поезда или трамвая. Экспресс останавливается.

*

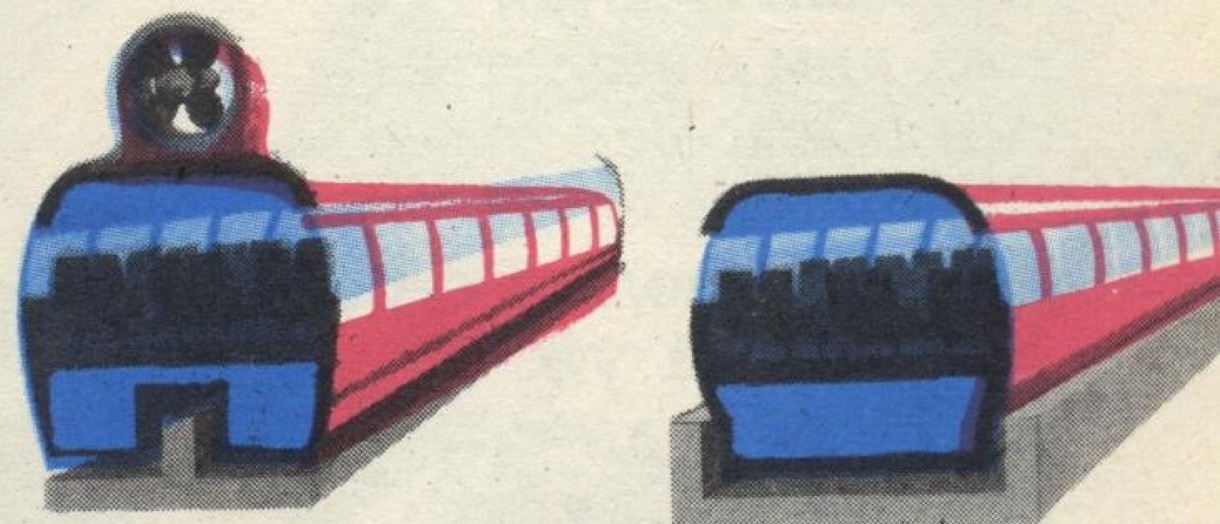
Суда на воздушной подушке уже работают на человека — в СССР, Англии, Франции и других странах они перевозят десятки тысяч пассажиров. Очередь за аэропоездами — так называют сейчас поезда на воздушной подушке. Ученые и инженеры в разных странах доказывают их эффективность и выгоду. И, может быть, мы с вами увидим, как помчатся сверкающие бесколесные составы в разные концы нашей страны...

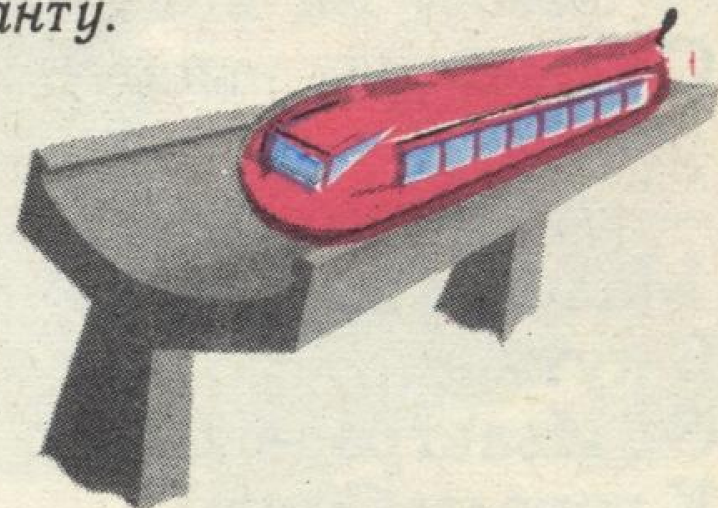
Французский аэропоезд как будто верхом сидит на рельсе. Он курсирует в пригородах Парижа со скоростью триста километров в час.

Японский суперэкспресс еще не создан. Это его модель. Предполагается, что поезд будет развивать скорость до пятисот километров в час.

Для бесколесного поезда не годится привычный нам железнодорожный путь.
Вот два варианта нового пути, похожие на перевернутые буквы Т и П.
А это дорога для бесколесного поезда в виде лотка. Такой путь впервые предложил Циолковский. Сейчас инженеры вернулись к подобному варианту.

Душан ДЖУРИШИЧ

Уж-турист

От Иванграда
До города Спуж
Решил путешествовать
Маленький уж.

На чем?
Ни на чем!
Ни пешком, ни верхом,
А просто
По травке зеленой ползком.

Машины его
Обгоняют легко,
Над ним самолеты
Летят высоко.

Ползет и ползет себе
Маленький уж
От Иванграда
До города Спуж.

— Ну что ты заметил
В дороге, шофер?
— Ущелья, да ветер,
Да выступы гор.

— Ну что ты заметил,
Умелый пилот?
— Земля не видна мне
С туманных высот!

— А ты что заметил,
Маленький уж,
В пути
От Иванграда
К городу Спуж?

— Я много заметил,
Я много узнал.
Увидел я
Пестрые росписи скал.

Пшеничное море,
На кручах сады.
Лежал я под пальмой,
У теплой воды.

В маслиновой роще
Я сделал привал.
В большом винограднике
Грозди срывал.

Теперь я к ужатам
Своим поспешу
И обо всем,
Что узнал,
Расскажу.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Приятель

В крутых горах
С седых времен
Живут и дуб,
И граб, и клен.
Видны им ясно
С высоты
Земли распаханной
Черты.
Ее бетонные ремни,
Ее нарядные огни.

Живет в горах
Ручей-связной,
Он с ледников
Сбегает в зной,
Бежит в долину
По камням,
Спешит
К знакомым деревням.
К ручью
Доверчиво
Склонись,
К нему
Губами
Прикоснись —
Он ничего не утаит
И свежей влагой напоит.

Перевел с сербскохорватского Мстислав ЛЕВАШОВ.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ЮГОСЛАВИИ

Три птицы

Море облетели
Три птицы, три птицы.
Одна держала в клюве
Колосок пшеницы.

В наше поле колосочек
Обронила птица.
Зашумело наше поле,
Стало колоситься!

Море облетели
Три птицы, три птицы.
Виноградную лозу
Несла вторая птица.
К нам лозу на виноградник
Обронила птица.
Грозди спели, зеленели —
Стали золотиться!

Море облетели
Три птицы, три птицы.
Смех да веселье
Держала третья птица.
К нам в село свое веселье
Обронила птица.
Засвистели мы в свирели,
Стали веселиться!

Гусли

Гусли-гуслицы,
Звените,
Лис из леса
Приманите!
Чтобы дали
Мне лисички
Мягкий мех
На рукавички,
И на шапку,
И на шубку,
И на теплый
Кожушок.
И на левый
И на правый,
Левый-правый
Сапожок.

Пересказал Л. ЯХНИН

Академия Домашних Волшебников

ОБЪЯВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА!

Оля Лобанова, Марина Филиппова, Ира Зинченко и Ира Танцерова, Александр Усилин, Люда Ионкина
(между прочим, она победила и на прошлогоднем конкурсе юных модельеров),
Рия Абзаутдинова, Галя Братчун, две подруги Наташи — Рябинина и Деменкова, Лена Гусарова, Толя Шумов, Надя Кирова и Надя Корнеева, Лена Кочеткова, Олег Шумилов, Лара Соседова, Вера Стежко
(это младшая Стежко, ее старшая сестра завоевала приз на прошлогоднем конкурсе),
Марина Кощеева, Лена Дьячок и Лена Крижановская,

Оля Самылова, Вера Сологуб, Женя Двоскина, Оля Гилева и Лена Потылицкая,
Валя Воробьева, Надя Чернова, Оля Абызова, Люда Снежко, Вера Малышева, Сергей Малышев, Лена Скардова, Наташа Федоряк
(тоже победительница первого конкурса),
Тамара Коновалова, Вика Богуславская,
Наташа Ефимова, Лена Теплова, Таня Косторная,
Ира Макарова, Иван Лужинский и Александр Протасов,
костюм которого «Звезды» мне очень понравился, и я его надела.

Поздравляю всех и приглашаю на нашу елку!

Всем победителям быстренько, как положено в «Академии домашних волшебников», нарядиться в карнавальный костюм да не забыть самую загадочную из масок. Она ведь уже готова? Взять в левую руку красивый фонарик — я уверена, он уже склеен и разрисован и стоит в полном великолепии на подоконнике. В правую руку надо взять маленькую еловую ветку, обязательно с шишкой, и очень уверенно — уверенно! — топнуть правой ногой и сказать: «На елку к Калинке». Можно пригласить с собой и своих друзей.

Жду вас ровно через пятнадцать минут у порога самой просторной московской школы № 479.

...О, какие молодцы! Все долетели благополучно? Нет Нади и Тани, они решили, что рисовать костюмы стоит, а мастерить не стоит? Ну, ну... А у Иры не хватило смелости топнуть ногой? Смешно... Значит, они не настоящие волшебники.

Зато все остальные прилетели в костюмах, в масках, с фонариками! И, что самое главное, у всех веселые глаза и озорное настроение.

Какая красивая школа! Правда? Гирлянды фонариков во дворе и большущие снежные медведи и слоны посередине площадки. Смешной снеговик с носом-морковкой, а на макушке у него маленькая елочка в разноцветных огнях... И слышите? Музыка, музыка! Очень таинственная и веселая — не «битлы», и не Эдуард Хиль, и даже не «Бременские музыканты» — это марш из «Принцессы Турандот». По секрету скажу: великие радиомастера из девятого «Б» поставили магнитофон где-то там в уголке вестибюля, а стереоусилители развешали по этажам. Карнавал — это не только зал с елкой, а все вокруг, даже снеговик во дворе перед школой. Карнавал готовили все—от первого до десятого класса. Перво- второ-третьеклассники сооружали разные фонарики по чертежам, которые сделали старшие ребята. Нет, не просто так скучно клеили, а каждый выбирал, какой хотел — маленький или большой,— сам вырезал и, главное, сам разрисовывал. На уроках труда.

Потом серьезная комиссия — пять лучших художников школы — выбирала самые красивые фонарики для большой елки в зале. Почет! Кирилке Заботину семь лет, а два его фонарика на главной школьной елке!

Восьмиклассники украшали гирляндами зал.

В коридорах перед залом собрали школьные газеты. Это не обычные скучноватые стенные газеты, а гигантский, во всю длину коридора, литературный журнал с иллюстрациями. Двадцать четыре страницы единого формата — 60 × 90 сантиметров. Название на первом листе, титуле, а на следующих — только большая цифра страницы и

Маски плоские, вырезаны из плотной бумаги и раскрашены.

номер класса в левом нижнем уголке листа. Весь простор бумаги отдан рассказам, рисункам и стихам. Первую страницу пишет 5 «А», вторую — 5 «Б»... последнюю — 10 «В». Все классы стараются, попробуй поленись — школьная редколлегия вместо большого листа прикрепит тетрадный огрызочек, на котором будет написана страница и номер класса, а вместо стихов, рассказов и рисунков — два зловещих восклицательных знака и один вопросительный.

Вездесущий девятый «Б» ведет карнавал, как режиссер ведет спектакль. Талантливый режиссер, умелый, находчивый, все видит, все успевает — значит, и спектакль идет блестяще. Так и здесь. Это трудно, но зато интересно.

«Дымковская игрушка». *Для этого костюма подойдет любой ситец или сатин крупного рисунка, можно все части костюма — кофточку, юбку и фартук — сшить из ткани с разным рисунком, но обязательно с кантиками одного цвета. Кокошник — это толстая бумага, оклеенная тканью, из которой шили фартук. Как оклеить бумагу тканью, чтобы не было пузырей? Очень просто — резиновым клеем. Смазать клеем обе приклеивающиеся поверхности, дать минуту подсохнуть и осторожно соединить. Костюм туго накрахмалить и отлично отгладить.*

«Человек с планеты Электра». *По мысли автора костюма, человек с этой самой планеты носит тренировочный синий костюм, перепоясанный широким ремнем с разными пометками. На груди огромный медальон — собственная атомная станция, от которой идут разноцветные провода. На голове микрофоны — картонные цветные кружки — и антенна—оклеенная цветной бумагой проволока. Любая загадочная маска, безусловно, подойдет к этому костюму.*

«Огонь». *Прекрасный костюм. Нравится? Основа — марлевый чехол. На чехол нашиваются длинные накрахмаленные лоскуты. Шапочка—четырехклинка.*

«Почта». *Очень простой и остроумный костюм. На любой сарафан или платье (разрешение у мамы спросить обязательно!) нашиваются полоски бумаги или ткани с названиями любимых журналов и газет. Манжеты и воротник бумажные, разрисованные, как кайма авиаконверта. Почтовый ящик — бумажный пакет— неприятно носить весь вечер. Можно в нем появиться, а потом снять, заменив его бумажной шапочкой или лентой с наклеенными на нее марками.*

«Робот». *Тренировочный костюм любого цвета. Два картонных щита с разными датчиками связаны на плечах и боках шнурками (клей «БФ-6»). На обыкновенных кедах — полоски из консервных банок. Квадрат роботовой головы — картонная коробка.*

А если еще на картонной роботовой груди укрепить карманный фонарик с выходом глазка над надписью «Спрашивай — отвечу сигналом», то любая королева карнавала скажет: «Робот придуман блестяще».

«Мальвина». *Мама, конечно, поможет сшить платье из голубого ситца. Кружева вырезаны из бумаги, приклеены резиновым клеем. 2—3 нижние юбочки — марлевые, крепко крахмаленные. Парик — конечно, голубой — из бумаги, маска—два голубых цветочка. Но... можно придумать смешнее—и вдруг на карнавале надеть маску Бармалея!*

...Переверни страницу — карнавальное шествие продолжается.

«Крестоносец». *Очень суровый наряд! Балдахин из любой дерюги какого-нибудь мрачного цвета. Круглый шлем из картона. Автор предлагает сделать его из жестяной банки, но я бы не решилась. Щит сооружается из проклеенной в несколько слоев толстой бумаги, разрисовывается или обклеивается цветной бумагой. Как сделать меч? Это знает любой уважающий себя мужчина начиная с пяти лет.*

К «елочному» залу можно подняться по двум лестницам, у каждой по два стражника с алебардами в страшнющих масках.

Торжественный взмах алебарды в честь пришельца в карнавальном костюме, милостивый поклон пришедшему в маске, грозно перекрещенные алебарды перед ленивцем и неумехой: без маски вход запрещен. Придется лентяю взобраться по лестнице-стремянке к развешанным на стене маскам и брать уж какую-нибудь.

За стражниками — два церемониймейстера. Они близнецы, но маска одного смеется, а другого — плачет. Весельчак преподносит каждому маленькую эмблему карнавала — картонного снеговика с елкой на макушке... И через десять лет где-то в старой коробке найдешь этот маленький картонный ромбик и улыбнешься: «А я первый раз вальс танцевал...» Плакса вручает номерок для игры в почту. Какой карнавал без почты! Но плакса знает: иногда девчонки пишут злые записки другим девчонкам, поэтому-то он и плачет...

А где Дед Мороз? Он появится минут через пятнадцать, ему сейчас усы подкрашивают голубой краской... Слышите: «Правый ус отвалился! Быстрее! «Ашники» уже бороду стригут!» Это в зале проходит конкурс Дедов Морозов. Каждый класс, участвующий в кар-

*«**Мак**». Для этого костюма нужен красный и зеленый сатин. Юбочка — шесть лепестков, собранных на поясе. Рукава могут быть любой длины. Воротник — листочки, а шапочка из четырех клиньев, с хвостиком. Черные полоски на юбочке и узор на листьях нарисовать тушью.*

*«**Семафор**». Черный тренировочный костюм. Черные картонные щиты с трехцветными кругами. Вот и весь костюм.*

Если на щитах нарисовать не светофорные круги, а любой узор и надеть на голову корону-циферблат, как кокошник на тесемочках, то будет костюм «Часы». Стрелки можно вырезать из консервной банки и укрепить на шайбочке так, чтобы стрелки можно было поворачивать.

*«**Звездочет**». Очень таинственный костюм. Балахон из любого старого бабушкиного платья («Бабулечка! Если ты не носишь это платье, давай покрасим его в черный цвет, у меня будет прекрасный костюм») раскрасить масляными красками, присыпать блестками да еще наклеить всякие звездные символы из цветной бумаги или ткани.*

*«**Кошка**». Если есть черное платье, черные колготки, то еще надо только яркий огромный бант из маминого шарфа (спросить разрешение!). Шапочку-маску и хвост (проволока обшита ватой) смастерить из лоскутков плюша или искусственного меха.*

*«**Художник**». И «Человек с Электры», и «Робот», и «Крестоносец», и «Светофор», и «Часы», и «Звездочет», да и «Огонь» — пожалуй, все мальчишеские костюмы. Этот тоже. Старая папина рубашка раскрашивается анилиновыми красками или тушью. Шляпа-палитра, вернее, одни поля без тульи, мастерится из картона, а краски на палитре — кружки раскрашенного картона. Бант — любимая черная лента старшей сестры, отданная ею добровольно. Ботинки — самые удобные для танцев. На карнавале все, даже художники, танцуют. А ведро и кисть в руках, чтобы подрисовывать усы пришедшим не в масках. Но только пусть тот, кому лень было сделать маску или костюм, не сердится. Карнавал — это карнавал!*

Как тебе нравятся объемные маски «Папуас» и «Заколдованная шишка»? Из пластилина слепить маску примерно по форме лица, немного больше, чтобы можно было дышать. Подсохнет, смажь ее сверху вазелином, обтяни влажной марлей и тотчас начинай обкладывать кусочками газеты, размоченными в воде. Наложишь один слой — смажь мучным клейстером. Всего 5—6 слоев. Последний слой — тонкая белая бумага. Через 2—3 дня маска высохнет. Осторожно сними ее с пластилиновой формы и раскрась.

навале, предлагает своего претендента—самого веселого, общительного и хотя бы чуть-чуть волшебного человека. Мальчишку. Помогают ему стать Дедом Морозом три ловких и быстрых помощника, лучше, если это будут девочки.

На стульях около елки — акварельные краски, вата, клейстер, ножницы, белая и цветная бумага. По сигналу церемониймейстера соревнующиеся одновременно начинают мастерить маски. Три претендента оказались в масках почти минута в минуту, а остальные безнадежно отстали. Теперь эти трое должны протанцевать вокруг елки. Два Деда Мороза танцуют весело, а третий потерял правый ус, смутился и ушел из круга... Осталось последнее испытание: рассказать короткую сказку и отгадать три загадки. Смешно, но один из претендентов сказку рассказать не смог. Победил Сережа Батов из седьмого «А» с роскошной трехслойной бумажной бородой. Его наряжают в красный короткий плащ и вручают жезл Властелина Елки. Очень симпатичный Дед Мороз! Я немножко поколдую, и он станет настоящим волшебником. Видите? Елка зажглась разноцветными огоньками, и ребята потянулись за ним хороводом, и мальчишки пустились отплясывать «манкис».

А сколько игр знает Дед Мороз!

В «ТЕРЕМОК» играют тридцать, шестьдесят, девяносто человек. Играющие встают в круг по трое — «лягушка», «петушок» и «мышка» — друг другу в затылок, лицом к хитрой и быстрой лисице, стоящей в центре. Дед Мороз говорит: «Петушок остался дома»,— и лягушки скачут направо, мышки семенят налево, а петушки топчутся на месте. «В теремок!» — говорит Дед Мороз; лягушки и мышки бросаются к своему петушку, запирая его в теремке сомкнутыми руками. В этой кутерьме обязательно какой-нибудь петушок попадет не в теремок, а в лисьи лапы. Тогда или выходи из игры или плати выкуп: песней, танцем или сказкой.

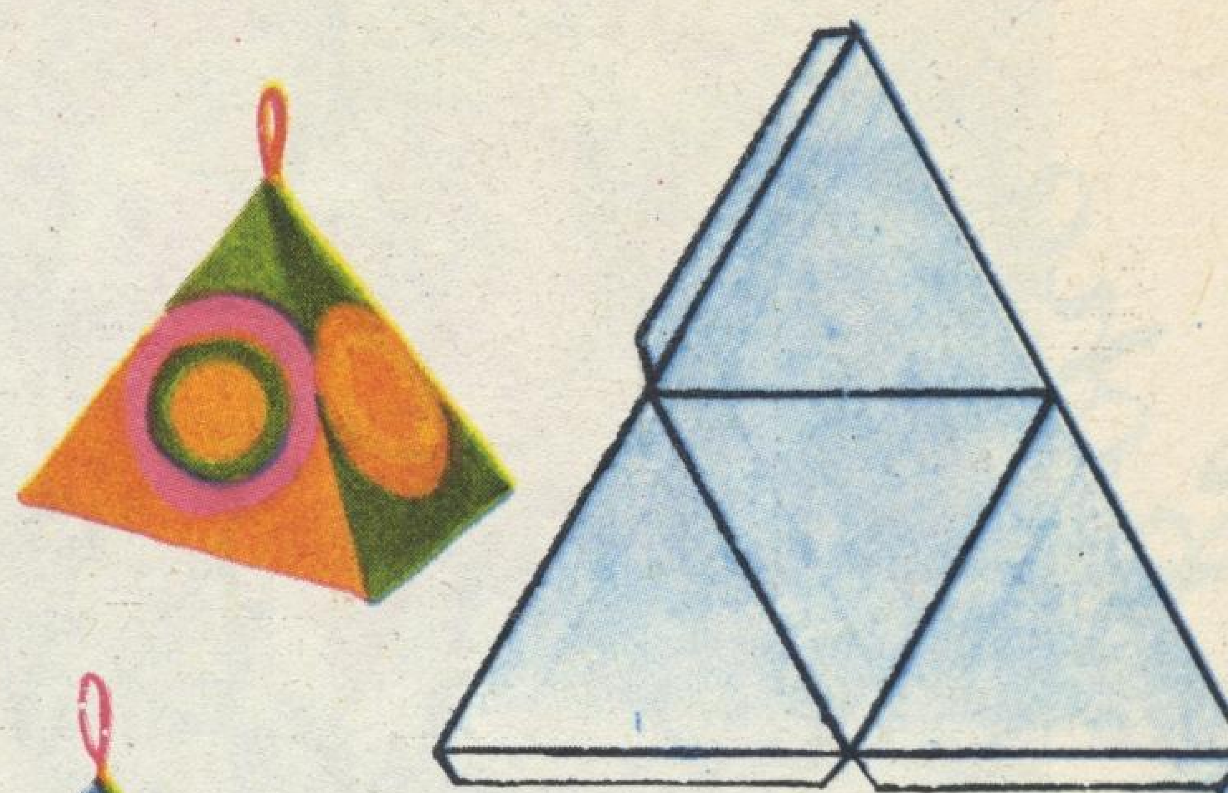
И еще **«Эстафета с колокольчиком», «Снежный ветер»**, конкурсы.

Тот, кто выиграл в игре, конкурсе или спел песню, получает приз. Даже мне захотелось рассказать сказку (я очень люблю рассказывать сказки!) и получить такой заманчивый приз.

Призы развешаны на нижних ветках елки. Они завернуты в разноцветную бумагу, перевязаны красивыми ленточками. Выиграл приз — сначала играешь в беспроигрышную лотерею, срывая лепесток на большущей бумажной ромашке. На обратной стороне лепестка написано: «Голубой приз с алой лентой» или «Сиреневый приз с розовой лентой»... Церемониймейстер-весельчак торжественно снимает с ветки и преподносит приз, да еще желтую бабочку к рукаву прикалывает. Вон там на ветке с шишкой блестят две большущие хлопушки, перевязанные витыми шнурками с кисточками. Это приз «Королю игр» — мальчику, собравшему больше всех бабочек, и приз «Королеве карнавала» — девочке в самом остроумном костюме, на рукаве которого будет не меньше трех бабочек.

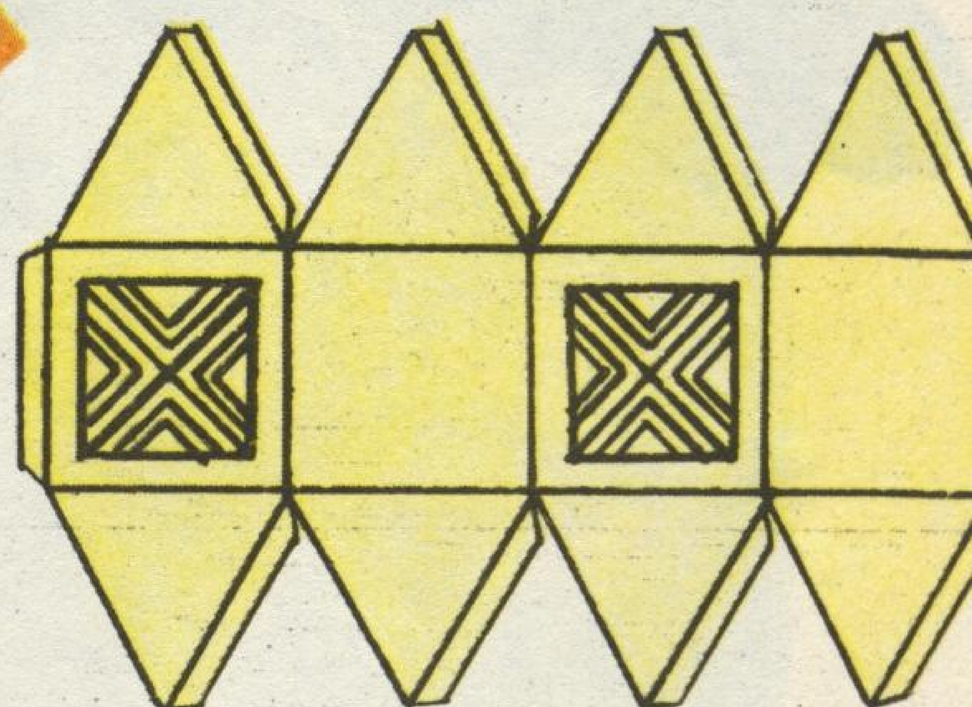
Кто хочет быть «Королем игр» или «Королевой карнавала», скорее к Деду Морозу, он зовет на конкурс фантазеров!..

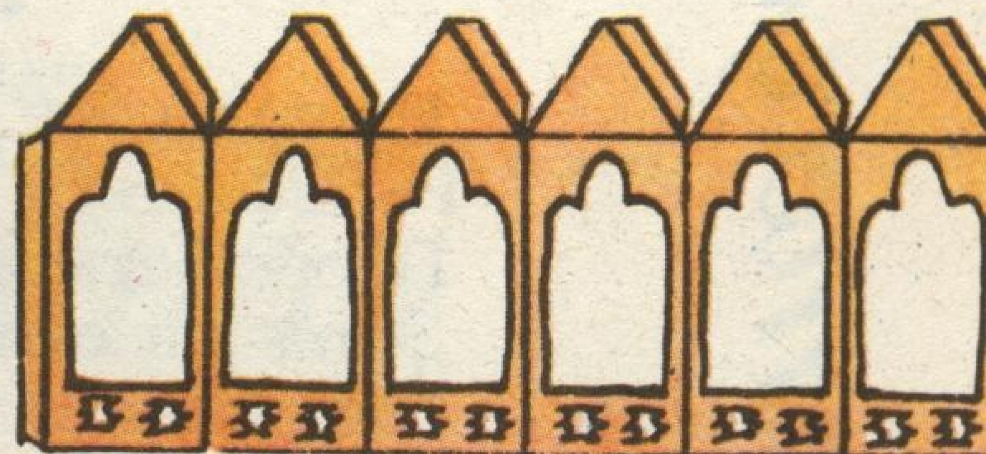

Фонарики выкраиваются из бумаги, раскрашиваются и склеиваются.

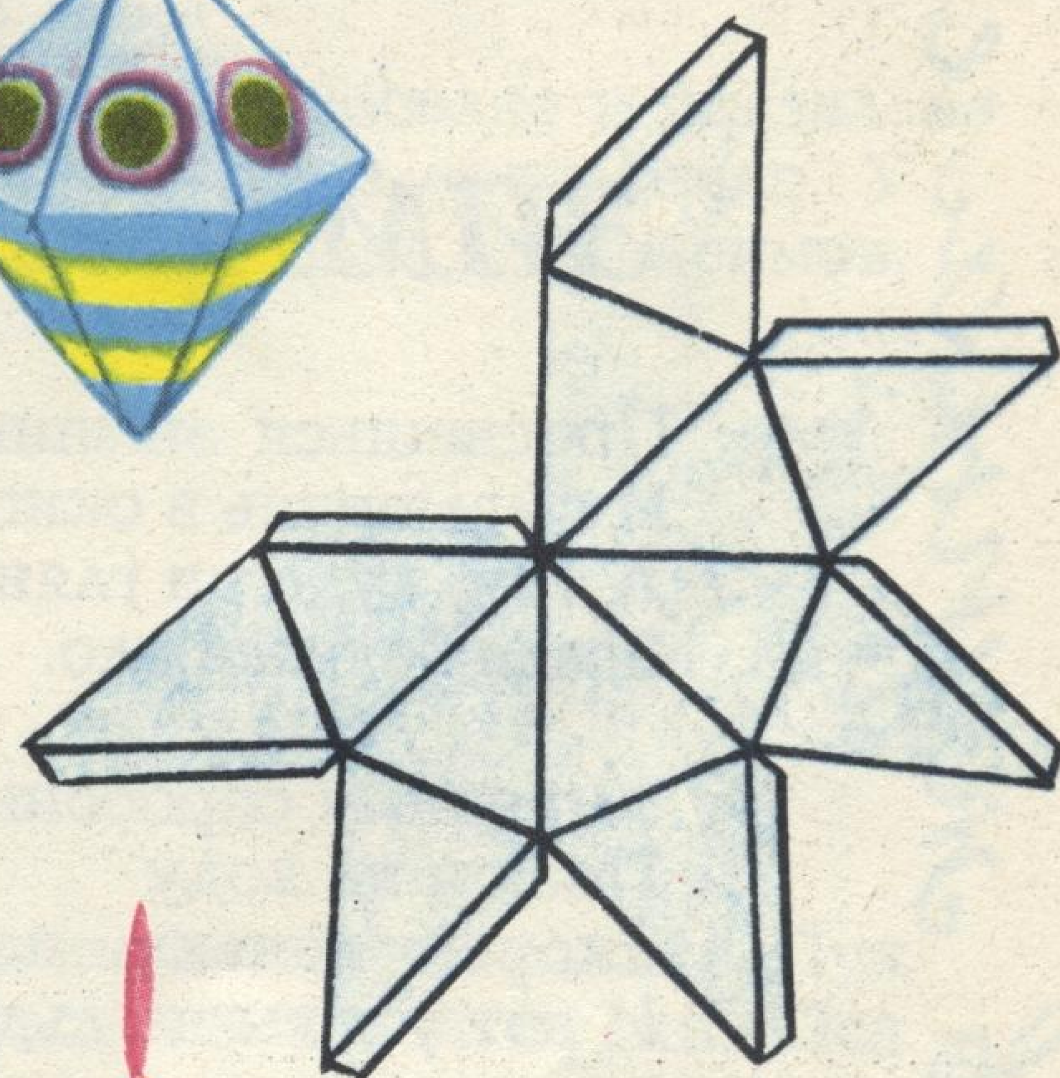

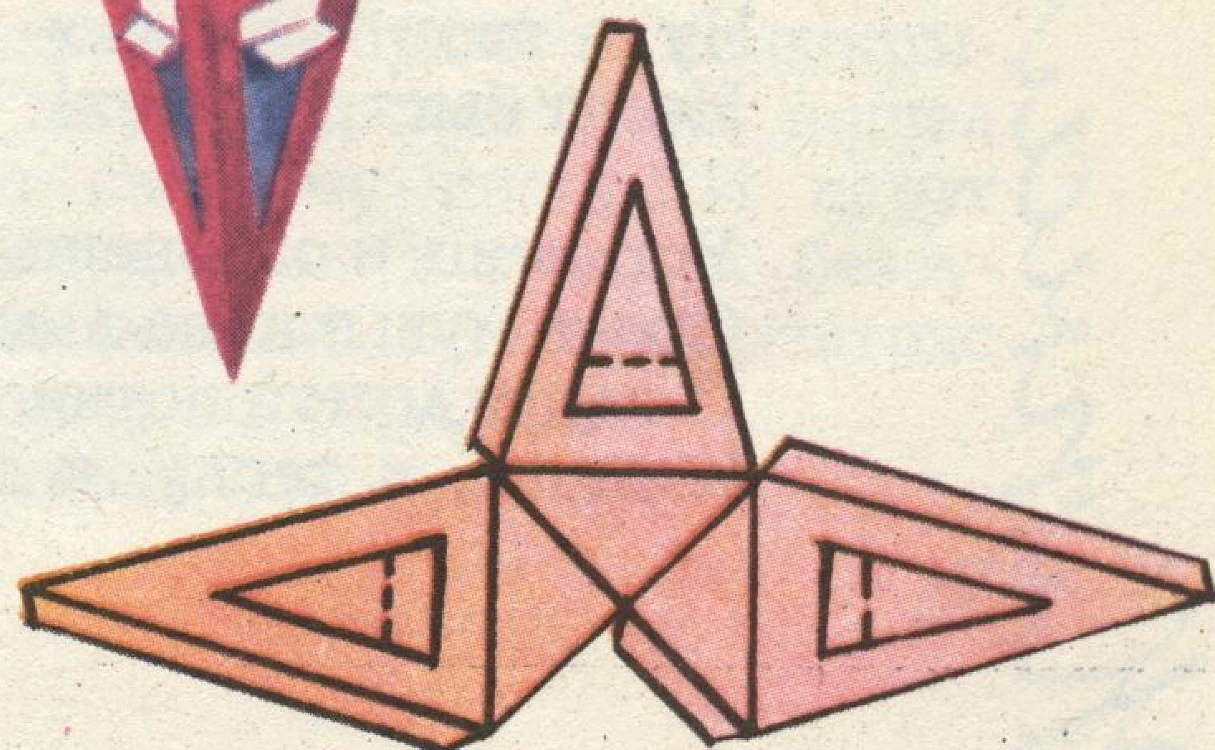

Можно сделать фонарики очень большими и надеть на лампочки.

Наташа ВАРЕНИК. Ей 13 лет, живет она в городе Белая Церковь.

«Дело в том, «Кораблик», что это мои любимые стихи. Я написала их, читая книгу Вальтера Скотта «Квентин Дорвард».

РЫЦАРЬ СВОБОДЫ

Среди долин зеленых в Шотландии-стране
В доспехах скачет рыцарь на взмыленном коне.
Вперед ведет дорога, далек и труден путь,
Скакал он очень долго, пора и отдохнуть.
А чем ему не ложе — зеленая трава?
Подушкой станет камень, была бы голова!
Сухую съест лепешку — и снова в путь, вперед.
Его к себе призывно свободы рог зовет.
Такому не заменит дворец долин простор,
И ни на что не сменит он эхо диких гор.
В одной свободе счастье.
Девиз его — «Вперед!»,
И рыцаря призывно свободы рог зовет.

Таня СИДАШ из г. Краматорска.

* * *

Иногда хочу я набуянить,
Расшалиться, закричать, наураганить.
Пробежаться по деревьям, крышам,
Эхом раскатиться, ветер, слышишь?
Натрясти из туч вихрастых снега,
Раззвенеться стоголосым смехом,
Солнечных лучей набрать пучок —
Пусть ладоням станет горячо!
Расплескаться пеной голубою,
А потом...
Вдруг стать самой собою.

*

Іра ГОЛОВКОВА учится в 7-м классе, живет очень далеко, в городе Находка.

ЗИМА

Проснешься зимним утром
И выглянешь в окно...
А там, куда ни глянешь,
Везде белым-бело.

Умоешься спросонья,
Поел и на ходу
Скорей коньки под мышку!
И вот уж ты на льду.

А на катке огромном
И музыка и смех.
Ну, а твои «канады»
Несут быстрее всех!

Устанешь и озябнешь
Средь музыки на льду.
И вдруг домой потянет,
К теплу, к теплу, к теплу!

*

Н. НЕСТЕРОВ из Мордовии.

* * *

Чудный день!
Он выдался зимою.
Белокрылый лег
в поля снежок.
Мы на елке!
Над моей страною
загорелся снова
огонек.
С этим днем
пришла пора каникул,
отдыхаем с зимним
торжеством.
Дед Мороз на празднике
окликнул:
«Поздравляю вас, ребята,
с новым днем!»

*

Лева КИСЕЛЕВ. Он живет в городе Лыскове, учится в 7-м классе.

ГОРОД

Батый повелел, чтобы гнев показать
И ужас на Русь навеять,
Разрушить Козельск!
И с землею сравнять!
То место, где был он, сохой запахать
И сорной травою засеять!

Исполнили волю владыки рабы
И город с землею сравняли.
Но «городом злым» за упорность борьбы
Козельск с той поры поминали.

Коля АФАНАСЬЕВ. Он живет в Москве, учится в 7-м классе.

КЛЕН

В клен попала молния. Она разбила его верхушку и выжгла сердцевину. Умер клен. Осыпались с него листья, и ветер унес их. Никогда больше не будут щебетать поутру птицы в его густой листве, никогда не вернется скворец в свой разбитый домик.

Выкопали клен и выбросили. А на его месте вырос какой-то колючий кустарник.

*

«ТРУБАЧ»,
Сережа СИНЕЛЬНИКОВ, 9 лет.

«ПЕРВЫЙ СНЕГ»,
Таня ПЕПЕЛЬ, 9 лет.

«ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ ЛЕБЕДЕЙ».
Майя КОРЯЖНОВА, 9 лет.

СОВПАДЕНИЕ

По сверкающей палубе парохода бегал малыш. В этот солнечный день всем было радостно, а особенно ему, и карапуз смеялся. Он влез на капитанский мостик, потому что твердо решил познакомиться с капитаном.

— Здравствуй, матрос. Как же тебя зовут? — спросил капитан.

— Андреем.

— Совпадение.— И капитан улыбнулся.— Я тоже Андрей.

Малыш засмеялся еще веселее и сказал:

— А я знаю еще лучшее совпадение. У меня мама — Максимова, папа — Максимов, и сам я тоже Максимов!

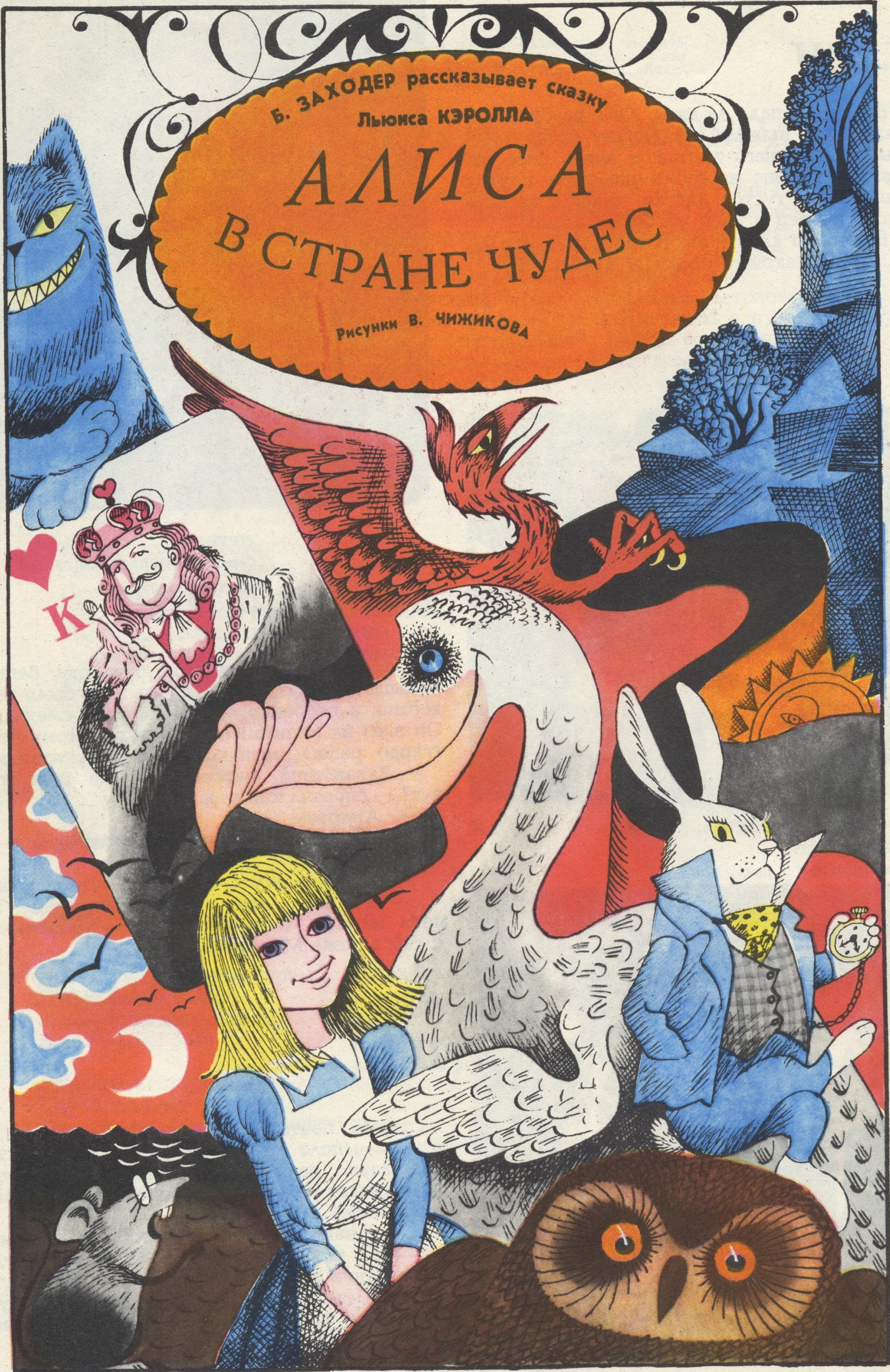
*

ПЕС

Старый, почти слепой пес по кличке Пух устало выполз на зов из своей будки. Пса уже давно не звали — он был дряхл, слеп, да и вообще уже давным-давно пережил свой собачий век.

По привычке вылез из будки и, не открывая глаз, встал на старческие ноги, пошел вперевалочку по свежему снегу. И вдруг раскрыл глаза, и удивленно тявкнул беззубым ртом, и, повалившись на спину, затряс лапами, словно чему-то обрадовался...

Это он почувствовал первый снег.

Б. ЗАХОДЕР рассказывает сказку
Льюиса КЭРОЛЛА
АЛИСА
В СТРАНЕ ЧУДЕС
Рисунки В. ЧИЖИКОВА
К

Есть книги, которые не стареют. Им суждена долгая-предолгая жизнь. Их читают на всех языках дети всех стран. К таким книгам относится и английская сказка Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес». На твоих глазах (и в который раз) начинает она новую жизнь. Ее пересказал для тебя писатель Борис Заходер.

Сергей МИХАЛКОВ

ГЛАВА НИКАКАЯ, из которой, тем не менее, можно кое-что узнать

Больше всего на свете я ненавижу обман и люблю честность и потому сразу честно признаюсь, что я вас (совсем немножко) обманул: на самом деле это не НИКАКАЯ ГЛАВА, а НИКАКАЯ НЕ ГЛАВА — это просто-напросто... Думаете, так я вам и скажу? Нет, погодите! Вот дочитаете до конца — тогда узнаете.

А не прочтете — ну что же, тогда почти наверняка не сумеете правильно прочесть и всю сказку. Да, да!

Дело в том, что хотя перед вами — сказка, но сказка эта очень непростая.

Начнем с начала, как советует Червонный Король (вам предстоит скоро с ним встретиться), и даже немножко раньше: с названия.

«Приключения Алисы в Стране Чудес...»

Будь моя воля, я бы ни за что не назвал так эту книжку. Такое название, по-моему, только сбивает с толку. В самом деле, разве по названию догадаешься, что речь пойдет о маленькой — хотя и очень умной! — девочке? Что приключения будут совсем не такие, как обычно: не будет ни шпионов, ни индейцев, ни пиратов, ни сражений, ни землетрясений, ни кораблекрушений, ни даже охоты на крупную дичь?

Да и «Страна Чудес» — тоже не совсем те слова, какие хотелось бы написать в названии этой книжки.

Нет, будь моя воля, я бы назвал книжку, например, так: «Алиска в Вообразилии» или «...в Удивляндии», а то и «... в Чепухании». Ну, уж в крайнем случае «Алиска в Расчудесии».

Так вам было бы сразу ясно, что Алиса — на самом деле маленькая (хотя и очень умная) девочка и в какую страну она попала.

Но стоило мне заикнуться об этом своем желании, как все начинали на меня страшно кричать, чтобы я не смел.

И я не посмел!

Все горе в том, что книжка эта была написана в Англии сто лет назад и за это время успела так прославиться, что и у нас все — хотя бы понаслышке — знают, что Алиса — это Алиса, и привыкли к скучному названию «Приключения Алисы в Стране Чудес». Это называется литературной традицией, и спорить с ней совершенно невозможно. Хотя название «Алиска в Расчудесии» гораздо больше похоже на настоящее название этой сказки, но если бы я ее так назвал, люди подумали бы, что это совершенно другая книжка, а не та, знаменитая.

А знаменита эта «Алиса» действительно сверх всякой меры. В особенности в тех странах, где говорят по-английски.

И самое интересное, что, хотя это сказка для детей, пожалуй, больше детей любят ее взрослые, а больше всех — самые взрослые из взрослых — ученые.

Да, это очень и очень непростая сказка!

Мало того. Написаны целые горы книг, в которых эту сказку на все лады объясняют и растолковывают. А когда так много и долго объясняют, это значит, по-моему, люди сами не все поняли.

Так что и вы не очень огорчайтесь, если тоже не сразу все поймете. Ведь всегда можно перечитать ее еще разок, правда?

По правде говоря, для того, чтобы правильно прочитать, то есть понять эту сказку, нужны только две вещи.

Нужно — и это совершенно обязательно — иметь чувство юмора, потому что это одна из самых веселых книг на свете.

Тут я за вас совершенно спокоен: уверен, что смеяться вы умеете и любите!

И нужно еще — и это тоже совершенно обязательно! — КОЕ-ЧТО знать.

Потому что, если знаний не хватает, увы, самое большое чувство юмора вас не спасет.

Вот маленький пример.

Есть у меня один знакомый, приблизительно двух лет от роду, у которого о г р о м н о е чувство юмора — он может захохотать, когда никому другому и в голову не придет улыбнуться. Любимая его шутка (он сам ее придумал) такая:

— Андрюшенька, как говорит курочка?

— Му! Му! Му!

И Андрюшенька заливается смехом.

Но если вы ему скажете, что динозавр говорит: «Ах, батюшки мои!» — Андрюшенька и не улыбнется. А все дело в том, что он очень плохо знаком с повадками динозавров.

Так вот, чтобы читать эту книжку по-настоящему — а читать ее по-настоящему — это значит читать и смеяться! — надо знать многое множество самых разных разностей.

Надо знать, кто такие АНТИПОДЫ и что

такое ПАРАЛЛЕЛИ и МЕРИДИАНЫ, надо знать, КОГДА ЧТО СЛУЧИЛОСЬ (например, когда Вильгельм Завоеватель завоевал Англию), и что такое ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ, и из чего НЕ делается ГОРЧИЦА, кто такие ПРИСЯЖНЫЕ и чем они отличаются от ПРИСТЯЖНЫХ, и как правильно играть в КРОКЕТ, и что такое КАЛЬЯН, и какого рода ВРЕМЯ, и носят ли лягушки ПАРИКИ и... И так далее и тому подобное.

Кстати, я не случайно упомянул динозавров — ведь они ископаемые, а всевозможные ископаемые тут встречаются нередко: например, Короли, Герцогини, Лакеи и даже вымершая птица Додо, она же ископаемый Дронт.

(Вы ведь не забыли, что книжка была написана целых сто лет назад!).

Конечно, знать ВСЕ эти вещи, по-моему, никто не может, даже Малый Энциклопедический Словарь.

Поэтому, если вам что-нибудь покажется непонятным (а главное, несмешным), не стесняйтесь спрашивать у старших. Вдруг они это знают?!

А мы с художником изо всех сил тоже постарались вам помочь: советую внимательно рассматривать картинки и очень внимательно читать подписи к ним.

Я надеюсь (очень надеюсь!), что вам уже захотелось узнать, как появилась на свет такая необыкновенная сказка и кто ее сочинил.

Конечно, сочинить такую сказку мог только необыкновенный человек. Да и то неизвестно, сочинил бы он ее или нет, если бы... Если бы не одна маленькая девочка, которую звали тоже Алисой.

Да, именно эта Алиса — полностью ее звали Алиса Плезэнс Лиддел — потребовала во время лодочной прогулки от своего знакомого мистера Доджсона, чтобы он рассказал ей и ее сестрам интересную сказку. И чтобы в этой сказке было побольше веселой чепухи. И видно, Алиса была такая девочка, которой было очень трудно отказать. Хотя мистер Доджсон был профессором математики в Оксфорде и хотя он в этот день уже сильно устал, он начал рассказывать сказку о приключениях другой девочки (которую тоже почему-то звали Алисой!).

Надо отдать должное этой маленькой Алисе (я имею в виду живую Алису): она хорошо знала, кого попросить рассказать сказку.

Взрослые, особенно те, которые всегда ничего не понимают, считали мистера Доджсона скучным человеком, сухим математиком, и, увы, даже студенты не особенно любили его лекции.

Но маленькая Алиса, как и все те дети в Англии, которым посчастливилось встретиться с мистером Доджсоном, прекрасно знала, что он вовсе не такой и все это неправда.

Разве можно было считать скучным человека, который умел сделать из носового платка мышь, и эта мышь бегала как живая; человека, который мог научить, как сделать из бумаги пистолет, и пистолет этот стрелял не хуже настоящего.

Разве можно было считать скучным такого необыкновенного выдумщика!

Он выдумывал не только сказки — он выдумывал загадки, головоломки, игрушки, игры, да еще какие!

Особенно он любил и умел играть... словами! Самые серьезные, самые трудные и самые скучные слова по его приказу кувыркались, и показывали фокусы, и превращались одно в другое, и, понятное дело, очень веселили всех окружающих. (Именно он придумал веселую игру, которая называется «Цепочка» или «Как сделать из мухи слона», ну, например: превратить «НОЧЬ» в «ДЕНЬ» или «МОРЕ» в «ГОРУ». Море — горе — гора. И все. В эту игру играют и до сих пор. ТОЛЬКО НЕ НА УРОКАХ!)

И еще он умел переделывать старые надоевшие стишки так, что они становились ужасно смешными. Это называется, как вы знаете, ПАРОДИЯМИ.

И даже собственное имя — Чарльз Людвидж — он переделывал до тех пор, пока оно не превратилось в то самое имя — Льюис Кэрролл, которое значится на обложке сказки об Алисе и какого раньше не было ни у кого на свете!

И все это — выдумки, игры, загадки, головоломки, пародии и фокусы, — все это есть в его сказке про девочку Алису.

Осталось добавить совсем немножко: как получилась русская книжка, которую вы читаете, и при чем тут я.

Как вы, наверное, догадались, книжка об Алисе — одна из самых моих любимых книг. Я читал и перечитывал ее не раз и не два — целых двадцать пять лет. (Читал я ее по-английски; скажу по секрету, что ради нее-то я и выучил английский язык.) И чем больше я ее перечитывал, тем больше она мне нравилась, но чем больше она мне нравилась, тем больше я убеждался в том, что перевести ее на русский язык совершенно невозможно. А когда я читал ее порусски (в переводах, их немало — от них-то и пошло название «Алиса в Стране Чудес»), тогда я убеждался в этом еще больше.

Не то, чтобы уж никак нельзя было заставить русские слова играть в те же игры и показывать те же фокусы, какие проделывали

английские слова под волшебным пером Кэрролла. Нет, фокусы с грехом пополам еще получались, но что-то — может быть, самое главное? — пропадало, и веселая, умная, интересная, озорная, расчудесная сказка становилась малопонятной и, страшно сказать... скучной.

И казалось, никакого выхода нет и быть не может. Когда друзья говорили мне:

— Пора бы тебе перевести «Алису»! Неужели тебе этого не хочется?

— Очень хочется, — отвечал я, — только я успел убедиться в том, что, пожалуй, легче будет перевезти сюда Англию!

Да, я был уверен, что все знаю про «Алису», и уже подумывал, не засесть ли мне за солидный ученый труд под названием «К вопросу о причинах непереводимости на русский язык сказки Льюиса Кэрролла...», как вдруг...

Как вдруг в один прекрасный день я прочитал письмо Льюиса Кэрролла театральному режиссеру, который решил поставить сказку про Алису на сцене.

Там говорилось:

«...Какой же я видел тебя, Алиса, в своем воображении? Какая ты? Любящая — это прежде всего; любящая и нежная; любящая, как собака (простите мне прозаическое сравнение, но я не знаю на земле любви чище и совершенней), и нежная, как лань; и еще — учтивая, вежливая и приветливая со всеми, с великими и малыми, с могучими и смешными, с Королями и Червяками, словно ты сама — королевская дочь в платье, шитом золотом. И еще — доверчивая, готовая поверить в самую невозможную небыль и принять ее с безграничным доверием мечтательницы; и, наконец, — любопытная, отчаянно любопытная, с тем радостным приятием жизни, какое дается лишь в детстве, когда мир нов и прекрасен и когда горе и грех всего лишь слова, пустые звуки, не означающие ничего!»

И не знаю, почему, когда я прочитал эти строки, мне так захотелось, чтобы и вы познакомились с этой прелестной девочкой и получили ту же радость, какую встреча с ней доставила тысячам и тысячам детей — да и мне самому! — что я вдруг махнул рукой на свой «научный труд» и на все свои умные рассуждения и решил попробовать — только попробовать! — рассказать «Алису» по-русски.

И вскоре я понял, что самое главное в «Алисе» не фокусы, не загадки, не головоломки, не игра слов и даже не блистательная игра ума, а... сама Алиса. Да, маленькая Алиса, которую автор так любит (хоть порой и посмеивается над ней). И эта великая любовь превращает фокусы в чудеса, а его самого — в волшебника. Потому что только настоящий волшебник может подарить девочке и сказке такую долгую-долгую — на века! — жизнь.

Словом, оказалось, что, хотя я и читал эту книгу так много лет, все-таки по-настоящему ее не понимал!

Вышло точь-в-точь как с одной маленькой девочкой, которая говорила:

— Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу, тогда узнаю!

Так и я: когда кончил рассказывать «Алису» и получилась та книжка, которая сейчас лежит перед вами, я и узнал, что я про нее по-настоящему думаю.

А теперь остается узнать самое главное: что обо всем этом подумаете вы?

И чтобы это случилось поскорее, я поскорее заканчиваю эту ГЛАВУ (вы, конечно, догадались, что это просто-напросто ПРЕДИСЛОВИЕ!). Свое обещание я выполнил, правда? КОЕ-ЧТО вы узнали.

И мне особенно приятно, что в конце не надо писать слово «Конец». Потому что ведь это только начало — начало книжки о приключениях девочки Алисы в Расчудесии.

● ●

ГЛАВА I, в которой Алиса чуть не провалилась сквозь землю

Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелегкое; раз-другой она, правда, сунула нос в книгу, которую читала сестра, но там не оказалось ни картинок, ни разговоров. «Кому нужны книжки без картинок... или хоть разговоров — не понимаю!» — думала Алиса.

С горя она начала подумывать (правда, сейчас это тоже было дело не из легких: от жары ее совсем разморило), что, конечно, неплохо бы сплести венок из маргариток, но плохо то, что тогда нужно подниматься и идти собирать эти маргаритки, как вдруг...

Как вдруг совсем рядом появился Белый Кролик с красными глазками!

Тут, разумеется, еще не было ничего такого необыкновенного; Алиса не так уж удивилась, даже когда услыхала, что́ Кролик сказал (а сказал он: «Ай-ай-ай! Я опаздываю!»); кстати, потом, вспоминая обо всем этом, она решила, что все-таки немножко удивиться стоило, но сейчас ей казалось, что все идет как надо.

Но когда Кролик достал из жилетного кармана (да,да, именно!) ЧАСЫ (настоящие!) и, едва взглянув на них, опрометью кинулся бежать, тут Алиса так и подскочила!

Еще бы! Ведь это был первый кролик в жилетке и при часах, какого она встретила за всю свою жизнь!

Умирая от любопытства, она со всех ног помчалась вдогонку за Кроликом и, честное слово, чуть-чуть его не догнала!

Во всяком случае, она поспела как раз вовремя, чтобы заметить, как Белый Кролик скрылся в большой норе под колючей изгородью. В ту же секунду Алиса, не раздумывая, ринулась за ним. А подумать ей не мешало бы. Ну, хотя бы о том, как она выберется обратно!

Нора сперва шла ровно, как тоннель, а потом сразу обрывалась — так круто и неожиданно, что Алиса ахнуть не успела, как полетела — полетела вниз, в какой-то очень, очень глубокий колодец. То ли колодец был действительно уж очень глубокий, то ли летела Алиса уж очень не спеша, но только вскоре выяснилось, что теперь

Это был первый кролик в жилетке и при часах, какого Алиса встретила за всю жизнь.

у нее времени вволю — и для того, чтобы осмотреться кругом, и для того, чтобы подумать, что ее ждет впереди.

Первым делом она, понятно, поглядела вниз и попыталась разобрать, куда она летит, но там было слишком темно; тогда она стала рассматривать стены колодца и заметила, что вместо стен шли сплошь шкафы и шкафчики, полочки и полки; кое-где были развешаны картинки и географические карты. С одной из полок Алиса сумела на лету снять банку, на которой красовалась этикетка «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ». Банка, увы, была пуста, но хотя Алиса и была сильно разочарована, она, опасаясь ушибить кого-нибудь, не бросила ее, а ухитрилась опять поставить банку на какую-то полку.

— Да, — сказала себе Алиса, — вот это полетела так полетела! Уж теперь я не заплачу, если полечу с лестницы! Дома скажут: вот молодчина! Может, даже с крыши слечу и то не пикну!

(Боюсь, что тут она была чересчур права!)

А она все летела: вниз, и вниз, и вниз! Неужели это никогда не кончится?

— Интересно, сколько я пролетела? — громко сказала Алиса. — Наверно, я уже где-нибудь около центра земли! Ну да: как раз тысяч шесть километров или что-то в этом роде...

(Дело в том, что Алиса уже обучалась разным наукам и как раз недавно проходила ч т о - т о в э т о м р о д е; хотя сейчас был не самый лучший случай блеснуть своими познаниями: к сожалению, никто ее не слушал, — она всегда была не прочь попрактиковаться.)

— Ну да, расстояние я определила правильно, — продолжала она. — Вот только интересно: на каких же я тогда параллелях и меридианах?

(Как видите, Алиса понятия не имела о том, что такое параллели и меридианы, ей просто нравилось произносить такие красивые, длинные слова.)

Немного отдохнув, она снова начала:

— А вдруг я буду так лететь, лететь и пролечу всю Землю насквозь? Вот было бы здорово! Вылезу и вдруг окажусь среди этих... которые ходят на головах, вверх ногами! Как они называются? Анти... Антипятки, что ли?

(На этот раз Алиса в душе обрадовалась, что ее никто не слышит: она сама почувствовала, что слово какое-то не совсем такое.)

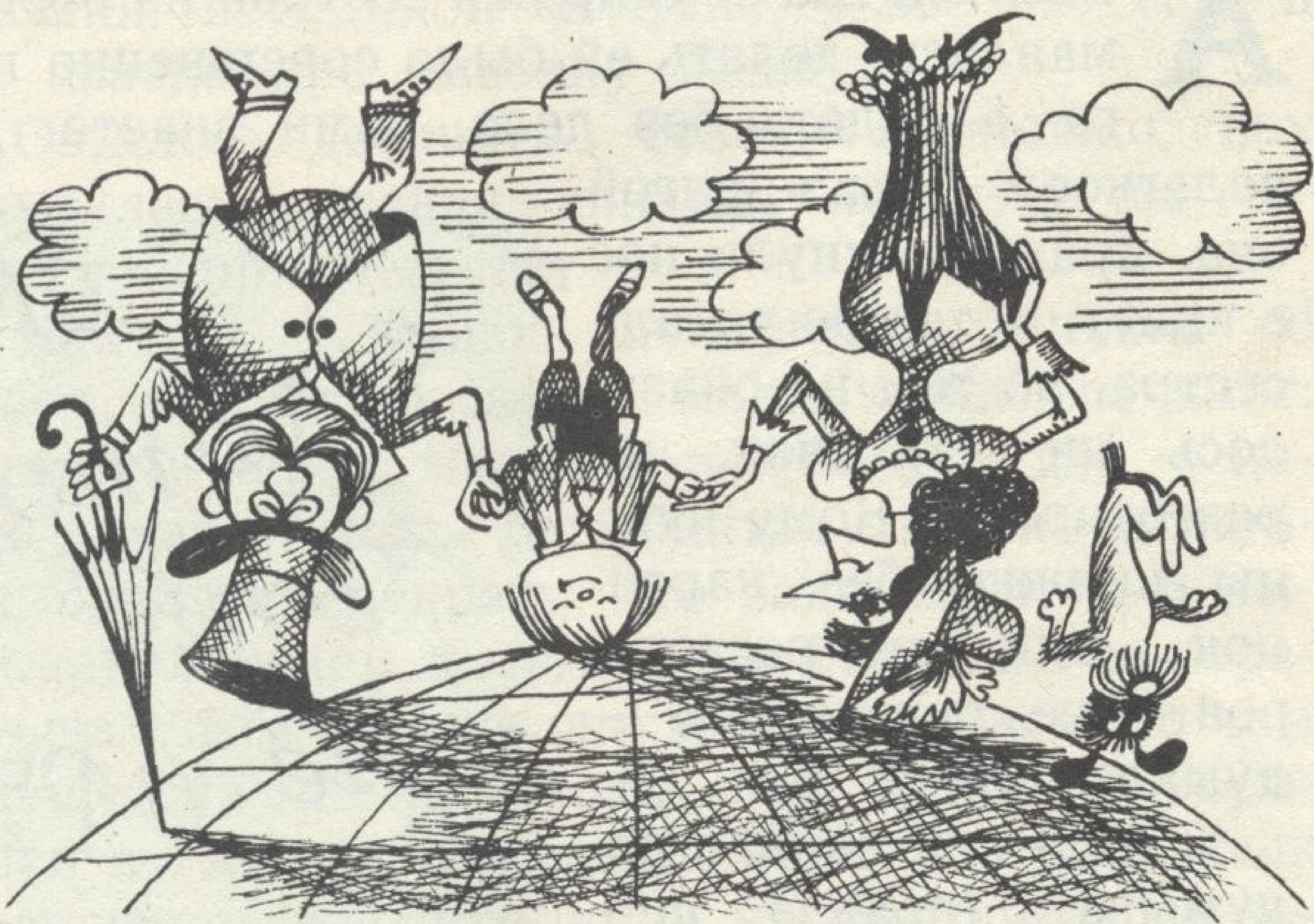
— Только мне, пожалуй, там придется спрашивать у прохожих, куда я попала. «Извините, тетя, это Австралия или Новая Зеландия?»

(Вдобавок Алиса попыталась еще вежливо присесть! Представляете? Книксен в воздухе! Вы бы смогли, как вы думаете?)

— Но эта тетя тогда подумает, что я дурочка, совсем ничего не знаю! Нет уж, лучше не буду спрашивать. Я и сама где-нибудь прочитаю, какая это страна.

И дальше — вниз, вниз и вниз!

Так как никакого другого занятия у нее не

Мы-то с вами, конечно, прекрасно знаем, что тех, кто живет на другой стороне земного шара, называют (во всяком случае в старину называли) антиподами

было, Алиса вскоре опять заговорила сама с собой:

— Динка будет сегодня вечером ужасно обо мне скучать! (Диной звали ее кошку.) Хоть бы они не забыли дать ей молочка вовремя!.. Милая моя Диночка, хорошо бы ты была сейчас со мной! Мышек тут, правда, наверное, нет, но ты бы ловила летучих мышей, а это почти то же самое, верно? Только вот я не знаю, кушают кошки летучих мышек или нет?

И тут Алиса совсем задремала и только повторяла сквозь сон:

— Скушает кошка летучую мышку? Скушает кошка летучую мышку?

А иногда у нее получалось:

— Скушает мышка летучая кошку? — Или даже так: — Скушает мышка летучую кошку?

Не все ли равно, о чем спрашивать, если ответа все равно не получишь, правда?

А потом она заснула по-настоящему, и ей уже стало сниться, что она гуляет с Динкой под ручку и ни с того ни с сего строго говорит ей: «Ну-ка, Дина, признавайся, ты хоть раз ела летучих мышей?»

Как вдруг — трах! бах! — она шлепнулась на кучу хвороста и сухих листьев. На чем полет и закончился.

Алиса ни капельки не ушиблась; она моментально вскочила на ноги и осмотрелась: первым делом она взглянула наверх, но там было совершенно темно; зато впереди снова оказалось нечто вроде тоннеля, и где-то там вдали мелькнула фигура Белого Кролика, который улепетывал во весь дух.

Не теряя времени, Алиса бросилась в погоню. Опять казалось, что она вот-вот догонит его, и опять она успела услышать, как Кролик, сворачивая за угол, вздыхает:

— Ах вы, ушки-усики мои! Как я опаздываю! Боже мой!

Но увы, за поворотом Белый Кролик бесследно исчез, а сама Алиса очутилась в очень странном месте. Это было низкое, длинное подземелье; своды его слабо освещались рядами висячих ламп. Правда, по всей длине стен шли двери, но, к большому сожалению, все они оказались заперты. Алиса довольно скоро удостоверилась в этом, дважды обойдя все подземелье и по нескольку раз подергав каждую дверь. Она уныло расхаживала взад и вперед, пытаясь придумать, как ей отсюда выбраться, как вдруг наткнулась на маленький стеклянный столик, на котором лежал крохотный золотой ключик.

Алиса очень обрадовалась: она подумала, что это ключ от какой-нибудь из дверей. Но увы! Может быть, замки были слишком большие, а может быть, ключик был слишком маленький, только он никак не хотел открывать ни одной двери. Она добросовестно проверяла одну дверь за другой, и тут-то она впервые заметила штору, спускавшуюся до самого пола, а за ней...

За ней была маленькая дверца — сантиметров тридцать высотой. Алиса вставила золотой ключик в замочную скважину — и, о радость! — он как раз подошел.

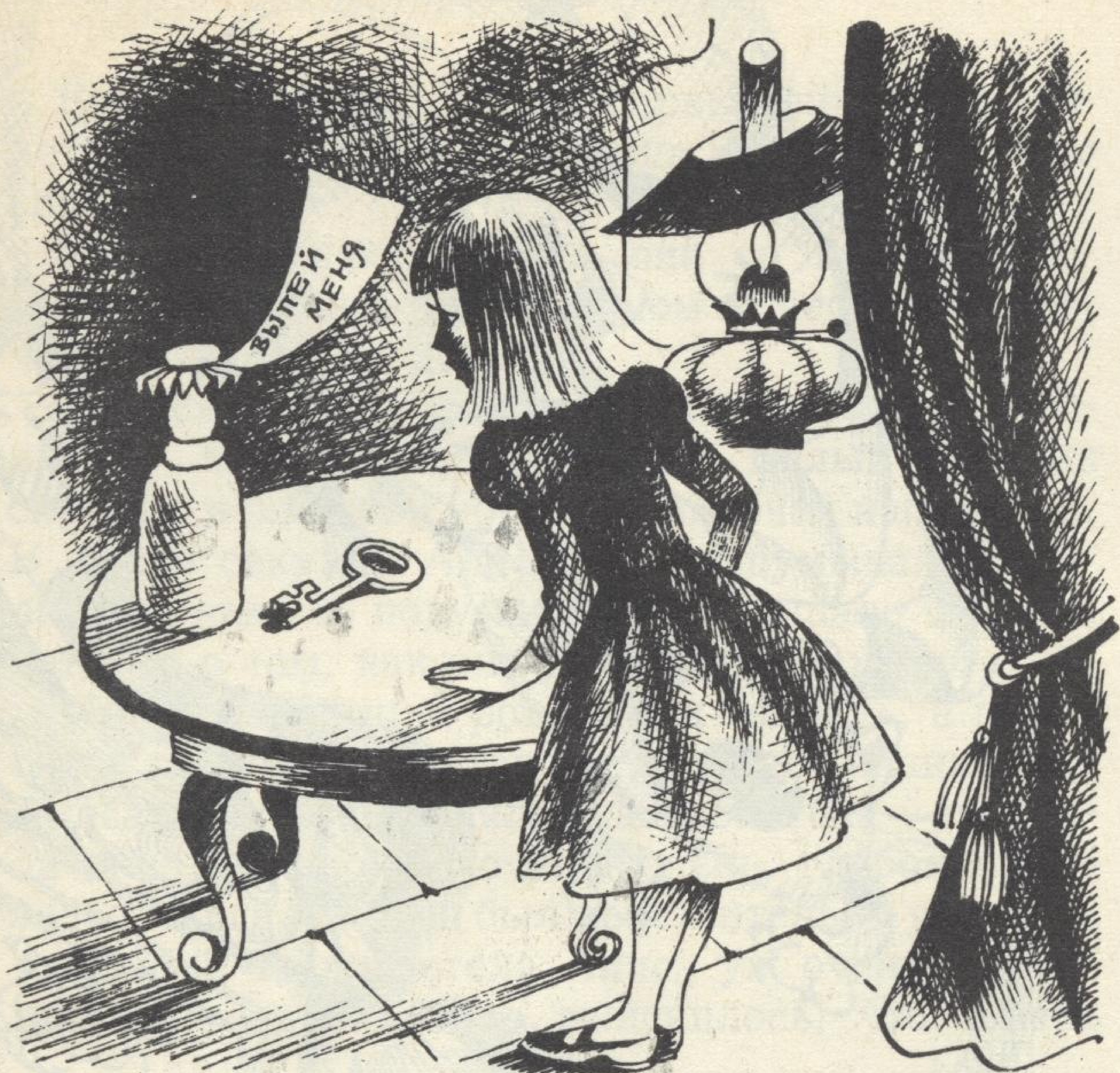

А она все летела — вниз, вниз и вниз! Неужели это никогда не кончится?

Алиса отворила дверцу: там был вход в узенький коридор, чуть пошире крысиного лаза. Она встала на коленки, заглянула в отверстие и ахнула: коридор выходил в такой чудесный садик, каких вы, может быть, и не видали.

Представляете, как ей захотелось выбраться из этого мрачного подземелья на волю, погулять среди прохладных фонтанов и клумб с яркими цветами?! Но в узкий лаз не прошла бы даже одна Алисина голова. «А если бы и прошла, — подумала бедняжка, — тоже хорошего мало: голова должна быть на плечах! Почему я такая большая и нескладная! Вот если бы я умела вся складываться, как подзорная труба или, еще лучше, как веер, тогда бы другое дело! Научил бы меня кто-нибудь — я бы сейчас сложилась, и все в порядке!»

(Будь вы на месте Алисы, вы бы, пожалуй, тоже решили, что ничего невозможного уже нет!)

— Нет,— сказала Алиса,— я сначала посмотрю, написано тут «Яд!» или нет.

Так или иначе, сидеть перед заветной дверцей было совершенно бесполезно, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно надеясь, что, может быть, там все-таки найдется другой ключ или, на худой конец, книжка «УЧИСЬ СКЛАДЫВАТЬСЯ!». Ни того, ни другого она, правда, не нашла, зато обнаружила хорошенький пузырек («Ручаюсь, что раньше его тут не было»,— подумала Алиса), к горлышку которого был привязан бумажный ярлык (как на бутылочке с лекарством), а на нем большими буквами было четко напечатано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Конечно, выглядело это очень заманчиво, но Алиса была умная девочка и не спешила откликнуться на любезное приглашение.

— Нет,— сказала она,— я сначала посмотрю, написано тут «Яд!» или нет.

Она недаром перечитала множество поучительных рассказов про детей, с которыми случались разные неприятности: бедные крошки и погибали в пламени и доставались на съедение диким зверям, и все только потому, что они забывали (или не хотели помнить!) советы старших. А кажется, так просто запомнить, что, например, раскаленной докрасна кочергой можно обжечься, если будешь держать ее в руках слишком долго; что, если очень глубоко порезать палец ножом, из этого пальца, как правило, пойдет кровь, и так далее и тому подобное.

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано «Яд!», то почти наверняка тебе непоздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Однако на этой бутылочке не было ни черепа, ни костей, ни надписи «Яд!», и Алиса рискнула попробовать ее содержимое. А так как оно оказалось необыкновенно вкусным (на вкус точь-в-точь смесь вишневого пирога, омлета, ананаса, жареной индюшки, тянучки и горячих гренков с маслом), она сама не заметила, как пузырек опустел.

*

— Ой, что же это со мной делается! — сказала Алиса.— Я, наверно, и правда складываюсь, как подзорная труба!

Спорить с этим было трудно: к этому времени в ней осталось всего лишь четверть метра. Алиса так и сияла от радости, уверенная, что она теперь свободно может выйти в чудесный сад.

Но все-таки она решила на всякий случай немного подождать и убедиться, что она уже перестала уменьшаться в росте.

«А то вдруг я буду делаться все меньше, меньше, как свечка, а потом совсем исчезну! — не без тревоги подумала она.— Вот бы поглядеть, на что я буду тогда похожа».

И она попыталась вообразить, на что похоже пламя свечи, когда свеча погасла, но это ей не удалось — к счастью, ей этого никогда не приходилось видеть.

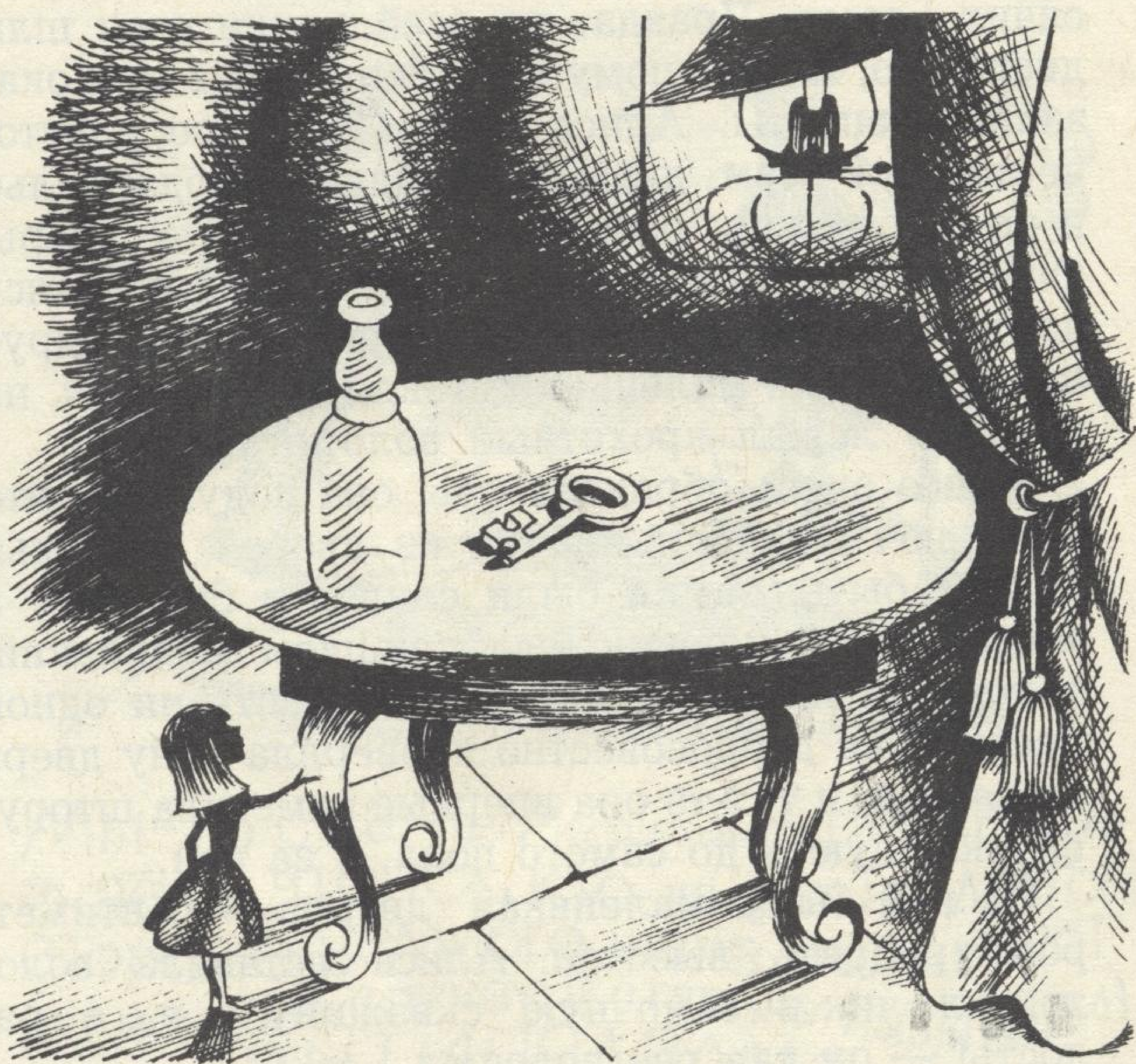
Подождав немного и убедившись, что все остается по-прежнему, Алиса побежала было в сад; но — такая незадача! — у самого выхода она вспомнила, что оставила золотой ключик на столе, а подбежав опять к столику, обнаружила, что теперь ей никак до ключа не дотянуться.

И, главное, его было так хорошо видно сквозь стекло!

Она попробовала влезть на стол по ножке, но ножки были тоже стеклянные и ужасно скользкие, и как Алиса ни старалась, она вновь и вновь съезжала на пол и, наконец, настаравшись и насъезжавшись до изнеможения, бедняжка села прямо на пол и заплакала.

— Ну, вот еще чего не хватало! — сказала Алиса себе довольно строго.— Слезами горю не поможешь! Советую тебе, перестань сию минуту!

Алиса вообще всегда давала себе превосходные советы (хотя слушалась их далеко-далеко не всегда); иногда она закатывала себе такие выговоры, что еле могла удержаться от слез; а

как-то раз она, помнится, даже попробовала выдрать себя за уши за то, что сжульничала, играя сама с собой в крокет. Эта выдумщица ужасно любила понарошку быть двумя разными людьми сразу!

«А сейчас это не поможет, — подумала бедная Алиса, — да и не получится! Из меня теперь и одной приличной девочки не выйдет!»

Тут она заметила, что под столом лежит ларчик, тоже стеклянный. Алиса открыла его — и там оказался пирожок, на котором изюминками была выложена красивая надпись: «СЪЕШЬ МЕНЯ».

— Ну и ладно, съем, — сказала Алиса. — Если я от него стану побольше, я смогу достать ключ, а если стану еще меньше, пролезу под дверь. Будь что будет, в сад я все равно заберусь!

— Больше или меньше? Больше или меньше? — озабоченно повторяла она, откусив кусочек пирожка, и даже положила себе руку на макушку, чтобы следить за своими превращениями.

Как же она удивилась, когда оказалось, что ее размеры не изменились.

Вообще-то обычно так и бывает с теми, кто ест пирожки, но Алиса так уже привыкла ждать одних только сюрпризов и чудес, что она даже немножко расстроилась, почему это вдруг опять все пошло, как обычно!

С горя она принялась за пирожок и довольно скоро покончила с ним.

ГЛАВА II, в которой Алиса купается в слезах

— Ой, все чудесится и чудесится! — закричала Алиса. (Она была в таком изумлении, что ей уже не хватало обыкновенных слов, и она начала придумывать свои.) — Теперь из меня получается не то что подзорная труба, а телескоп! Прощайте, пяточки!

(Это она взглянула на свои ноги, а они были уже где-то далеко, далеко внизу, того и гляди совсем пропадут.)

— Бедные вы, мои ножки, кто же теперь будет надевать на вас чулочки и туфли! Я-то уж сама никак не сумею обуваться! Ну это как раз неплохо! С глаз долой — из сердца вон! Раз вы так далеко ушли — заботьтесь о себе сами! Нет, — перебила она себя, — не надо с ними ссориться, а то они еще не станут меня слушаться! Я вас все равно буду любить, — крикнула она, — а на елку буду вам всегда дарить новые ботиночки!

Тут она задумалась над тем, как же это устроить.

«Наверное, придется посылать по почте, — думала она. — Вот там все удивятся! Человек отправляет посылку собственным ногам! Да еще по какому адресу:

АЛИСИН ДОМ
УЛ. КОВРОВАЯ ДОРОЖКА (С ДОСТАВКОЙ НА ПОЛ) ГОСПОЖЕ ПРАВОЙ НОГЕ В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ»

— Господи, какую я чепуху болтаю! — воскликнула Алиса, и тут она здорово стукнулась головой о потолок: ведь, что ни говори, в ней стало уже три с лишним метра росту!

Тут она сразу вспомнила про золотой ключик, схватила его и помчалась к выходу в сад.

Бедная Алиса! Даже когда она легла на пол — и то она еле-еле смогла поглядеть на садик одним глазком! И это было все, на что она могла теперь надеяться. О том, чтобы выйти в сад, нечего было и мечтать.

Конечно, тут не оставалось ничего другого, как сесть и зареветь в три ручья!

— Как тебе не стыдно так реветь! — сказала она спустя некоторое время. — Такая большая девица! (Что правда, то правда!) Перестань сию минуту, говорят тебе!

Но слезы и не думали униматься: они лились и лились целыми потоками, и скоро Алиса оказалась в центре солидной лужи. Лужа была глубиной ей по щиколотку и залила чуть ли не половину подземелья. А она еще не успела хорошенько выплакаться.

Но вдруг откуда-то издалека послышался быстрый топоток; Алиса поскорее утерла слезы: должна же она была посмотреть, что там происходит!

Это вновь явился не кто иной, как Белый Кролик. Разодетый в пух и прах, в одной лапке он вдобавок держал большущий веер, в другой — пару лайковых бальных перчаток. Он, видно, очень торопился и на ходу бормотал:

— Все бы ничего, но вот герцогиня, герцогиня! Она придет в ярость, если я опоздаю! Она именно туда и придет!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была просить помощи у кого угодно, так что, когда Кролик подбежал поближе, она робким голоском начала:

— Простите, пожалуйста...

Кролик подскочил как ужаленный, выронил перчатки и веер, отпрянул в сторону и тут же скрылся в темноте.

Веер и перчатки Алиса подобрала и, так как ей было очень жарко, принялась обмахиваться веером.

— Ой-ой-ой! — вздохнула она. — Ну что же это сегодня за день такой? Все кувырком! А

— А что, а что, если... если вдруг это я сама сегодня стала не такая?

вчера все было, как всегда. А что, а что, если... если вдруг это я сама сегодня стала не такая? Вот это да! Вдруг правда я ночью в кого-нибудь превратилась? Погодите, погодите: утром, когда я встала, я была еще я или не я? Ой, по-моему, мне как будто было не по себе! Но если я стала не я, то тогда самое интересное: кто же я теперь такая? Ой-ой-ой! Вот это называется головоломка!

И Алиса тут же принялась ее решать. Она сразу подумала о своих подружках. А вдруг она превратилась в кого-нибудь из них?

— Конечно, жалко, но я не Ада,— вздохнула она.— У нее такие чудные локоны, а у меня волосы совсем не вьются... Но уж я, конечно, и не Мэгги! Я-то столько много всего знаю, а она, бедняжка, такая глупенькая! Да и вообще она — это она, а я — это наоборот, я, значит, ой, у меня, наверное, скоро правда голова сломается! Лучше проверю-ка я, все я знаю, что знаю, или не все. Ну-ка: четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь — ой, мамочка, я так никогда до двадцати не дойду! Ну ладно, значит, таблица умножения не считается! Лучше возьмем географию: Лондон — это столица Парижа, а Париж — это столица Рима, а Рим... Нет, по-моему, опять что-то не совсем так! Наверное, я все-таки превратилась в Мэгги. Что же делать? Ага! Прочту с выражением какие-нибудь стишки. Ну, хоть эти... «Эти! В школу собирайтесь!»

Она сложила ручки, как примерная ученица, и начала читать вслух, но голос ее звучал совсем как чужой, и слова тоже были не совсем знакомые:

Звери, в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно!
Как вы там ни упирайтесь,
Ни кусайтесь, ни брыкайтесь —
Не поможет все равно!

Громко плачут Зверь и Пташка.
— Караул! — кричит Пчела,
С воем тащится Букашка...
Неужели им так тяжко
Приниматься за дела?

— Ну вот! Стихи, и те неправильные! — сказала бедняжка Алиса, и глаза ее снова наполнились слезами.— Выходит, я все-таки, наверное, Мэгги, и буду я жить в их противном домишке, игрушек у меня не будет, играть почти что не придется, а только все учить, учить и учить уроки. Ну, если так, если я Мэгги, я тогда лучше останусь тут! Пусть лучше не приходят и не уговаривают! Я им только скажу: «Нет, вы сперва скажите, кто я теперь буду? Если мне захочется им быть, тогда, так и быть, пойду, а если не захочется, останусь тут... пока не стану кем-нибудь еще...» Ой, мамочка, мамочка,— зарыдала вдруг Алиса,— пусть лучше скорее приходят и угова-а-а-ривают! Я прямо вся замучилась тут одна!

Тут она нечаянно посмотрела на свои руки и очень удивилась, обнаружив, что, сама того не

Многие (особенно папы и мамы) безусловно догадались, какое стихотворение хотела прочитать Алиса. Ну, а для тех, кто забыл (или не знал), помещаем его тут:

Дети, в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно;
Попроворней одевайтесь,
Светит солнышко в окно.
Человек и зверь и пташка —
Все берутся за дела,
С ношей тащится букашка,
За медком летит пчела.

Теперь, я надеюсь, вам понятно, почему Алиса так расстроилась: эти стихи гораздо лучше, а главное, полезнее тех, которые она прочла.

замечая, натянула крошечную перчатку Кролика.

«Как же это я так сумела? — подумала она. — Ой, наверное, я опять буду маленькая!»

Она вскочила и подбежала к столику, чтобы померить, какая она стала. Вот так-так! В ней уже было всего сантиметров шестьдесят, и она продолжала таять прямо на глазах. К счастью, Алиса сразу сообразила, что во всем виноват веер — он по-прежнему был у нее в руках, — и поскорее бросила его в сторону. А то неизвестно, чем бы это окончилось!

— Ай да я! Чуть-чуть не пропала! — сказала Алиса. Она была сильно напугана своим внезапным превращением, но счастлива, что ей удалось уцелеть. — А теперь в сад!

И она со всех ног помчалась к выходу.

Бедная девочка! Дверца была по-прежнему на замке, а золотой ключик так и лежал на стеклянном столе...

— Ну уж это я прямо не знаю, что такое, — всхлипнула Алиса. — И еще я стала прямо дюймовочкой какой-то! Дальше ехать некуда!

И только она это сказала, как ноги у нее поехали, и — плюх, она оказалась по шейку в воде. В первую минуту, нечаянно хлебнув соленой водицы, она было решила, что упала в море.

— Тогда ничего, я поеду домой в поезде! — обрадовалась она. Дело в том, что Алиса однажды уже побывала на море и твердо усвоила, что туда ездят по железной дороге. При слове «море» ей представлялись ряды купальных кабинок, пляж, где малыши с деревянными лопатками копаются в песочке, затем ряд домов, а уж за ними — обязательно железнодорожная станция.

Плавать Алиса умела и довольно скоро догадалась, что на самом деле это не море, а пруд, который получился из тех самых слез, какие она проливала, когда была великаншей трех метров ростом.

— Зачем ты столько ревела, дурочка! — ругала себя Алиса, тщетно пытаясь доплыть до какого-нибудь берега. — Вот теперь в наказание еще утонешь в собственных слезах! Да нет, этого не может быть, — испугалась она, — это уж ни на что не похоже! Хотя сегодня ведь все ни на что не похоже! Это и называется, по-моему, оказаться в плачевном положении...

От этих печальных размышлений ее отвлек сильный плеск воды. Кто-то бултыхался в пруду неподалеку от нее и шлепал по воде так громко, что сперва она было подумала, что это морж, а то и бегемот, и даже чуточку испугалась, но потом вспомнила, какая она сейчас маленькая, успокоилась («Он меня и не заметит», — подумала она), подплыла поближе и увидела, что это всего-навсего мышка, которая, очевидно, тоже нечаянно попала в этот плачевный пруд и тоже пыталась выбраться на твердую почву.

«Может, мне эта мышь чем-нибудь поможет? — подумала Алиса. — Говорить-то она, наверное, умеет. Что тут такого? Сегодня и не то бывало! Заговорю с ней — попытка не пытка».

И она заговорила:

— О Мышь!

(Вас, наверное, удивляет, почему Алиса заговорила так странно. Дело в том, что не знаю, как вам, а ей никогда раньше не приходилось беседовать с мышами, и она даже не знала, как позвать (или назвать) Мышь, чтобы та не обиделась. К счастью, она вспомнила, что ее брат както забыл на столе (случайно) старинную грамматику, и она (Алиса) заглянула туда (конечно, уж совершенно случайно), и, представляете, там как раз было написано, как нужно вежливо звать мышь! Да, да! Там прямо так и было написано:

Именительный — кто? — Мышь,
Родительный — кого? — Мыши,
Дательный — кому? — Мыши,

. . . .

А в конце:

Звательный — О Мышь!

Какие могли быть после этого сомнения?

— О Мышь! — сказала Алиса. — Может быть, вы знаете, как отсюда выбраться? Я ужасно устала плавать в этом пруду, о Мышь!

Мышь взглянула на нее с любопытством и даже, показалось Алисе, подмигнула ей одним глазком, но ничего не сказала.

«Наверное, она не понимает по-нашему, — подумала Алиса. — А-а, я догадалась, это, наверное, французская Мышь. Приплыла сюда с войсками Вильгельма Завоевателя».

(Хотя Алиса, как видите, проявила обширные познания в истории, справедливости ради надо подчеркнуть, что она не слишком ясно представляла себе, когда что случилось.)

1066

Если вы, как и Алиса, не особенно ясно помните, когда Вильгельм Завоеватель высадился в Англии, — не огорчайтесь, а посмотрите на картинку: там все написано.

По-французски Алиса знала из всего учебника твердо только первую фразу и решила пустить ее в ход.

— Oú est ma chatte? — сказала она.

(Это значит: где моя кошка?)

Мышь так и подпрыгнула в воде и задрожала всем телом.

— Ой, простите! — поспешила извиниться Алиса, догадавшись, что огорчила бедную мышку. — Я просто как-то не подумала, что вы не любите кошек.

— Не любите кошек! — передразнила Мышь пронзительным голосом. — А ты бы их любила на моем месте?

— Наверное, наверное, нет, — примирительным тоном сказала Алиса. — Вы только не сердитесь! А все-таки я бы хотела познакомить вас с нашей Диночкой! Вот ручаюсь, если вы ее только увидите, вы сразу полюбите кошечек! Она такая ласковая, милая кисонька! — продолжала Алиса вспоминать вслух, не спеша подплывая к Мыши. — И она так приятно мурлычет у камина, и так хорошо умывается — и лапки и мордочку моет; и она так уютно сидит на руках; и она вся такая мяконькая, пушистая — одно удовольствие; и она так здорово ловит мышей...

Ой, простите меня, пожалуйста! — опять закричала Алиса, потому что Мышь вся ощетинилась, и уж тут не приходилось сомневаться, что она возмущена ее бестактностью до глубины души.

— Не будем больше о ней говорить, раз вам так неприятно, — смущенно пролепетала Алиса.

— Говорить? — с негодованием пискнула Мышь, дрожа от самого кончика хвоста. — Стала бы я **говорить** о таком неприличном предмете! Я и слышать об этом не желаю! В нашем семействе всегда терпеть не могли этих подлых, мерзких, вульгарных тварей! И прошу вас, больше ни слова!

— Не буду, не буду, — торопливо уверяла ее Алиса. — А вы, а вы любите... любите... собачек? — нашлась она наконец.

Мышь не отвечала, Алиса сочла ее молчание за согласие и с воодушевлением продолжала:

— Вот и хорошо! Как раз около нас живет чудный песик, вот бы вам его показать! Представляете, хорошенький маленький терьерчик, глазки блестят, а шерстка — просто восторг! Длинная, шоколадная и вся вьется! И он умеет подавать поноску, и служить, и давать лапку, и чего-чего только не умеет, я даже не все помню! Его хозяин говорит, он бы с ним ни за какие тысячи не расстался, такой он умный и столько пользы приносит, он даже всех крыс переловил, не только мы...

О господи! — сокрушенно перебила себя Алиса. — Какая я бестактная девочка!

Несчастная Мышь тем временем уплывала от своей собеседницы что есть духу, только волны шли кругом.

— Мышенька, милая, хорошая, вернитесь! — умильным голосом закричала Алиса. — Честное-пречестное, больше ни слова не скажу ни про Ку ни про Сы!

Услыхав это обещание, Мышь повернула и медленно поплыла обратно; мордочка у нее была довольно бледная («Наверное, очень сердится», — подумала Алиса).

— Выйдем на сушу, дитя, — сказала Мышь еле слышным голосом, — и я расскажу тебе мою историю. Тогда ты поймешь, почему я ненавижу как Тех, так и Этих.

И в самом деле давно было пора вылезать из воды: в пруду поднялась настоящая толкотня, столько туда свалилось разных птиц и зверей. Среди них оказались: Утка и Попугай, Стреляный Воробей и Орленок Цып-Цып и даже вымершая птица Додо, она же ископаемый Дронт. И кого там еще только не было!

Алиса поплыла первой; остальные потянулись за ней, и вскоре вся компания вылезла на берег.

ГЛАВА III,

в которой происходит кросс по инстанциям и история с хвостиком

Довольно-таки жалкий вид был у общества, собравшегося на берегу; мокрые перышки птиц так и топорщились, мокрый мех зверюшек так и прилипал, вода текла ручьями как с тех, так и с других, и все были сердитые и несчастные.

Первым делом, разумеется, надо было придумать, как скорее обсушиться; посыпались разные предложения, и не прошло и пяти минут, как Алиса разговорилась со всеми запросто, словно была с ними всю жизнь знакома. Она даже серьезно поспорила с Попугаем, который немедленно надулся и повторял одно и то же:

— Я старше тебя, значит, я все лучше знаю!

Алиса этого, понятно, так не оставила и потребовала, чтобы он честно сказал, сколько ему лет; но Попугай почему-то категорически отказался, и все стало ясно без слов...

В конце концов Мышь — по-видимому, в этой компании она пользовалась большим уважением — закричала:

— А ну-ка, все садитесь и слушайте меня! Сейчас вы у меня будете сухонькие!

Все послушно уселись вокруг нее и приготовились слушать. Алиса — та особенно навострила ушки: она была уверена, что если не просохнет очень скоро, то непременно схватит ужасный насморк.

— Экхем! — торжественно прокашлялась Мышь. — Ну, я надеюсь, все готовы? Так вот

воспользуемся самым сухим предметом, какой мне известен, кхегем! Прошу полной тишины в аудитории!

И она начала:

— *Вильгельм Завоеватель, чью руку держал римский первосвященник, вскоре привел к полному повиновению англосаксов, каковые не имели достойных вождей и в последние годы слишком привыкли равнодушно встречать узурпацию власти и захваты чужих владений. Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, эрл Нортумбрии...*

— Брррр! — откликнулся Попугай. Он почему-то весь дрожал.

— Простите, — сказала Мышь, нахмурясь, но с подчеркнутой вежливостью, — вы, кажется, о чем-то спросили?

— Я? Что вы, что вы! — запротестовал Попугай.

— Значит, мне показалось, — сказала Мышь. — Позволите продолжать?

— *...хвальным; он же сопутствовал Эдгару Ателингу, отправившемуся к Завоевателю, дабы предложить ему корону Англии. Поначалу действия Вильгельма отличались умеренностью, однако разнузданность его норманнов...* Ну, как твои делишки, дорогая, — неожиданно обратилась она к Алисе, — сохнешь?

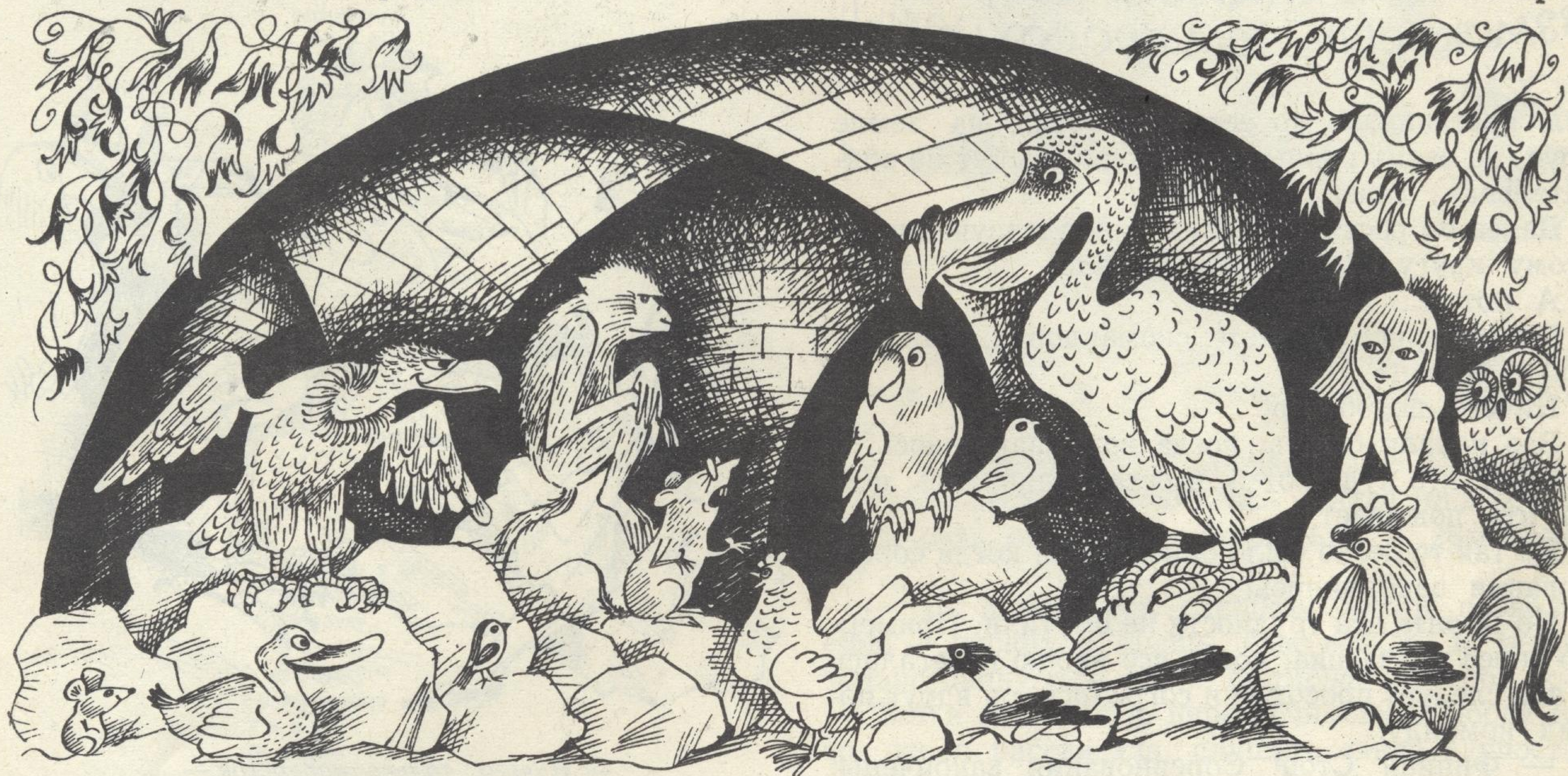
— Мокну! — безнадежно ответила Алиса. — Что-то на меня это совсем не действует!

— В таком случае, — торжественно произнес Дронт (он же Додо), поднимаясь на ноги, — вношу предложение: немедленно распустить митинг и экстренно принять энергичные меры с целью скорейшего...

— А может, хватит на сегодня тарабарщины? — перебил его Орленок Цып-Цып. — Я и половины не понял, да и ты сам, по-моему, тоже!

Кое-кто из птиц захихикал, а Орленок деликатно отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Я только хотел сказать, — обиженно про-

Здесь вы впервые встречаетесь с птицей Додо (она же ископаемый Дронт, но ее легко узнать, даже если вы никогда ее не видели. Между прочим, Додо иногда называли (конечно, только очень близкие друзья) автора этой книжки. Он немного заикался и произносил свою фамилию так: До-до-доджон!

И, не дожидаясь ответа, продолжала:

— *...Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, эрл Нортумбрии, присягнули на верность чужеземцу, и даже Стиганд, славный любовью к отечеству архиепископ Кентерберийский, нашел это достохвальным...*

— Что, что он нашел? — неожиданно заинтересовалась Утка.

— Нашел это, — с раздражением ответила Мышь. — Ты что, не знаешь, что такое «это»?

— Я прекрасно знаю, что такое «это», когда я его нахожу, — невозмутимо ответила Утка. — Обычно это лягушка или червяк. Вот я спрашиваю: что именно нашел архиепископ?!

Мышь, не удостоив Утку ответом, торопливо продолжала:

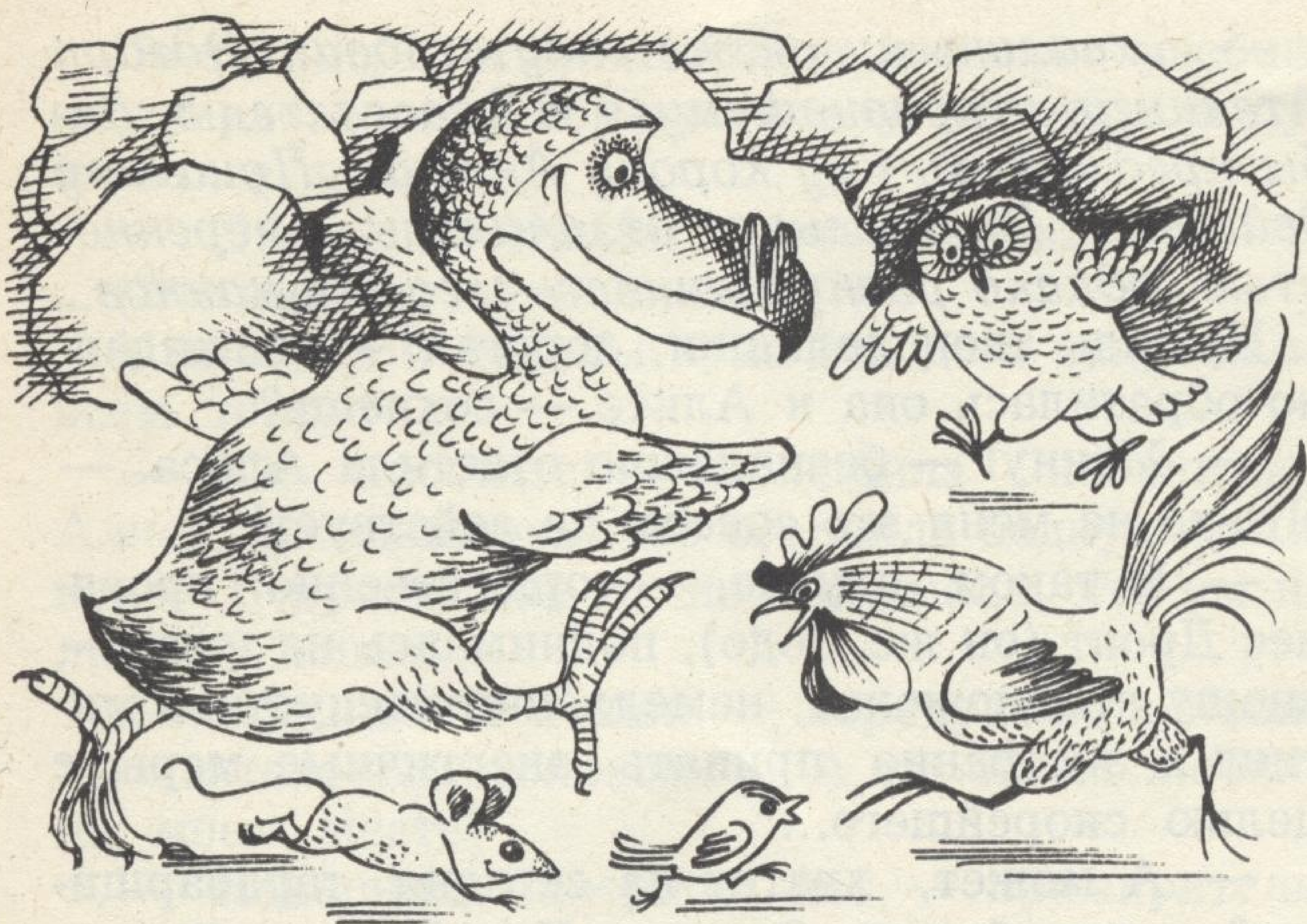
говорил Дронт, — что в нашем положении лучшее средство просохнуть — это, конечно, устроить Кросс по Инстанциям.

— А что это такое — Кросс по Инстанциям? — спросила Алиса. Не то, чтобы ее это очень заинтересовало, просто она по своей доброте не могла не выручить Дронта: он явно ждал, что его засыплют вопросами, а все присутствующие тупо молчали.

— Ну, — радостно откликнулся Дронт, — лучший способ объяснить — это самому сделать!

Так как вам, может быть, тоже захочется попробовать в морозный денек, что это за штука — Кросс по Инстанциям, я расскажу, что Дронт сделал.

Прежде всего он, как он выразился, «разме-

А, по-моему, как ни бегай — на дистанцию или по инстанциям — скорее взмокнешь, чем просохнешь!

тил инстанцию», то есть нарисовал на земле круг (не очень ровный, но «точность тут не обязательна», сказал Дронт).

Далее он расставил всех присутствующих по этому кругу (строго как попало).

А потом...

Вы, наверное, думаете: скомандовал «Раз-два-три — марш!»

Ничего подобного!

Все начали бегать, когда кому захотелось, и бежали, кто куда хотел, и останавливались, когда кто пожелает.

Не так-то легко было определить, когда соревнования закончились!

Но Дронта эти трудности не смутили. Примерно через полчасика, когда все вволю набегались и как следует просохли и согрелись, он вдруг подал команду:

— Финиш! Стоп! Соревнования закончены!

И все, запыхавшись, окружили его и стали допытываться:

— А кто же победил?

Чтобы ответить на этот вопрос, даже Дронту пришлось хорошенько подумать. Он долго стоял неподвижно, приставив палец ко лбу (в такой позе нередко изображают на картинках великих людей, например, Шекспира), и все, затаив дыхание, ждали.

Наконец Дронт сказал:

— Победили все! И все получат призы, — добавил он.

— А кто же будет выдавать призы? — спросили его хором (и хором довольно дружным).

— Что за вопрос! Конечно, ОНА, — ответил Дронт, показав пальцем на Алису.

И тут все общество сразу окружило ее, и все наперебой закричали:

— Призы! Где призы? Давай призы!

Бедная Алиса не знала, что ей делать, в растерянности она сунула руку в кармашек и вытащила оттуда коробочку цукатов. (Соленая вода, по счастью, туда не попала.) Она стала раздавать конфеты всем участникам соревнований, и как раз хватило на всех, кроме самой Алисы...

— Как же так? — с упреком сказала Мышь. — Ты тоже должна получить приз!

— Сейчас уладим! — внушительным тоном произнес Дронт и, обернувшись к Алисе, спросил: — У тебя еще что-нибудь осталось в кармане?

— Ничего, только наперсток, — грустно ответила Алиса.

— Превосходно! Передай его мне! — потребовал Дронт.

И опять все присутствующие столпились вокруг Алисы, а Дронт протянул ей наперсток и торжественно произнес:

— Я счастлив, сударыня, что имею честь от имени всех участников просить вас принять заслуженную награду — этот почетный наперсток!

Когда он закончил свою краткую речь, все захлопали и закричали «ура».

— Ничего, только наперсток,— грустно ответила Алиса.

Как вы догадываетесь, во время этой церемонии Алису ужасно разбирал смех, но у всех остальных был такой торжественный и серьезный вид, что она сдержалась. Что полагается отвечать на такие речи, она не знала, и потому просто поклонилась и приняла от Дронта наперсток, изо всех сил стараясь сохранить серьезное выражение лица.

Теперь все с чистой совестью принялись за сладкое. Тут не обошлось без писка, визга и мелких происшествий: некоторые птицы покрупней громко жаловались, что не успели даже толком распробовать, а кое-кто из мелюзги второпях поперхнулся, их пришлось похлопать по спинке.

Наконец и с угощением было покончено. Все опять уселись вокруг Мыши и стали ее просить рассказать еще что-нибудь.

— Вы обещали рассказать мне вашу историю, помните? — сказала Алиса. — И почему вы так не любите Кы и Сы, — добавила она шепо-

том, опасаясь, как бы опять не расстроить Мышь.

Мышь повернулась к Алисе и тяжело вздохнула.

— Внемли, о дитя! Этой трагической саге, этой страшной истории с хвостиком тысяча лет! — сказала она.

— Истории с хвостиком? — удивленно переспросила Алиса, с интересом поглядев на мышкин хвостик. — А что с ним случилось страшного? По-моему, он совершенно цел — вон он какой длинный!

И пока Мышь рассказывала, Алиса все думала про мышиный хвостик, так что в ее воображении рисовалась приблизительно вот какая картина:

Кот сказал
Бедной мышке:
-Знаю я по-
наслышке,
Что у вас
Оченъ тонкий
Изысканный
в к у с,
А живете вы
в норке
И глодаете
К о р к и,
Так ведь
вкус ваш
Испортиться
м о ж е т,
Б о ю с ь!
Хоть мы с вами,
с о с е д к а,
Встречаемся
р е д к о,-
Ваш визит
я бы счел
За особую
ч е с т ь!
Приходите
к обеду
В ближай-
шую среду!-
В нашем доме
У м е ю т
Со вкусом
поесть!
....
Но в столовой
у К о ш к и -
Даже хлеба
ни крошки...
Кот сказал:
-Пустяки!
Не волнуйтесь,
м а д а м!
Наше дело
котово -
Раз-два-три-
И готово.
Не успеете
пикнуть,
Как на
стол я
Подам!

— Ты не слушаешь! — ни с того ни с сего сердито взвизгнула Мышь. — Отвлекаешься посторонними предметами и не следишь за ходом повествования!

— Простите, я слежу, слежу за ним, — смиренно сказала Алиса, — по-моему, вы остановились... на пятом повороте.

— Ваш визит я бы счел за особую честь.

— Спасибо! — еще громче запищала Мышь. — Вот я по твоей милости потеряла нить!

— Потеряли нить? Сейчас мы ее найдем! — с готовностью откликнулась Алиса (она всегда была рада помочь). — Позвольте, я вам помогу!..

— Ты и так себе слишком много позволяешь! — пискнула Мышь. Она встала и решительно двинулась прочь, бормоча себе под нос: — Вот и мечи бисер перед свиньями! После того, что я рассказала, слушать такие глупости! Очень обидно!

— Да я не нарочно! — взмолилась Алиса. — Вы какая-то уж очень обидчивая!

Мышь в ответ только что-то проворчала.

— Не уходите, пожалуйста, и доскажите свой рассказ! — крикнула Алиса ей вслед, и все остальные хором поддержали ее:

— Пожалуйста, доскажите!

Но Мышь только досадливо затрясла головой и ускорила шаги.

— Ах, как жалко, жалко, что она ушла! — сказал Попугай, дождавшись, пока Мышь окончательно скроется из виду.

А какая-то старая Каракатица назидательно сказала своей дочери:

— Пусть это послужит тебе серьезным уроком, дорогая! Видишь, как важно всегда владеть собой!

На что молодая Каракатица не без раздражения ответила:

— Помолчали бы лучше, мамаша! Вы и Устрицу выведете из себя.

— Вот уж когда жаль, что Динки тут

нет! — сказала Алиса громко, хотя и не обращаясь ни к кому в отдельности. — Она бы ее живо сюда притащила.

— Кто эта Динка, позвольте полюбопытствовать? — осведомился Попугай.

На это Алиса, естественно, откликнулась очень горячо: она всегда была рада случаю поговорить о своей любимице.

— Дина — это наша кошечка! Она так здорово ловит мышей, вы себе просто не представляете! Она даже птиц ловит, да еще как! Только увидит пташку — и готово дело!

Эта восторженная речь произвела на присутствующих должное впечатление. Несколько птиц немедленно снялись с места и улетели. Пожилая Сорока поспешно стала кутаться в шаль.

— Я непростительно тут засиделась, — объясняла она, — вечерняя сырость для моего горла просто яд! Верная ангина. Домой, домой!

Канарейка дрожащим голосом созывала своих птенцов:

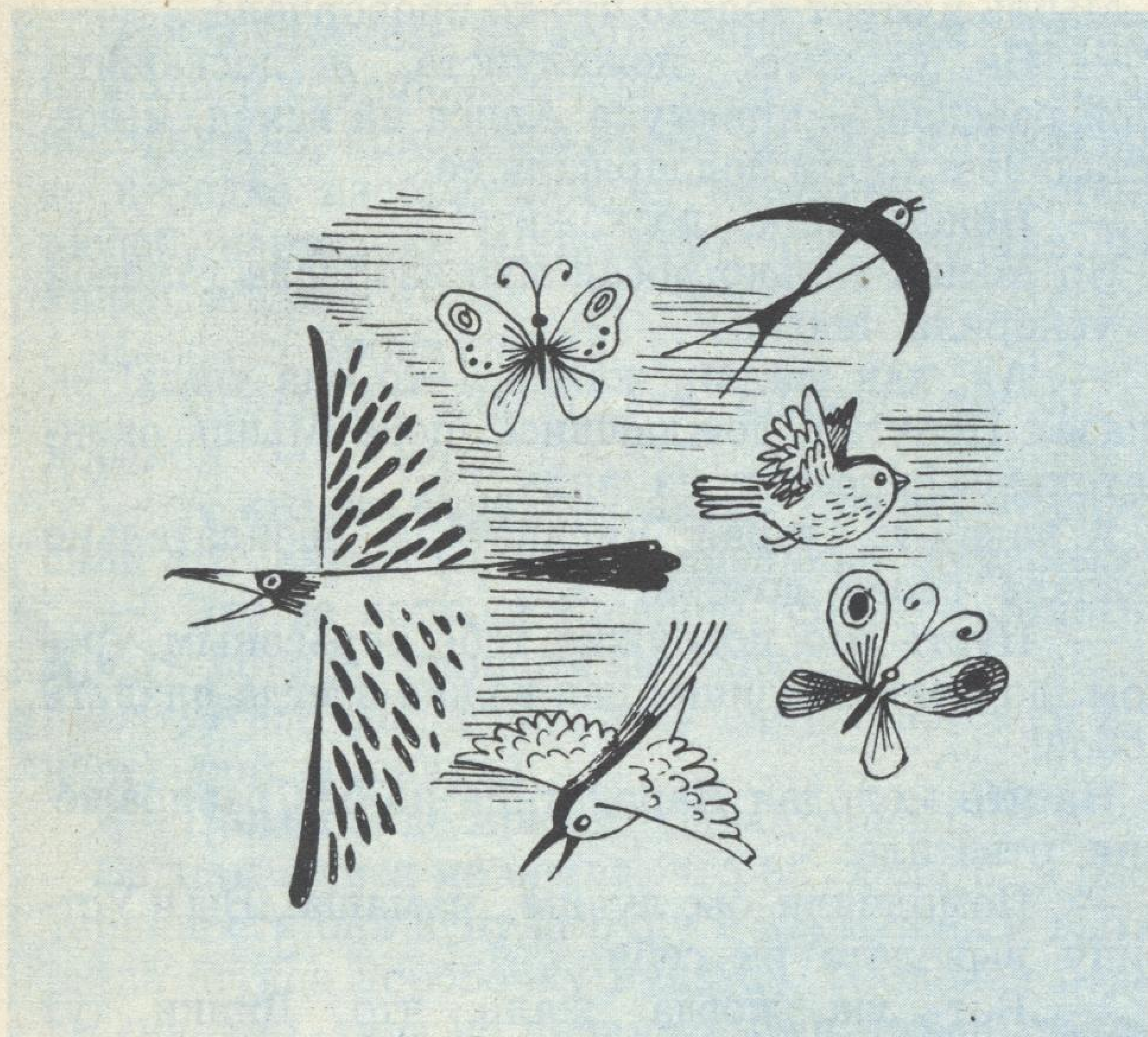
— Скорей, скорей домой, мои крошечки! Вам давно пора в постельку!

Словом, очень скоро все под разными предлогами разлетелись кто куда, и Алиса осталась в одиночестве.

«И зачем я только вспомнила про Диночку? — грустно думала она. — Никому-то она тут не нравится, а ведь она такая хорошая кошечка, лучше ее нет на свете! Диночка ты моя дорогая! Неужели я тебя вообще больше никогда не увижу?»

Тут Алиса снова было заплакала: уж очень ей стало печально и одиноко, — как вдруг невдалеке снова послышался чей-то легкий топоток. Она радостно подняла глаза: а вдруг это Мышь передумала и все-таки вернулась, чтобы досказать свою историю?

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ.

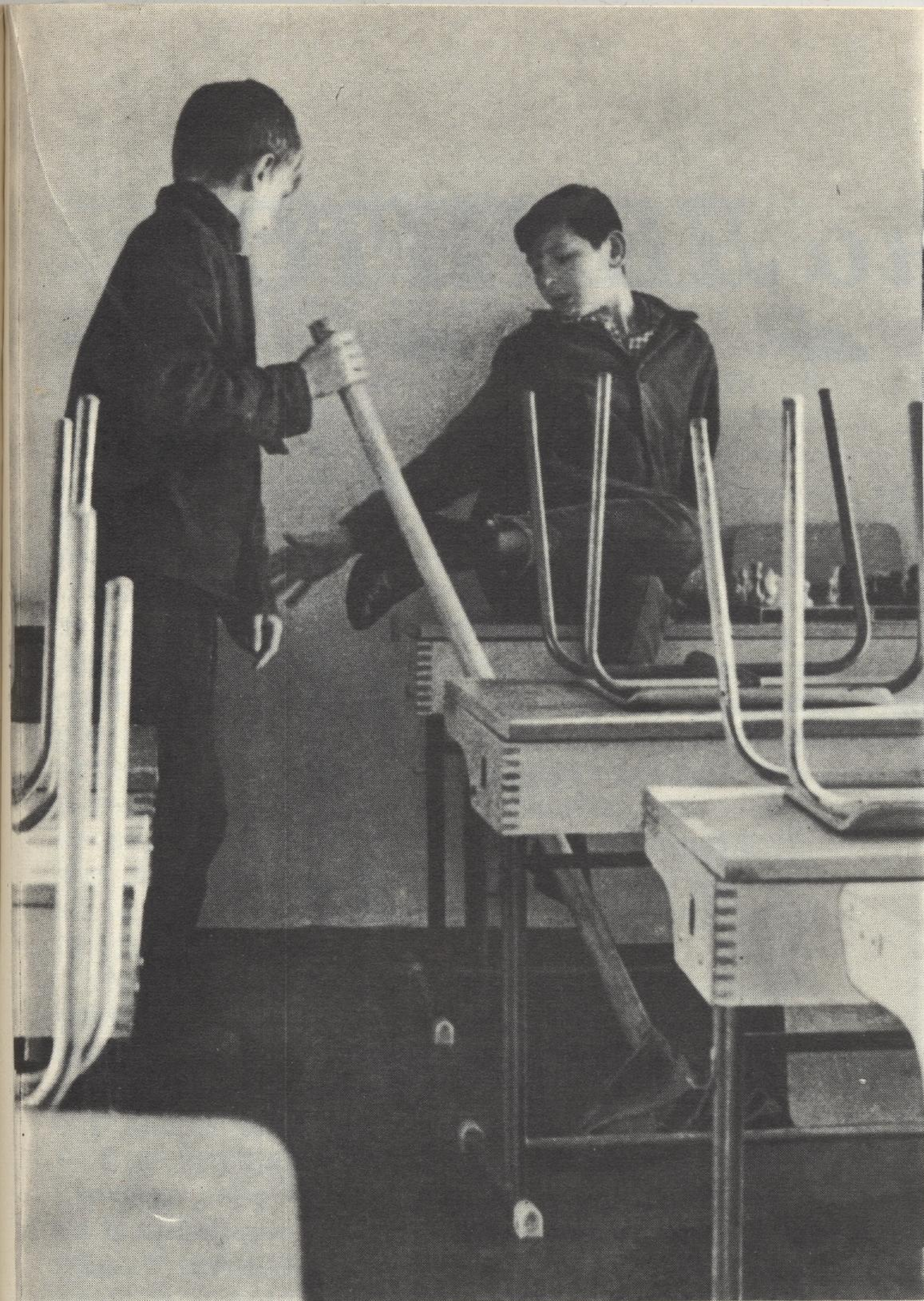
О СЕБЕ, О СВОЕМ КРАЕ,

Эти фотографии — странички из большой фотоповести, которая расскажет о жизни ребят, обо всем, что их окружает и что им дорого.

Фотоповесть? Что это такое? Кто ее пишет? Как ее прочитать?

Газета «Пионерская правда» объявила второй Международный конкурс «Зоркий—Дружба—50» и пригласила юных фотографов всего мира рассказать о себе и о своей родине с помощью фотографий.

И вот теперь почтальоны несут и несут конверты с фотографиями, присланными из Польши и Чехословакии, из ГДР и Венгрии, из Италии и Дагомеи... А больше всего снимков присылают наши ребята из всех союзных республик, из разных городов и сел.

О СВОИХ ДРУЗЬЯХ

Фотоповесть посвящена 50-летию пионерии, и прочитать ее смогут все, кто придет в Московский Дворец пионеров на выставку лучших снимков. А пока вся фотоповесть еще не готова, давайте посмотрим несколько ее страниц.

Аркаша Смагин привел нас в Московский зоопарк. Зима. Всем холодно, а медведю жарко. Мохнатый попрошайка клянчит мороженое...

В свою школу (она находится в Изобильненском районе на Ставрополье) нас пригласил Костя Фоломеев. Дежурный моет пол в классе. Спешит. Скоро урок начнется. А тут друг его шахматную партию разбирает, никак не выгонишь. «Ну-ка,— говорит дежурный,— марш отсюда, пока все не высохнет». «Да у меня ботинки чистые»,— оправдывается товарищ. И в доказательство по подметке рукой проводит...

Еще одна страничка... И мы уже на Урале, в Соликамске. Олег Пирожков позвал нас во двор большого дома как раз в тот самый момент, когда хоккейный матч в разгаре. Смелей, вратарь! Вон сколько у тебя болельщиков, все, кто смотрит сейчас на этот снимок.

Слышишь, звучит пионерский горн, зовет на сбор. Сейчас соберутся пионеры, сядут в автобусы, в лагерь поедут.

Ростом горнист не велик, но горнит он здорово! И в глазах его веселые искорки! И у нас с тобой настроение стало отличным. Спасибо Сереже Чернобабину из Караганды — это он автор снимка.

Н. ЗЕЛЕНСКАЯ

СПОСОБЕН, но ЛЕНИТСЯ

надо посоветоваться

Я давно уже думаю о том, что же главное: труд или талант? Часто можно слышать о хорошей ученице, что она зубрила и у нее нет никаких способностей, таланта. А что же такое талант? А иногда слышишь, что парень способный, а не учится. И он рад, что ему все дается легко, что он даже не заглядывает в учебник, не зубрит. Но вскоре в старших классах он опускается все ниже и ниже. И он возмущается, почему другие, зубрилки, учатся лучше. А разве это не талант — трудиться?

Ирина НОГАЙ,
г. Москва.

надо посоветоваться

Ирине Ногай отвечает Герой Социалистического Труда, директор Института молекулярной биологии Академии Наук СССР, академик Владимир Александрович Энгельгардт.

Когда ты, Ира, начнешь изучать более сложные разделы физики, тебе, вероятно, придется услышать о работах знаменитого датского ученого Нильса Бора. В числе многих важных положений, которые легли в основу современной физики, Бор выдвинул принцип комплементарности, то есть дополнительности. Это когда два явления, два фактора взаимно дополняют друг друга, и в результате их взаимодействия возникает нечто совершенно новое. Я бы сказал, что этот же принцип дополнительности применим и к упомянутым тобою двум началам: таланту и труду. То и другое, взятое по отдельности, представляют собой довольно ограниченную ценность. Трудолюбивый, но малоспособный человек вряд ли может создать что-нибудь из ряда вон выходящее. С другой стороны, человек, наделенный талантом, но, по сути дела, бездельник, может, как говорили в старину, «зарыть свой талант в землю». Для того, чтобы талант произрос и принес цветы и плоды, он должен обязательно сочетаться с трудом.

Тут мне приходит на ум сравнение с крыльями и мышцами птицы. Крылья с их перьями, костями, сухожилиями созданы природой для полета, но только трудящиеся мышцы приводят их в движение. Конечно, мышцы слабенькие позволяют в лучшем случае порхать, как мотылек. И лишь большие крылья, приводимые в движение сильными, тренированными мышцами, дают возможность высокого и дальнего полета.

Я думаю, что ты неверно пишешь в письме: «Разве это не талант — трудиться?» Способность трудиться — одно из качеств человека, очень ценное. Но я бы не назвал его талантом, потому что труд один, без творческого воображения, без инициативы не способен создать что-нибудь действительно ценное, новое.

Вспомним, как формируется, скажем, талант музыканта. Одной одаренности, чтобы стать настоящим исполнителем, мало. Музыкант должен по пять и даже больше часов в день работать. Гаммы, упражнения, простые этюды — только этот непрестанный, изматывающий труд делает его способным во всю мощь проявить свои музыкальные способности, из сочетания которых и складывается талант.

То, что сказано, справедливо и для художника и для ученого. Отдельные блестящие вспышки, не подкрепленные настойчивой, непрерывной работой, не создают настоящей большой ценности ни в мире искусства, ни в мире науки.

Иногда в оценке трудолюбия и одаренности человека могут быть и ошибки. Я, например, вспоминаю, как в школьные годы к концу полугодия регулярно приносил домой нечто вроде табеля, в котором стояло: «Способен, но ленится». Или: «Продолжает лениться, хотя и способен». Думаю, здесь происходила некоторая ошибка педагогов. Я довольно легко схватывал все предметы и поэтому очень быстро готовил домашние задания. А

впечатление складывалось, что я ленив и мало времени отдаю занятиям. Не могу сказать, что во всей последующей жизни я проявлял мало трудолюбия. Но всегда считал и считаю, что некоторая степень лености даже полезна. (Правда, я боюсь, что подам дурной совет.) Это совершенно естественно — стремиться иметь хоть немного досуга. Думаю, что куда полезнее не сидеть целый день над уроками, не быть обыкновенной зубрилой, а иметь свободное время, когда в голову приходят полезные мысли и возникают занимательные фантазии, которые так интересно претворять самому в жизнь. Так что при хороших способностях некоторая доза лени или бездействия, если они выражаются в стремлении располагать досугом, может оказаться даже полезной. Разумеется, не следует все сказанное преувеличивать и считать, что лень есть самое ценное качество человека, а лентяй — тот идеал, с которого надо брать пример.

Могу поделиться секретом, как я гимназистом использовал свой досуг. Если оставить в стороне увлечение некоторыми видами спорта — коньки, футбол, теннис, все остальное свободное время у меня уходило на конструирование разных приборов. Я оборудовал себе нечто вроде домашнего верстака и проводил за ним часы. В те времена еще только начинали говорить о радио, а у меня уже был самодельный радиопередатчик. Я собрал установку, которая позволяла получать токи сверхвысокой частоты. С помощью этого прибора мне удавалось показать чудеса, которые вызывали восторг знакомых: например, я извлекал из пальца электрические искры, которые воспламеняли кусочек ватки, пропитанной бензином. Сам я, конечно, не испытывал при этом никаких неприятных ощущений.

Вспоминаю, как однажды меня обвинили в покушении на преподавателя закона божьего — был такой предмет в дореволюционной школе. Я, как все начинающие химики, особенно увлекался взрывчатыми веществами. Однажды я принес в класс иодистый азот — вещество, которое легко взрывается, и нечаянно обронил крошечный кусочек этого вещества на пол. Когда по заведенному порядку в конце урока читали молитву, мой товарищ наступил ногой на кусочек, оброненный мной. Раздался оглушительный треск, взрыв, и наш батюшка, поп Иван, как мы его называли, взбешенный, помчался к инспектору с жалобой, что на него совершено покушение. Мне пришлось натерпеться из-за своего проступка. Как видишь, и полезные занятия в часы досуга могут иметь неприятные последствия. Но я думаю, не стоит этого пугаться, и если есть какое-нибудь любимое дело, надо отдаваться ему со всевозможной полнотой.

На пути к науке передо мной много раз вставал вопрос: как правильно оценить

Владимир Александрович Энгельгардт.

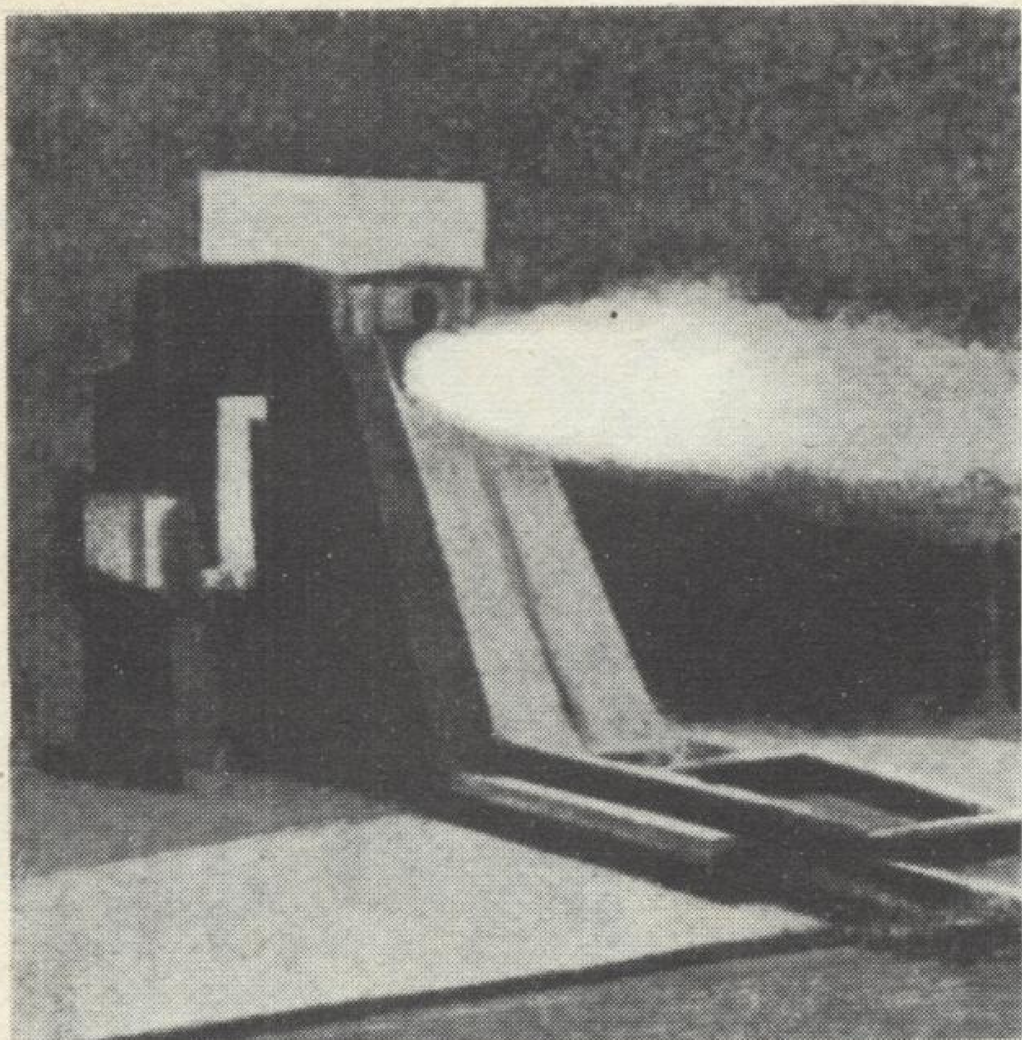
трудолюбие и талант, как подобрать наиболее подходящих людей для общей работы? Я убедился, что для успеха нужны разные люди. Нужны трудолюбивые, прилежные исполнители, и нужны те, что называется, с искрой божьей, то есть талантливые, одаренные, пусть даже они будут с некоторой как будто бы ленцой.

Нужно, чтобы побольше было чудаков, которые идут неожиданными, новыми путями, а не стремятся точно выполнять только прописи из книжек и инструкций. Воображение, творческое мышление, любовь к познанию неизвестного — вот самые привлекательные для меня черты человека, решившего посвятить себя науке.

К сожалению, а может быть, наоборот, к счастью, нет простого и очевидного рецепта для распознавания одаренности, таланта или просто способности к труду. Во всяком случае, я такого рецепта не знаю. Но каждому человеку, даже самого юного возраста, уже со школьных лет очень важно постоянно присматриваться к самому себе, пытаться здраво и правильно определить свое призвание.

Если бы я вдруг захотел стать музыкантом, то я, думаю, доставил бы немало огорчений своим слушателям, так как абсолютно лишен музыкального слуха. Я мог бы целую жизнь учиться музыке, и ничего бы из этого хорошего не получилось.

Важно правильно взвесить свои способности и свои наклонности. Из наиболее благоприятного их сочетания и рождается удовлетворяющая тебя трудовая деятельность. ★

БЕЗ КОТЛОВ И ТУРБИН

Недавно на одной международной встрече ученых советские энергетики сделали удивительное сообщение: в Москве вступила в строй новая электростанция мощностью 25 тысяч киловатт. Правда, у нас в стране работает немало электростанций гигантской мощности, у нас впервые была пущена промышленная атомная электростанция. Почему же сообщение о скромной энергетической установке привлекло внимание ученых и инженеров многих стран?

Дело в том, что новая электростанция — единственная в своем роде. Основа ее — первый в мире магнитогидродинамический генератор (коротко — МГД-генератор). Специалисты считают, что МГД-генератор может открыть новую эпоху в энергетике.

Прежде чем рассказать, как он работает, попробуем разобраться, в чем недостатки существующих гидростанций, тепловых и атомных установок. На каждой из них обязательно есть турбины — водяные или паровые. А на тепловых станциях — еще и котлы, вырабатывающие пар. Каждая турбина, каждый котел — это потери энергии. Вот если бы химическую энергию топлива можно было сразу, без промежуточных устройств, без всяких потерь перевести в электричество!

Именно это и дает МГД-генератор. Сначала сжигают природный газ. При очень высокой температуре газ переходит в новое состояние — становится плазмой. А плазма хорошо проводит электричество, она такой же проводник, как и металлическая проволока.

С огромной скоростью плазма вырывается из сопла и попадает в зазор между полюсами магнита. И происходит то же, что и в любом обычном генераторе: в магнитном поле движется проводник (в нашем случае плазма), и в этом проводнике возникает ток. Согласно законам физики, давным-давно вошедшим в школьные учебники.

Просто? В общем-то да. Сам принцип МГД-генератора много лет известен. И все эти годы ученые и инженеры бились над тем, как очевидный принцип воплотить в действующей машине. Очень трудно было создать магнитное поле большой мощности, подобрать или создать материалы, выдерживающие страшный жар и действие раскаленных газов. Теперь все это позади — электростанция в Москве дала промышленный ток, а за ней последуют и другие, более мощные. Ученые считают, что на таких станциях будет вырабатываться самая дешевая энергия — без котлов и турбин.

ФАБРИКА, ГДЕ РАБОТАЮТ ПЧЕЛЫ

Иначе как фабрикой не назовешь новую пасеку в колхозе «Заветы Ильича» под Липецком. Здесь планируют ежедневно выпускать по двадцать тысяч банок обычного пчелиного меда, да еще специальные сорта: мед яблочный, молочный, шиповниковый, хвойный, морковный. И в придачу — пчелиный яд для лекарств. И все это с помощью самой современной техники. Десять тысяч пчелиных семей примет новая фабрика под Липецком.

Пчелы вырабатывают смолистое клейкое вещество — прополис. Целебным клеем заинтересовались врачи — им пользуются для лечения болезней легких, желудка, дыхательных путей. Прополис — смертельный враг вирусов, в том числе и тех, что вызывают грипп.

ТРАВА ОСТАНАВЛИВАЕТ ОГОНЬ

Специалисты ищут новые способы защиты леса, используют самолеты, вертолеты, бульдозеры, мощные заряды взрывчатки.

И все же лучше, чтобы до пожаров дело не доходило. А если уж случится беда, чтобы огонь не распространялся далеко. Для этого в лесах обычно прорубают просеки, расчищают их от кустов и валежника, уничтожают траву — все, что может гореть. Очищенная просека действительно преграждает путь пламени. Однако за ними надо все время следить: они быстро покрываются опавшей листвой и хвоей, зарастают травой — и снова пропускают пламя.

Сибирские лесоводы долгие годы искали способ сделать просеки негорючими. И вот что они обнаружили. Если внести в почву удобрения, содержащие в строгой пропорции кальций, кремний, натрий, железо, хлор и йод, эти вещества попадают в растительные клетки. И тогда трава не горит в огне!

Первые опыты ученых прошли успешно. В сибирских лесах уже есть просека, где растет негорючая трава.

Заводной автомобиль

Сейчас ученые и конструкторы ищут разные способы сделать автомобиль безвредным, не загрязняющим воздух выхлопными газами. «Научный телеграф» уже сообщал об электрических и паровых автомобилях. Но, может быть, он будет иным? Атомным? Или механическим, заводным?

В последнем вопросе нет и намека на шутку. Идея заводного автомобиля (точнее, инерционного) не так уж нова. Сторонники такой машины предлагают создать подобие игрушечного инерционного автомобиля. Знаешь, конечно: чиркнул несколько раз колесами по полу, раскрутил маховичок, и он, вращаясь по инерции, закрутил колеса, потянул машину...

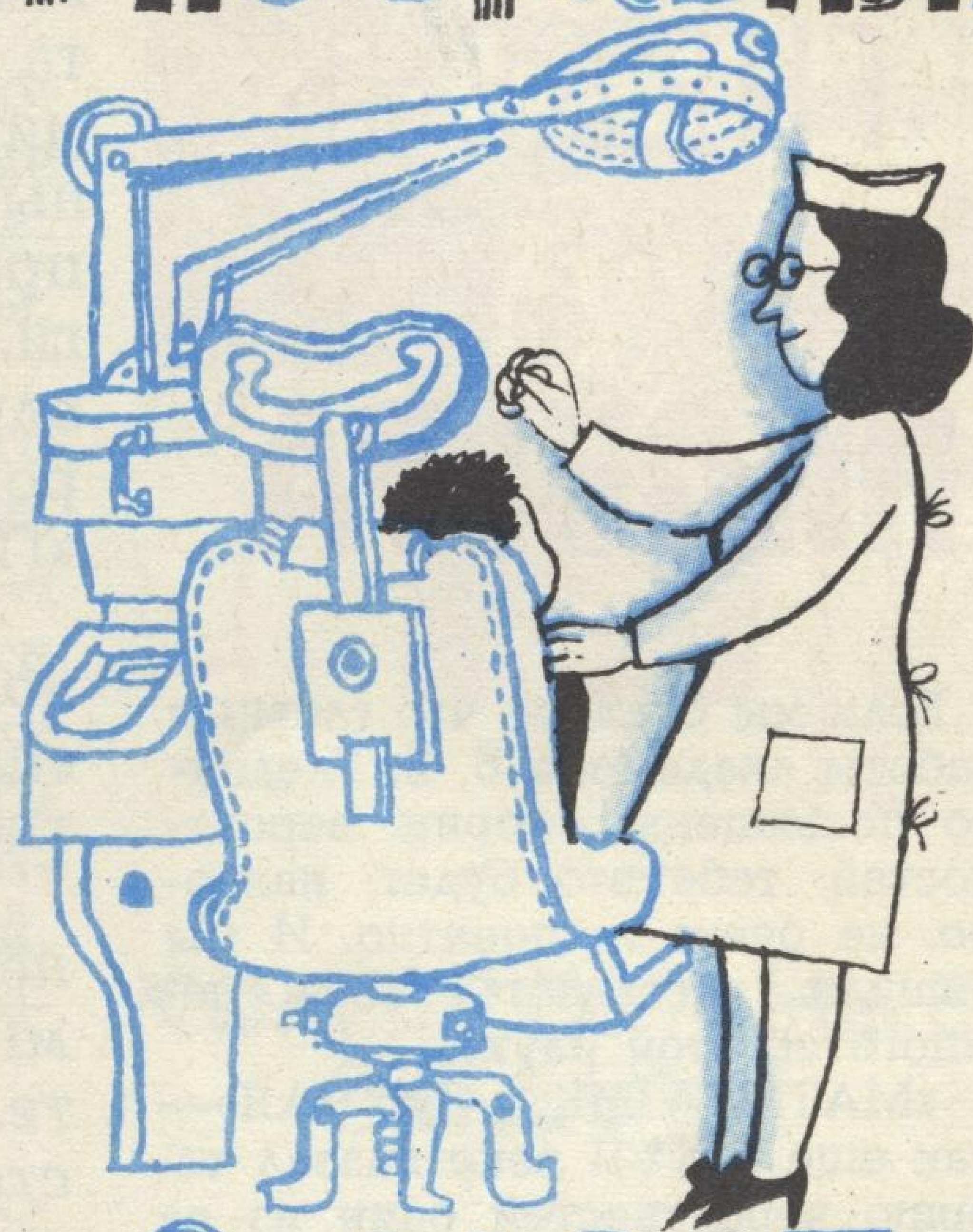
Такая машина уже сделана и испытана американскими инженерами. У нее солидный маховик — в центнер весом. Его раскручивают электродвигателем до скорости тридцать тысяч оборотов в минуту. Но запасенная энергия не сразу передается колесам: маховик крутит электрический генератор, ток идет в электромотор, и он уже вращает колеса.

Игрушечный инерционный автомобиль после одной «заправки» может пересечь комнату. Настоящий—пробегает 160 километров.

Починили и поставили на место

Заболел у тебя, скажем, зуб. Приходишь к врачу, а он берет щипцы — и зуб долой. И говорит: подожди немножко, я твой зуб сейчас подлатаю. Потом починенный зуб вставляет на место, и он, понятно, уже не болит и приживается заново. А чего ему не прижиться — как-никак свой.

Все это совсем не фантастика, а вполне современный способ лечения. И в некоторых амбулаториях его уже применяют. Называют такой прием аутопластикой — когда больному возвращают его же собственный орган после «починки». Пример с зубом, наверное, не самый сложный. Ведь на худой конец можно и без зуба походить. Или коронку поставить. А что делать, если, скажем, выходит из строя очень важный кровеносный сосуд? Врачи в таком случае могут заменить его искусственным, из пластмассы. Только приживается он не очень хорошо, и потом нужно все время следить за ним, брать анализы — все-таки чужеродное тело... И в последние годы хирурги стали много заниматься аутопластикой сосудов и других тканей организма. Недавно в Москве проходил международный конгресс хирургов, с докладом об аутопластике выступил министр здравоохранения СССР академик Б. В. Петровский, который возглавляет эти работы.

Пожалуй, это был один из самых интересных докладов на конгрессе.

Вот пример, когда уже применяют аутопластику. У человека сильно сузился сосуд, вот-вот закупорится. Врачи под наркозом опасный участок сосуда извлекают, прочищают и пришивают обратно, на место. Только, конечно, об этом говорить просто, а на самом деле это очень сложная операция, которая длится не один час.

Солнце скрылось за Луною

Каждый раз, когда Луна пересекает воображаемую линию, связывающую нашу планету с Солнцем, тысячи астрономов наводят свои телескопы на дневное светило. Солнечное затмение не частый случай узнать нечто новое о нашем Солнце: о различных газах в его хромосфере, о строении солнечной короны, об отклонении света в поле тяготения. В короткие минуты затмений на обсерваториях — и научных и любительских—непрерывно щелкают фотоаппараты: нужно успеть сделать как можно больше снимков, не упустить ни единого мгновения.

Последний раз в нашей стране частичное солнечное затмение наблюдалось 25 февраля 1971 года. Погода в тот день была облачной, и это, понятно, очень мешало наблюдать и фотографировать солнечный диск. И все же многим астрономам сопутствовала удача — и не только взрослым. Этот снимок сделали московские школьники, астрономы-любители Коля Тихомиров, Марина Фалина и Лена Ганшина. Снимок получился удачный: хорошо видна тень, отброшенная Луной на поверхность Солнца.

«Смерч» клюет лед

Перевозить грузы на далекое расстояние дешевле всего по воде. Только вот беда: большинство наших рек около полугода, а то и больше покрыто льдом. А каждый дополнительный день навигации дает большую выгоду: около полутора миллионов рублей только на реках европейской части страны.

Специалисты конструкторского бюро Министерства речного флота предложили устройство, которое может превратить самое обычное речное судно-буксир в ледокол. На носу судна устанавливают два маховика с грузами и быстро вращают их в противоположных направлениях. Когда оба груза, вращаясь, окажутся в нижней точке, нос судна наклонится. Когда грузы поднимутся, судно примет нормальное положение.

Вот так по сто — двести раз в минуту буксир клюет лед и движется по застывшей реке.

Установку для искусственной качки построили и начали испытывать на буксире, который называется «Смерч». А результаты сравнивали с работой обычного портового ледокола. Так вот, ледокол вгрызается в лед толщиной до шестидесяти сантиметров. На большее он не способен. А «Смерч» рубил носом лед метровой толщины!

Академик Гнеденко — читателям „Пионера"

Если мы скажем, что главные работы академика Б. В. Гнеденко посвящены теории вероятностей, тебе это будет, наверно, не очень-то понятно. И мы решили рассказать тебе немного об этой науке.

«МАТЕМАТИКА СЛУЧАЯ»— так еще в XVII веке назвал теорию вероятностей один из ее основателей, французский ученый Блез Паскаль.

— Случай? А зачем его изучать? — спросишь, может быть, ты.

Оказывается, еще в древности люди заметили, что случай — вовсе не исключение в жизни, а правило. Вот почему возникла наука о случайных явлениях.

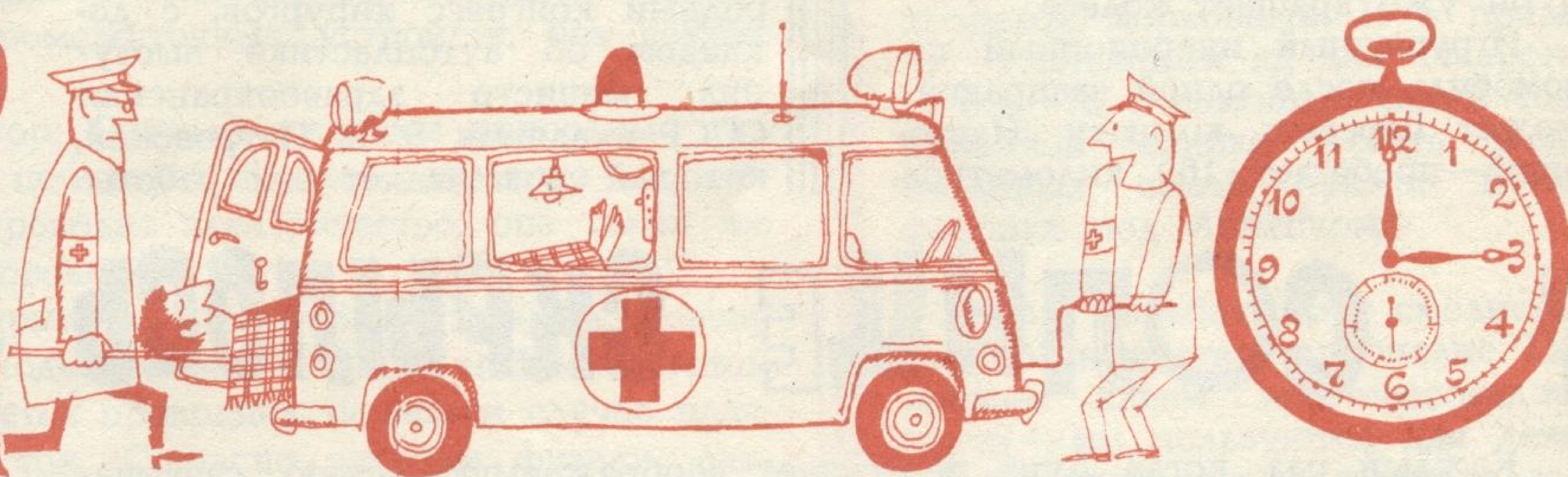
Академик Борис Владимирович Гнеденко известен математикам всего мира. Он, как ты понимаешь, очень занятый человек. И все же академик нашел время, чтобы принять корреспондента «Пионера». Целую кипу книг принес в кабинет Бориса Владимировича наш корреспондент — это были награды, заработанные победителями Второй олимпиады Трех Неизвестных. По просьбе жюри олимпиады Борис Владимирович подписал те книги, где было его предисловие. Потом он посмотрел задачи нашей олимпиады, и они ему тоже понравились. Тогда Борис Владимирович взял ручку и написал вот эти слова всем читателям «Пионера»:

Прогресс человечества, науки, техники, культуры в огромной степени зависит от того, насколько следующее поколение еще в детском возрасте сумеет приобрести знания и привычку к творческому мышлению.

Математические олимпиады, проводимые журналом «Пионер», содействуют решению этой задачи. Если же учесть, что многие задачи прекрасно оформлены, даны в забавной и увлекательной оболочке, то математика перед тысячами ребят предстает в качестве интересной и живой науки, тесно связанной с жизнью общества.

Будущее нашей страны связано с успехами нынешних школьников, их любознательностью, привычкой искать новое, лучшее. Пожелаю на этом пути читателям «Пионера» самых больших успехов. Пожелаю также, чтобы стремление познавать и мыслить самостоятельно сделалось для большинства настоятельной необходимостью; чтобы приобретенные математические знания и связанный с ними математический стиль мышления стали помощниками в будущей деятельности.

Сколько нужно врачей?

В одной статье Борис Владимирович приводит такой пример: «...Во всех крупных населенных пунктах имеются станции «Скорой медицинской помощи». Нет возможности заранее предсказать моменты, когда потребуется оказать срочную помощь внезапно и остро заболевшим людям. Как много в течение заданного времени будет вызовов к таким больным? Как долго придется врачу и машине «Скорой помощи» задержаться у больного? Сколько врачей и машин необходимо иметь во время дежурства, чтобы, с одной стороны, больные не слишком долго ожидали помощи, а с другой — не наблюдалось бы слишком непродуктивного использования врачебного персонала? Мы сталкиваемся с типичной ситуацией, в которой случайными являются моменты вызовов, длительность пребывания врача у постели больного, длительность проезда машины от пункта «Скорой помощи» до дома, в котором живет больной...»

Посмотри, от скольких случаев зависит неотложная помощь. Что же делать? Разве можно отказать больным в помощи? Конечно, нет. Значит, путь один: чтобы эта помощь была действительно неотложной, надо уметь учитывать все случайности. Только тогда можно будет решить, сколько в среднем будет вызовов, сколько понадобится врачей и машин.

Но и в обычной жизни сколько случайностей вокруг нас, если внимательно посмотреть! Под потолком висит лампочка — ты не знаешь, когда она перегорит. Будет ли завтра снег, никому наверняка не известно, и даже бюро прогнозов нередко ошибается. Учитель не знает, сколько ошибок сделает школьник в диктанте — одну или две, десять или ни одной...

Теория вероятностей как раз и изучает законы случая, вычисляет вероятность наступления определенного события. Попробуем решить несколько простых задач этой сложной науки. Вместе с Тремя Неизвестными тебе предстоит сейчас повторить рассуждения основателей теории вероятностей — ученых XVII—XVIII веков.

Как поймать случай?

ИКС. Возьми семь кусков бумаги и скатай из них семь одинаковых шариков. Три из них пометь чернилами — это будут «черные шары», а остальные — «белые». Теперь найди какой-нибудь мешочек или ящик — это будет твоя урна — и положи в нее шары.

Начинаем наш опыт.

Шарики надо перемешать и вытащить один. Посмотри, какого он цвета, и положи обратно. Снова перемешай и снова достань шарик, заметь цвет, положи обратно. Так много раз подряд — десять, сто, тысячу раз. Между прочим, всего только за полчаса можно провести больше ста опытов (проверь нас!). Твоя задача — определить, сколько раз из ста ты вынул черный шар. Какова его доля во всех опытах? Естественно, каждый раз результат зависит от случая — может попасться черный шар, а может и белый. Обязательно запиши результаты опыта, это поможет нам проверить формулу.

ИГРЕК. Каждый раз ты вынимал из урны либо первый шар (если мы их перенумеруем), либо второй, либо третий... либо седьмой — всего семь возможных исходов каждого опыта. Шары тщательно перемешаны, на ощупь различить их нельзя, и нет никакой причины предпочесть один шар другому, значит, у всех одинаковые шансы быть вынутыми.

ЗЕТ. Математики говорят так: все семь исходов равновозможны.

ИГРЕК. Теперь тебе понятно, что каждый шар может появиться примерно в 1/7 всех опытов, и чем больше раз ты вынимаешь шары, тем ближе к 1/7 доля любого исхода. Конечно, теоретически можно допустить, что все сто раз ты вынимаешь, например, первый шар. Но это совершенно исключительный случай, а мы говорим сейчас о средних результатах.

ИКС. Что же можно сказать о черном шаре? Он, по-видимому, может быть вытащен трижды, в трех исходах (ведь всего у нас три черных шара).

ИГРЕК. ...которые называются *благоприятными* для него.

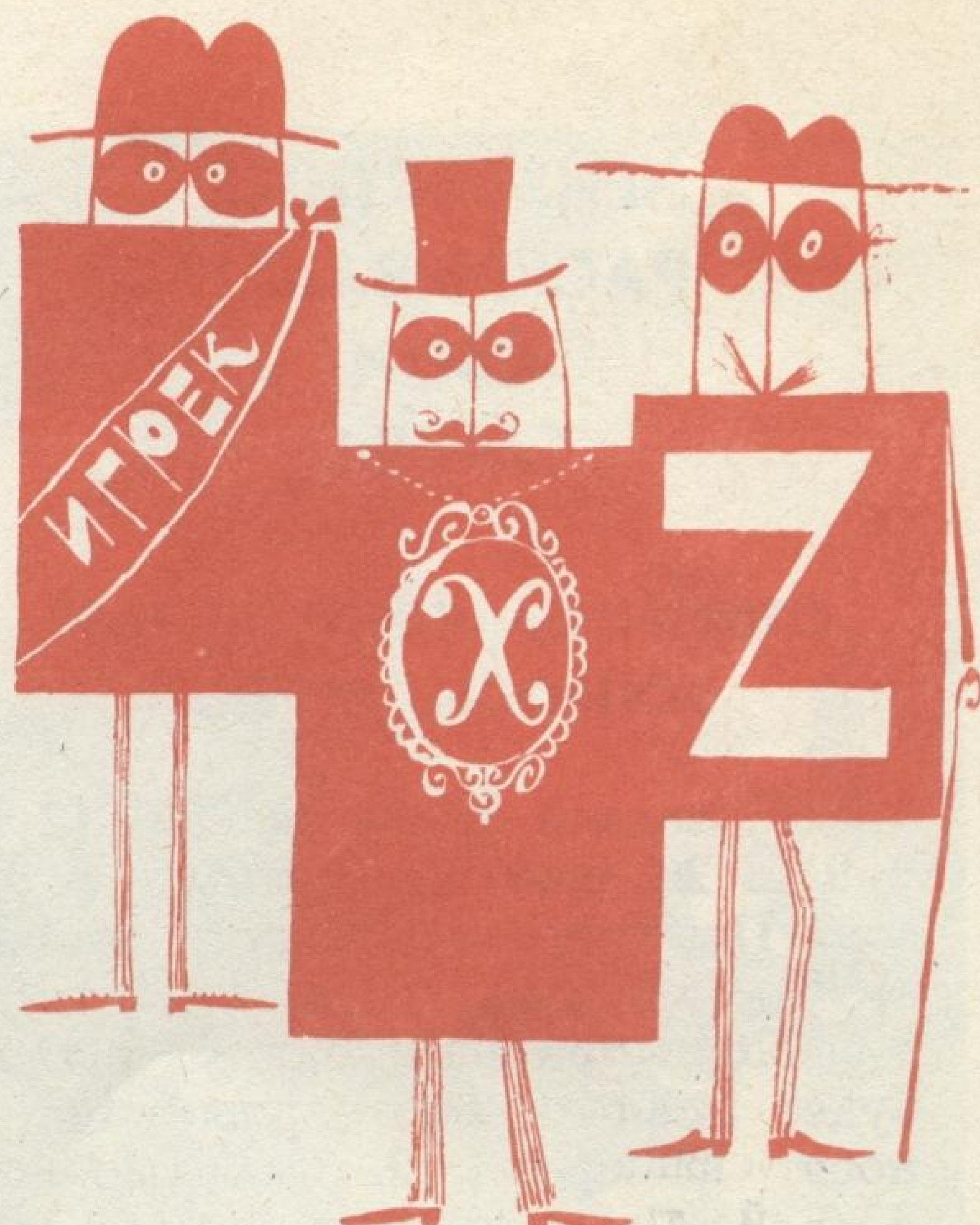
ИКС *(увлеченно)*. ...в трех исходах из *семи*, значит, в среднем в 3/7 всех опытов вынут черный шар. И чем дальше, чем больше опытов, тем ближе его доля к 3/7!

ЗЕТ. Предельное значение — 3/7 — очень важно для нас. Это и есть *вероятность* появления черного шара.

ИГРЕК. Вот мы и получили основную формулу классической теории вероятностей. На самом деле это было сделано гораздо раньше — еще в XVII веке.

$$\text{Вероятность события} = \frac{\text{Число благоприятных исходов}}{\text{Число всех равновозможных исходов}}$$

ЗЕТ. Эту формулу проверяли ученые на многих опытах, и всегда она получала подтверждение. Доля опытов, в которых событие осуществлялось, была близка к расчетной. Этой формулой с тех пор пользуются, когда исходы опыта равновозможны и надо только вычислить вероятность.

КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

1. В урне лежат 5 красных, 12 белых и 9 синих шаров. Найти вероятность того, что а) вынут белый шар, б) вынут красный шар, в) вынут синий шар, г) вынут цветной шар.

2. Двойное испытание. В урне по-прежнему 3 черных и 4 белых шара. Ты вынимаешь один из них, кладешь обратно, перемешиваешь и вынимаешь другой. Возможно одно из трех: либо оба шара черные, либо оба белые, либо они различных цветов. Каковы вероятности этих событий?

3. Найти вероятности того, что при двойном испытании, как в предыдущей задаче: а) вынут по крайней мере один черный шар, б) вынут хотя бы один белый шар, в) первым вынут черный шар, г) последним вынут белый шар.

Игральная кость — это кубик, на гранях которого написаны числа от 1 до 6. Если ее бросить, то любая из 6 граней может оказаться верхней. Для правильной (то есть не жульнической) кости все эти 6 исходов равновозможны. Брошены независимо друг от друга две правильные кости. Найти вероятности того, что сумма очков на верхних гранях а) меньше 9, б) больше 7, в) делится на 3, г) четна.

Указание. Посмотри, каковы при бросании двух костей равновозможные исходы.

Рисунки В. Кенцыбовой.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

ОТВЕТЫ НА КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИГРЕКА

1. В задаче имеется $5 + 12 + 9 = 26$ равновозможных исходов. Поэтому вероятности равны а) $^{12}/_{26} = {^6}/_{13}$; б) $^5/_{26}$; в) $^9/_{26}$; г) $^7/_{13}$.

2. Посмотри на таблицу, и тебе будет ясен ответ. Черные шары носят номера 1, 2, 3, белые — 4, 5, 6, 7. Слева номера и цвет шаров при первом вынимании, вверху — при втором. Пары букв показывают цвет вытащенных двух шаров (левая буква относится к первому выниманию).

	1(Ч)	2(Ч)	3(Ч)	4(Б)	5(Б)	6(Б)	7(Б)
1(Ч)	ЧЧ	ЧЧ	ЧЧ	ЧБ	ЧБ	ЧБ	ЧБ
2(Ч)	ЧЧ	ЧЧ	ЧЧ	ЧБ	ЧБ	ЧБ	ЧБ
3(Ч)	ЧЧ	ЧЧ	ЧЧ	ЧБ	ЧБ	ЧБ	ЧБ
4(Б)	БЧ	БЧ	БЧ	ББ	ББ	ББ	ББ
5(Б)	БЧ	БЧ	БЧ	ББ	ББ	ББ	ББ
6(Б)	БЧ	БЧ	БЧ	ББ	ББ	ББ	ББ
7(Б)	БЧ	БЧ	БЧ	ББ	ББ	ББ	ББ

Все 49 исходов равновозможны. Вероятность появления двух черных шаров равна $^9/_{49}$, двух белых — $^{16}/_{49}$, черного и белого — $^{24}/_{49}$.

3. Вероятности равно а) $^{33}/_{49}$, б) $^{40}/_{49}$; в) $^3/_7$; г) $^4/_7$. Обратите внимание, что в в) и г) ответ тот же, что и при одном испытании.

Как ты думаешь, что нарисовал художник Б. Кыштымов внизу страницы?

ПИСЬМО НИНЫ МАТВЕЕВОЙ

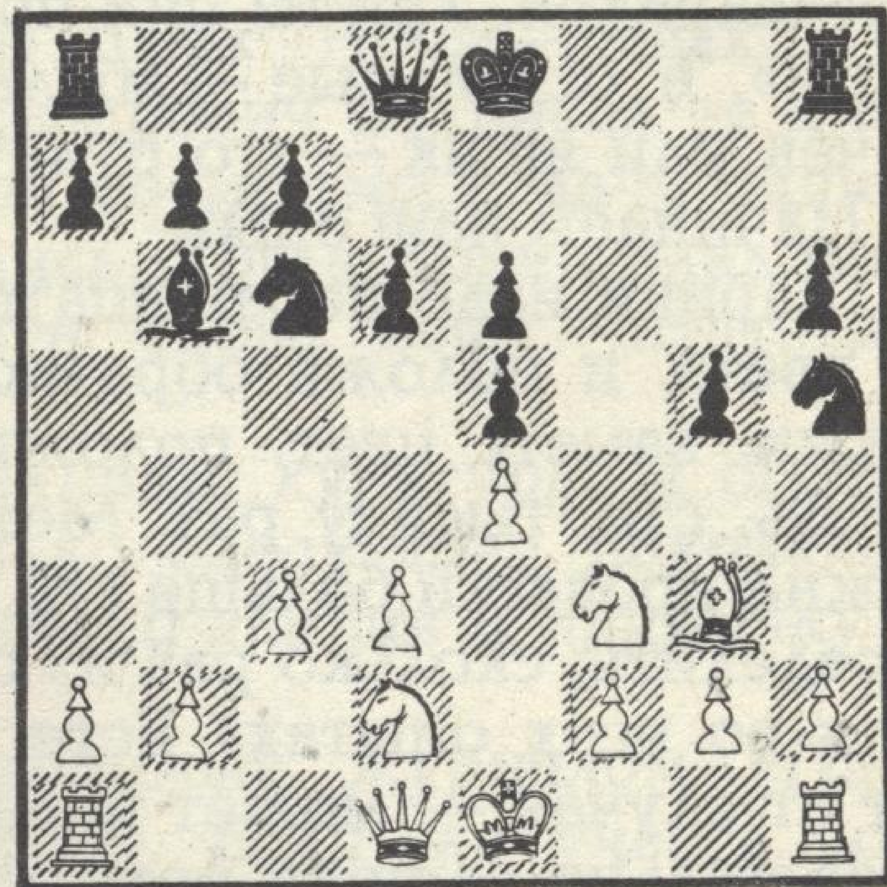
Пешкин сразу заметил это письмо. Оно пришло из Новосибирска. Очень серьезный вопрос у Нины Матвеевой: «У нас в школе девочки в шахматы играют очень редко. Я хотела записаться в турнир, а ребята стали смеяться — куда тебе! Теперь я играю только дома, с младшим братом Сережей, а он всего-навсего правила знает. Посоветуй мне, Пешкин, как стать хорошей шахматисткой».

Пешкин вспомнил, что во владимирской школе-интернате учится Таня Волкова. Она имеет первый разряд и участвовала во многих соревнованиях. Пешкин прочитал Тане по телефону Нинино письмо, и Таня вот что ответила:

— Те ребята, которые над девочками смеются, конечно, неправы, но я бы не стала на это обращать внимание. Я тоже раньше играла в шахматы только дома, с соседом. А в школе побаивалась. Но один раз у нас проводили первенство школы, и в команде каждого класса должна была играть девочка. Мои подружки сказали, что я неплохо играю. Не могла же я подвести класс, вот я и выступила. А потом стала заниматься в детской спортивной школе. Теперь у меня первый спортивный разряд.

ХИТРАЯ ЛОВУШКА

А теперь посмотрите, какую хитрую ловушку придумала Таня Волкова в партии с брянской школьницей Лизой Верховской. Таня и Лиза встретились в полуфинале первенства РСФСР среди юных шахматисток.

Последний ход черных был 11... Кf6 — h5. Лиза решила, что этот ход ошибочен, и... попалась в хорошо замаскированную ловушку.

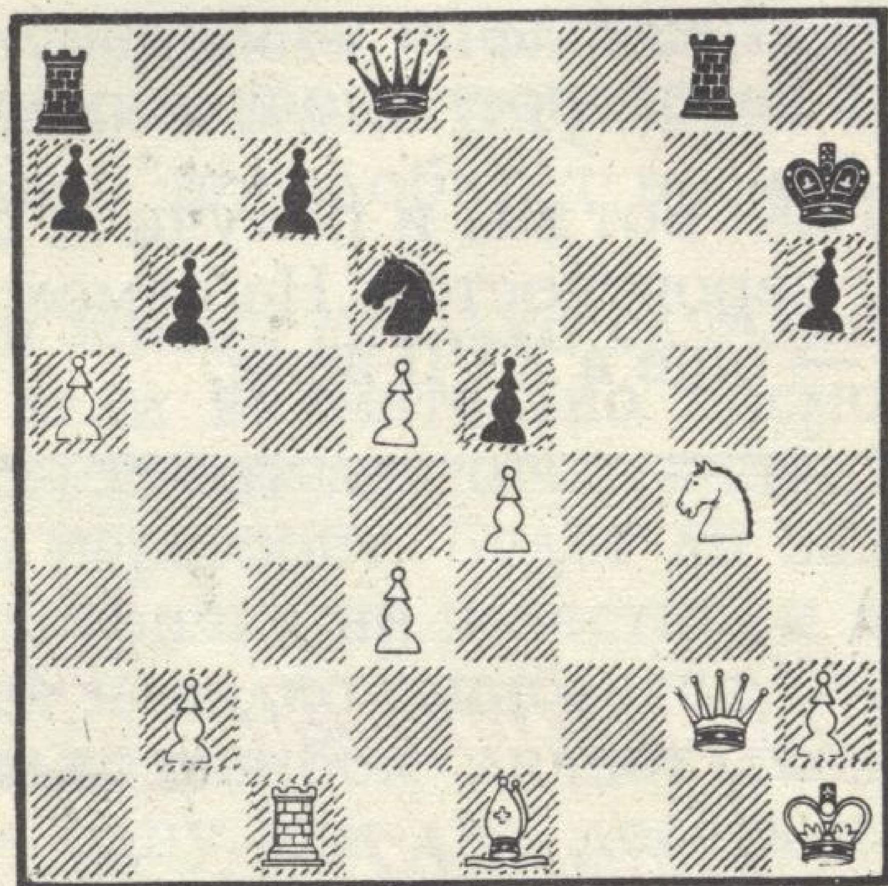
12. Кf3 : e5? (надо было играть 12. Кc4) 12... Кh5 : g3 13. Кe5 : c6 Фd8 — f6! (этот ход белые не заметили, грозит мат на f2, и ладью h1 не спасти) 14. Фd1 — f3 Фf6 : f3 15. Кe5 : f3 Кg3 : h1. Белые сдались.

ЧТО ТАКОЕ ЛОВУШКА

Об этом просит рассказать Витя Арцукевич из Донецка. И еще он хочет знать, как ее обезвредить.

Шахматные ловушки обычно рассчитаны на очевидные, само собой разумеющиеся ходы.

Эта позиция возникла в партии, которую на Спартакиаде школьников РСФСР сыграли недавно Лена Можаева из Ярославля и Оля Белкина из Туапсе.

Самый естественный ход у черных — 21... h6 — h5. Кажется, что белые проигрывают фигуру. Оля сделала ход 21... h6 — h5 и попала в ловушку. Правильно было бы 21... Фe7.

Вот как продолжалась партия: 22. Фg2 — h3! Фd8 — g5 (или 22... Л : g4 23. Ф : h5 +, и белые заби-

рают ладью g4) 23. Лc1 : c7 + Kph7 — h8?

Оля растерялась. После 23... Лg8 — g7 возникали очень интересные варианты, черные могли еще упорно сражаться.

24. Ce1 — h4! Фg5 : g4 25. Ch4 — f6 + Лg8 — g7 26. Фh3 : g4 h5 : g4 27. Cf6 : g7 + Kph8 — g8 28. Cg7 : e5, и белые одержали победу.

Но строить игру в расчете на ошибки противника неправильно. Если противник не попадется в ловушку, вы сами можете оказаться в беде. Вот посмотрите, как сыграли в турнире ростовских школьников Альбина Солодуха из Белой Калитвы и Оля Ковалева, ученица 53-й ростовской школы.

1. e2 — e4 e7 — e5 2. Kg1 — f3 Kb8 — c6 3. Cf1 — c4 d7 — d6 4. Kb1 — c3 Cc8 — g4 5. Kf3 : e5? Cg4 : d1? 6. Cc4 : f7 + Kpe8 — e7 7. Kc3 — d5. Мат.

Об этой комбинации, которая называется «мат Легаля», Пешкин вам уже рассказывал. Почему же он «украсил» вопросительными знаками пятый ход белых и черных?

Все объясняется просто. Ход 5. Kf3 : e5? был ловушкой. Оля Ковалева не разобралась в позиции и поторопилась взять ферзя. А после простого 5... Kc6 : e5 белые оставались без фигуры, ловушка привела бы их к поражению.

Подумайте, какое начало партии сделало бы ход 5. Kf3 : e5, с жертвой ферзя, правильным, и пришлите Пешкину свои предложения.

О НАШЕМ КОНКУРСЕ

Вы уже знаете (мы сообщали об этом), что судейская коллегия подводит итоги заочного конкурса. Пешкин отмечает особо отличные результаты Володи Антонова (Алтайский край), Сережи Семенчина (Ленинград), Вани Шевченко (совхоз «Коммунар», Алтайский край), Бори Телкова (Геленджик), Сережи Пацкевича и Васи Тихонова (Красноярск), Сережи Харина (Ставропольский край), Марины Голыровой (Владивосток).

КАК РЕШАЮТСЯ ЗАДАЧИ

Журнал № 7. Пятиходовка. 1. Лa1! g4 2. Kb1! Ke2 3. Kc3 + Kg1 4. Kcd1 Ke2 5. Kf2. Мат.

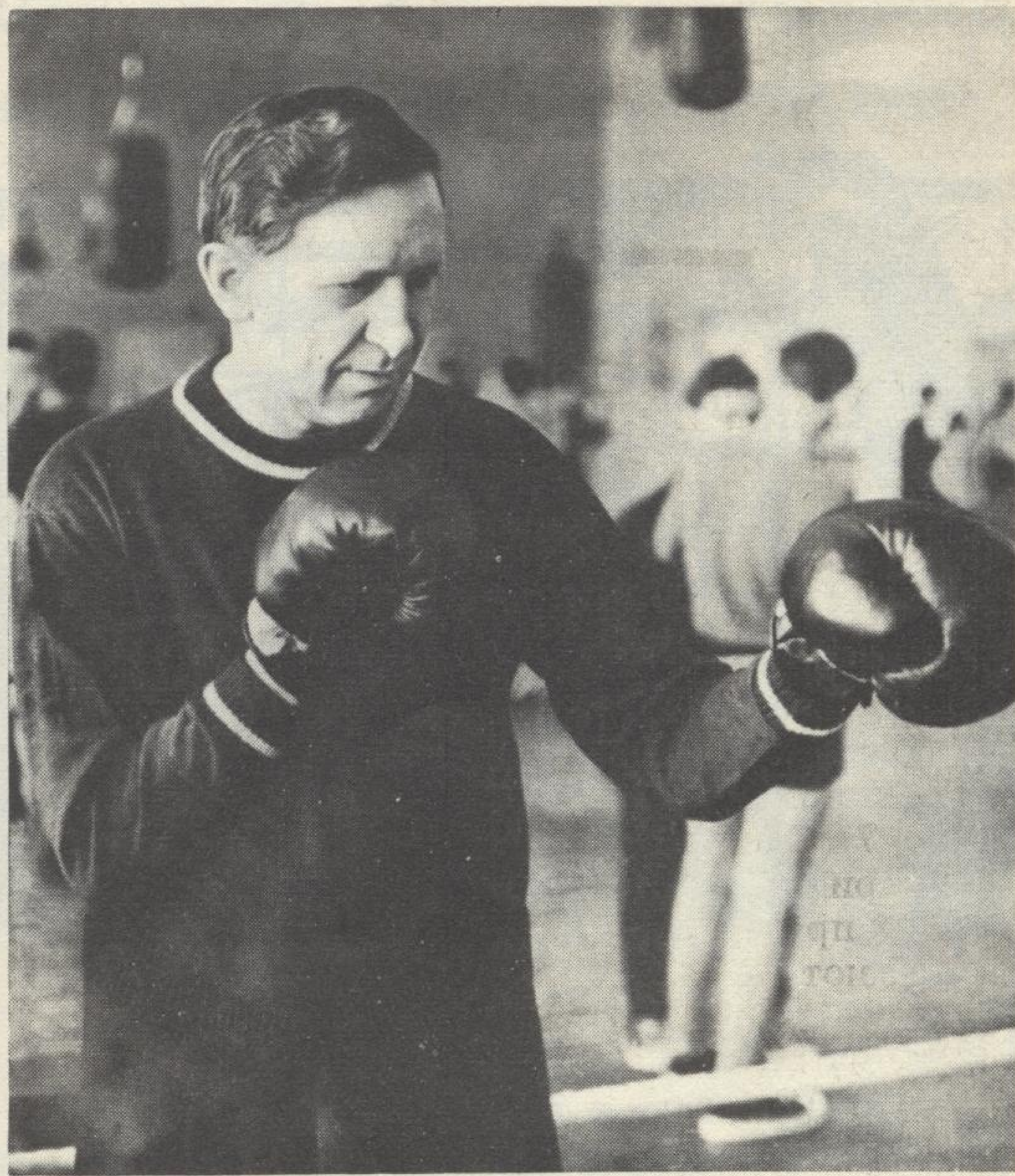
Этюд. 1. C : h4 ab 2. Cf6! и т. д.

Дополнительные задачи конкурса решаются так:

а) при короле на b2 — 1. Фb3.

б) при короле на b8 — 1. Лg3.

ШАХМАТЫ НАДО ЛЮБИТЬ

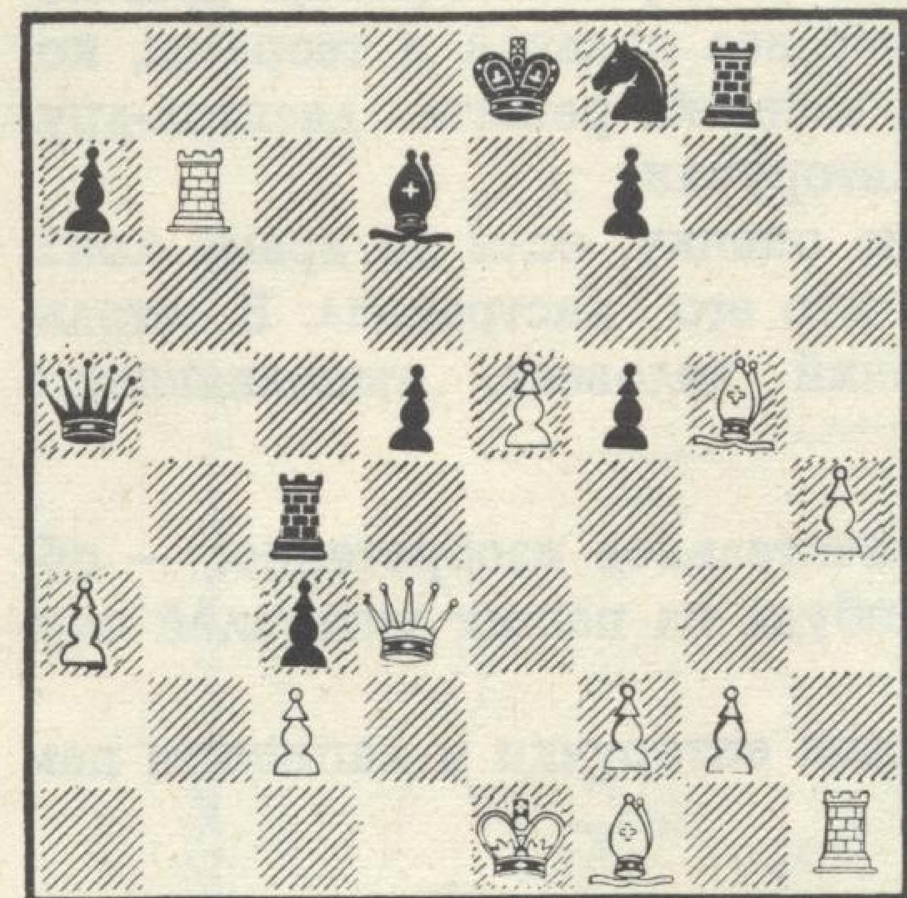

Ты, наверное, давно знаешь этого человека и удивляешься: почему это он в боксерских перчатках, а не за шахматной доской? Шахматный гроссмейстер Василий Васильевич Смыслов говорит, что бокс учит его искусству маневра, умению планировать операции. И еще дает хорошую физическую закалку, а в каждом турнире, в каждом матче надо иметь большой запас физических сил.

Василий Смыслов — шахматист удивительно интересный. Отлично планирует он события на шахматной доске. Он умеет искать новые пути в давно изученных позициях. Последовательны и логичны его партии, все в них кажется простым и ясным. Смотришь, как играет Смыслов, и думаешь: ничего особенного, и ты бы сделал те же ходы, сыграл, как Смыслов!

Все просто? Но эта простота свидетельствует о великолепном искусстве, о замечательной технике. Этой простоте трудно, почти невозможно подражать.

Смыслов умеет предвидеть то, что произойдет на шахматной доске, далеко и точно считает варианты.

Вот какая позиция возникла в одной из партий матча на первенство мира в 1954 году. В. Смыслов играл ее с М. Ботвинником.

Ботвинник рассчитывал осложнить борьбу после шаха ладьей на e4. Замысел этот опровергла неожиданная для противника, но заранее предусмотренная Смысловым жертва ферзя.

Вот что произошло в партии: 18... Лc4—e4 19. Фd3 : e4! d5 : e4; 20. Лb7—b8+Cd7—c8; 21. Cf1—b5 + Фa5 : b5; 22. Лd8 : b5 (преимущество белых стало очевидным); 22... kf8—e6; 23. Cg5—f6 Лg8 : g2; 24. h4 — h5 Cc8 — a6; 25. h5 — h6.

Марш этой храброй пешки сокращает оборону черных. Ботвинник признал себя побежденным.

Имя Василия Смыслова знакомо любителям шахмат во всех странах мира. Смыслов — выдающийся советский гроссмейстер. Он побеждал в крупнейших соревнованиях, он был обладателем шахматной короны мира.

А начинал он свой шахматный путь на школьных турнирах, в сражениях с друзьями. Василий Васильевич рассказывает, что он никогда не боялся поражений, смело вел борьбу с сильными противниками.

Впервые в турнире московских мастеров Василий Смыслов выступал в семнадцать лет. Включили его для того, чтобы он набрался шахматного ума-разума. Но произошло неожиданное. Опытные мастера потерпели поражения в острых и трудных поединках со Смысловым. И школьник стал чемпионом столицы. Было это в 1939 году.

Смыслов и сейчас в строю «действующих» гроссмейстеров. По-прежнему радует он любителей шахмат своими спортивными и творческими победами.

Всем читателям журнала «Пионер» Василий Васильевич Смыслов просил передать вот что: «Желаю больших успехов любителям шахмат. Уверен, что среди вас, друзья, немало будущих гроссмейстеров и мастеров.

ЛЮБИТЕ ШАХМАТЫ, И ОНИ ДАДУТ ВАМ МНОГО ТВОРЧЕСКИХ РАДОСТЕЙ И РАДОСТЕЙ ПОБЕД!»

— Прошу слова,— потребовала Балаболка.

— Как! — возмутилась бабушка Белобока.— Я еще не открыла заседание, а вы уже собираетесь говорить?

Что за новости?

— Сейчас услышите,— пообещала Балаболка и объявила:

Новость первая

Проверьте свои авторучки!

Недавно некоторые канцелярские магазины начали продавать секретный прибор, сконструированный известным изобретателем, пожелавшим остаться неизвестным. Изобретение имеет кодовое название «Автономный аппарат для выполнения на «хорошо» и «отлично» контрольных работ по математике, физике и химии». По внешнему виду прибор так похож на обыкновенную автоматическую или шариковую ручку, что не только учителя, но даже и продавцы не в состоянии их различить. Однако человек, вооруженный таким аппаратом, способен совершенно автономно (то есть независимо от того, сидит ли рядом отличник) решить самую трудную задачу. Для этого нужно только предварительно настроить прибор. Для настройки аппарата необходимо объяснить ему все правила и теоремы, которые нужно знать к контрольной работе, а также решить десяток-другой задач, пользуясь прибором в качестве авторучки.

Изобретатель гарантирует положительную оценку, если во время контрольной прибором будет пользоваться тот, кто его настраивал. В остальных случаях оценка будет зависеть от знаний человека, выполняющего контрольную.

— Какая интересная новость! Какое замечательное изобретение! — обрадовалась Неумейка.— Может быть, кто-нибудь из наших читателей случайно уже приобрел такой аппарат?

— Вполне вероятно. Ребята! Проверьте свои авторучки и напишите нам о результатах проверки.

Новость вторая

Ещё один язык!

Недавно ученые города Сорочанска установили, почему пятиклассники братья С. и О. Рокины дерутся между собой не менее двух раз в день. Причина драк, по мнению ученых, таится в том, что братья разговаривают на языке неизвестного племени дуль-буль (некоторые ошибочно называют его буль-дуль). Специальная комиссия установила, что дуль-бульской письменности не существует, так как в ней нет никакой необходимости, ибо из-за одной особенности языка дуль-буль на нем все равно невозможно писать. Эта особенность заключается в том, что разговаривающие по-дуль-бульски не пользуются ни мимикой, ни жестами, ни звуками и абсолютно не понимают друг друга.

— Такого языка не может быть,— сказал Непонимайка.

— В том-то и дело,— живо согласилась Балаболка.— Если бы я рассказывала о том, что может быть, так это были бы обыкновенные новости.

— А по-моему, в том, что ты сегодня рассказала, и так нет ничего необыкновенного. Нередко бывает, что люди говорят на обычном языке, на русском, французском или польском, например, и не понимают друг друга.

— А не можете ли вы, уважаемая Всезнайка, привести примеры, очень уж странно звучит ваше заявление.

— Сколько угодно. Недавно я читала по-польски книжку «Говорят и рисуют дети». Приведу примеры оттуда.

Пример 1

Шестилетняя Крыся впервые попала в деревню. С интересом рассматривает поросенка.

— Мама, что это?

— Свинья.

— А что она такое сделала?

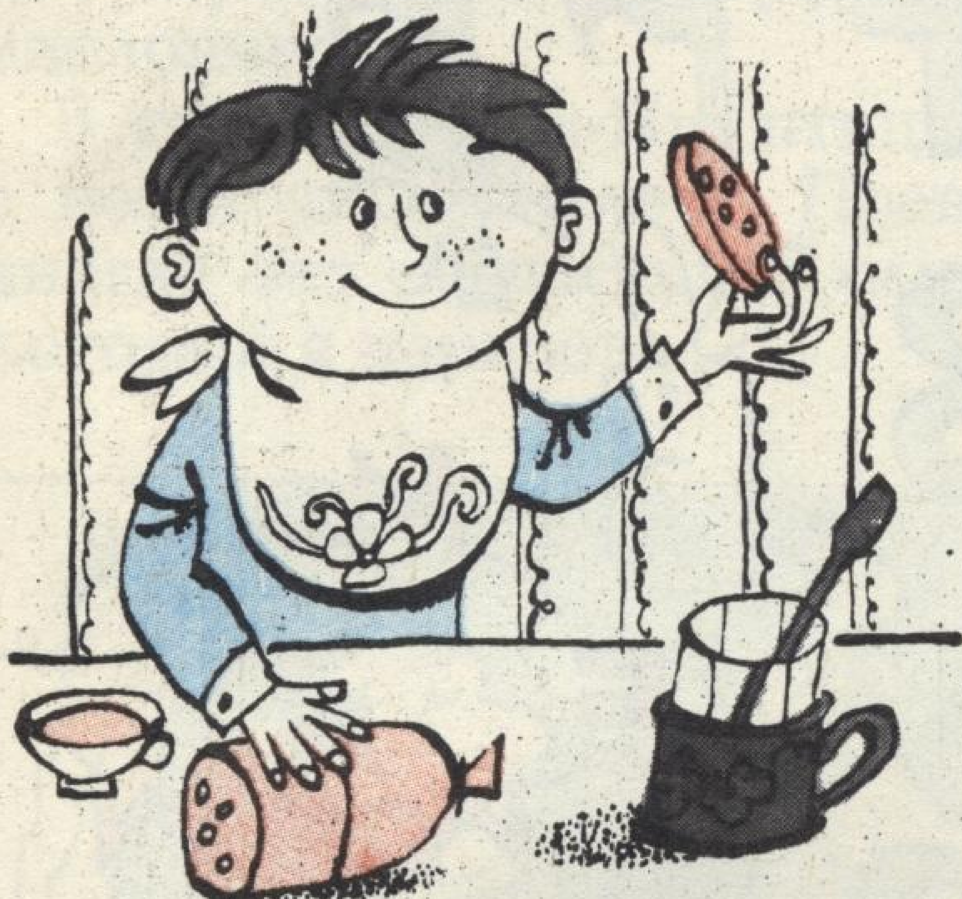

Пример 2

Ясю три года с половиной.

— Ясь, не ешь колбасу со шкуркой! Дай, я очищу.

— Не нужно. Ты же сама говорила, что в шкурке все витамины.

Пример 3

Бася (ей шесть лет) просит продавщицу в магазине, чтобы та отложила булку, за которой потом придет мама.

— Но я не знаю твоей мамы, не знаю, как она выглядит...

— Ничего. Когда мама придет, вы увидите, как она выглядит.

Ну, так это дети не понимают. Они еще маленькие...

— По-моему, дело не только в этом,— возразила Всезнайка.— Взрослые тоже иногда не понимают друг друга или делают вид, что не понимают. Вот, например, восточная шутка:

«— О, учитель! Почему охотник, когда стреляет, закрывает один глаз?

— Потому что если он закроет оба, то ничего не увидит».

— Как это печально,— проговорила Несмеяна,— что все языки похожи на дуль-бульский и люди не понимают друг друга!

— Ну, что ты, Несмеяна! Конечно, недоразумения бывают, но они почти всегда выясняются. И тогда бывает весело.

— А почему бывают такие недоразумения?

— Это очень интересный вопрос! — вмешалась Белобока.— И мне бы хотелось, чтобы на него попробовали ответить ребята.

ПОЧЕМУ В ПРИМЕРАХ ВСЕЗНАЙКИ СОБЕСЕДНИКИ НЕ ПОНЯЛИ ДРУГ ДРУГА?

ЧТО ИМЕЛ В ВИДУ КАЖДЫЙ ИЗ СОБЕСЕДНИКОВ В ПРИМЕРЕ № 1, № 2 И Т. Д. ЭТО НАШЕ ПЕРВОЕ ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ.

Рисунки А. БОРИСОВА.

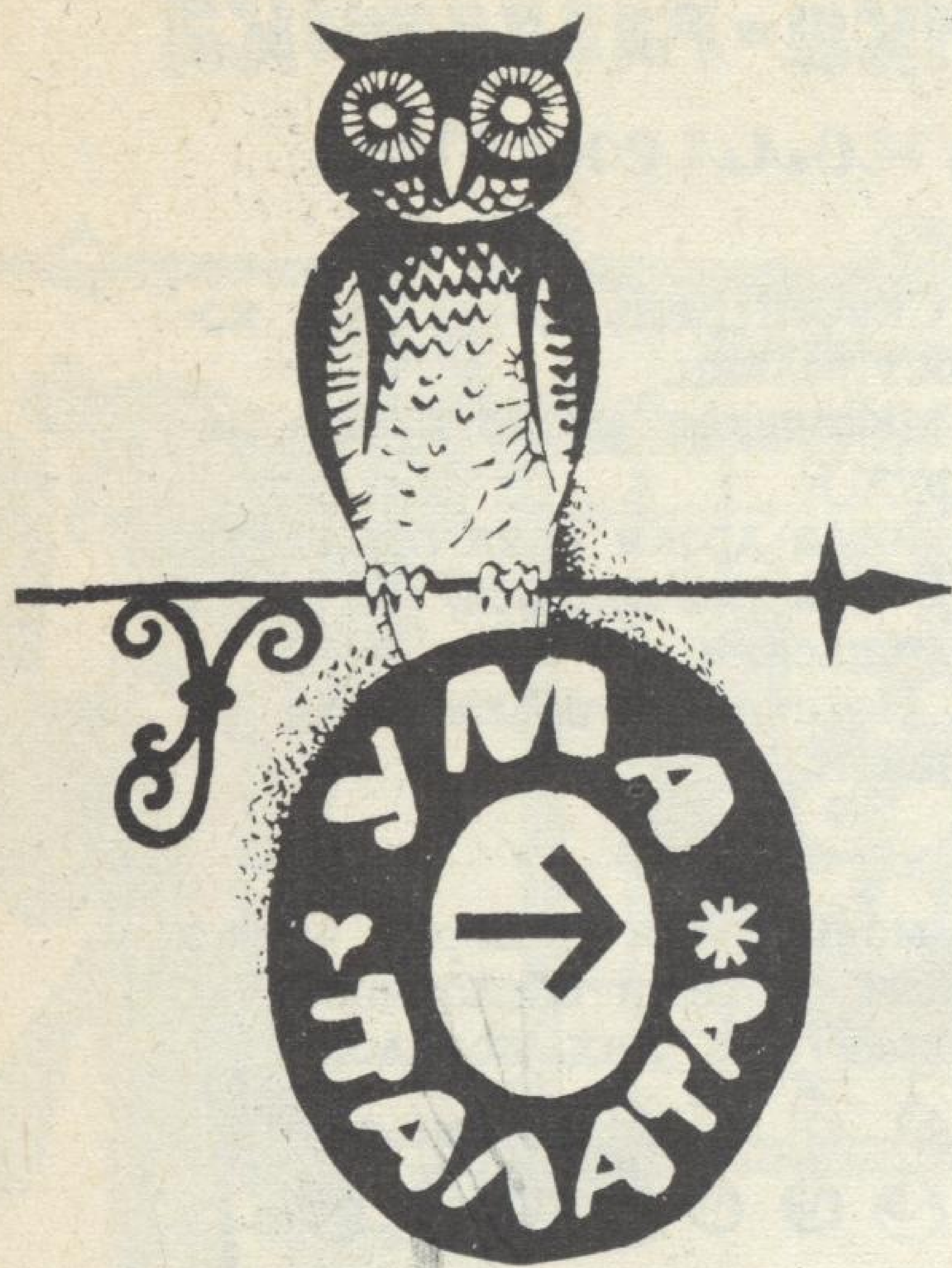
Пускай ещё СОБЕРИКА-РАЗБЕРИКА даст задание из своей коллекции

Недавно наши сороки-близнецы Бел и Берда привезли из фольклорной экспедиции новые пословицы:

1. Старый друг лучше большого таракана.
2. Два сапога пара, да оба в воду упали.
3. У семи нянек кулаками машут.
4. Держался авоська за небоську, и оба на левую ногу.
5. Чем хвалишься, от того и наберешься.
6. Скучен день до вечера, коли хвост телкин.
7. Маленькая рыбка лучше новых двух.
8. После драки дитя без глазу.
9. С кем поведешься, на том и провалишься.
10. Не суйся в волки, коли делать нечего.

По-моему, Бел и Берда что-то напутали с этими пословицами.

Наведите в них порядок.

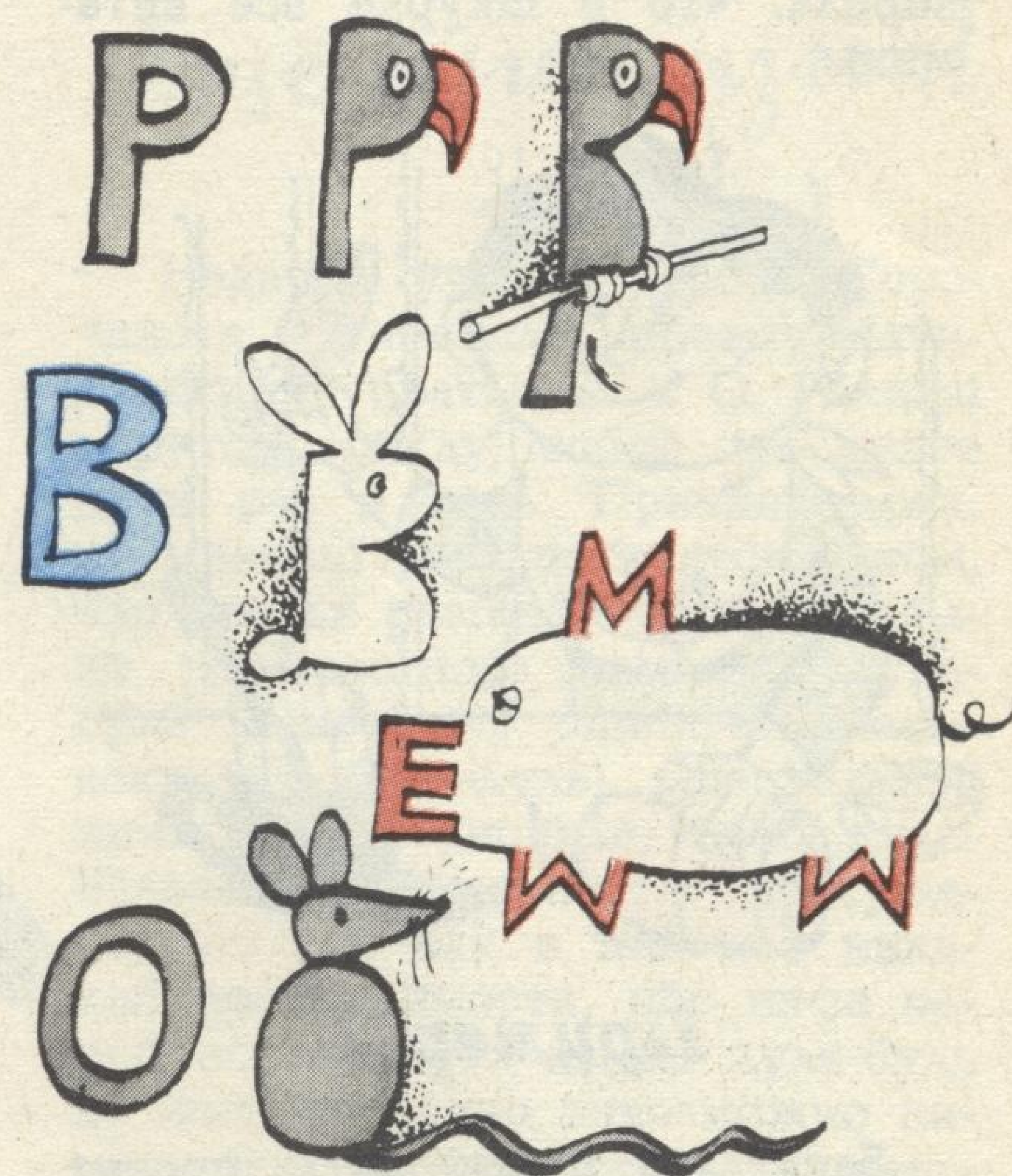
ОЖИВЛЯЕМ БУКВЫ

Игры Деда-Буквоеда

Раз-два-три-четыре-пять,
Начинаем рисовать!
Но не просто рисовать,
Будем буквы оживлять.
Перед вами, например,
Попугай из буквы «р»,
Буква «в» с хвостом, с ушами,
Кто она, скажите сами.
Буква «м» и буква «е»
Очень нравятся свинье.
Букву «о» в плутовку мышь
Превратит любой малыш!
Предлагаю вам, друзья,
Буквы все от «а» до «я»
Оживить! И результаты
Положить на стол «в Палату»!

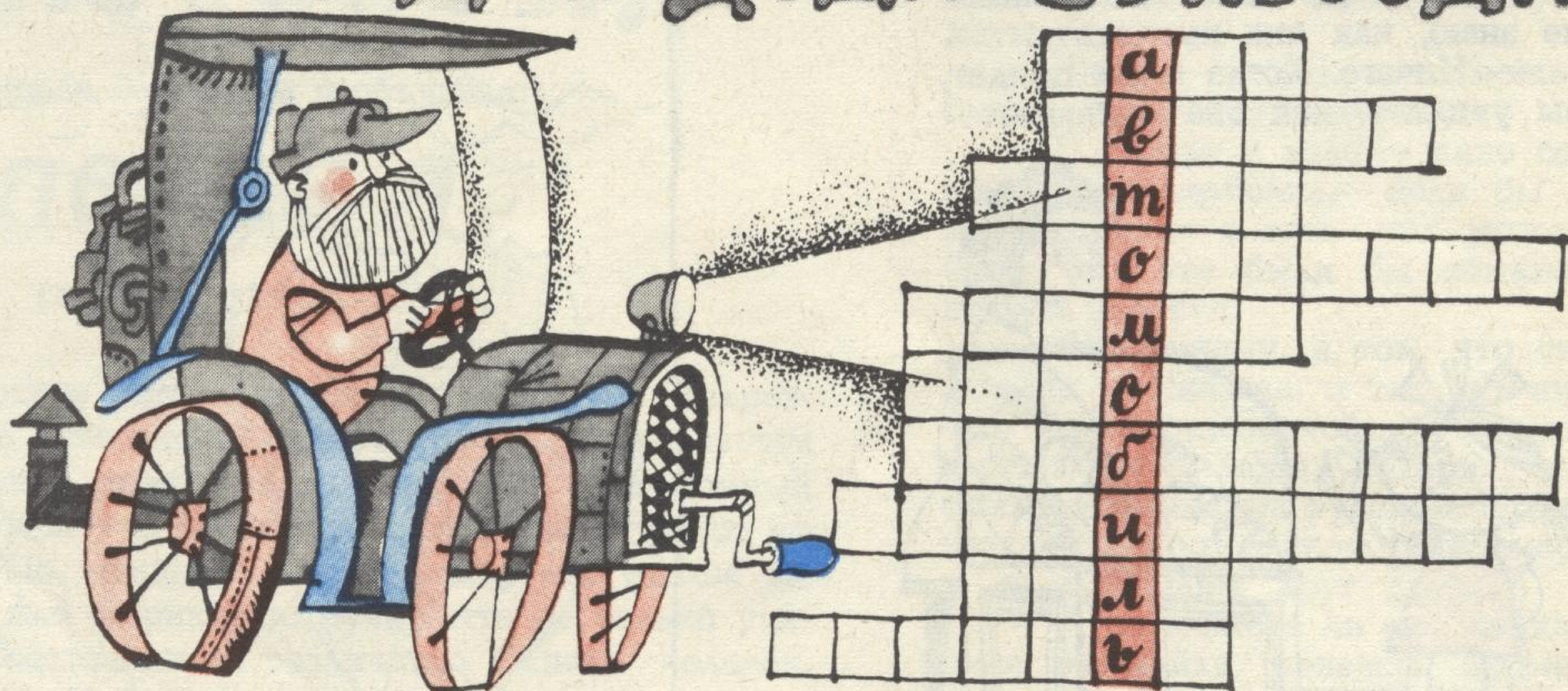
ДЕД-БУКВОЕД

Ответственный дежурный
Н. РАЗГОВОРОВ

АВТОМОБИЛЬ ДЛЯ ДЕДА-БУКВОЕДА

Дорогие друзья! Многие из вас помогли нам из запасных частей собрать велосипед для Деда-Буквоеда. Но для поездок в далекие города и села к нашим читателям Деду очень бы пригодился автомобиль. Попробуем собрать его из запчастей.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

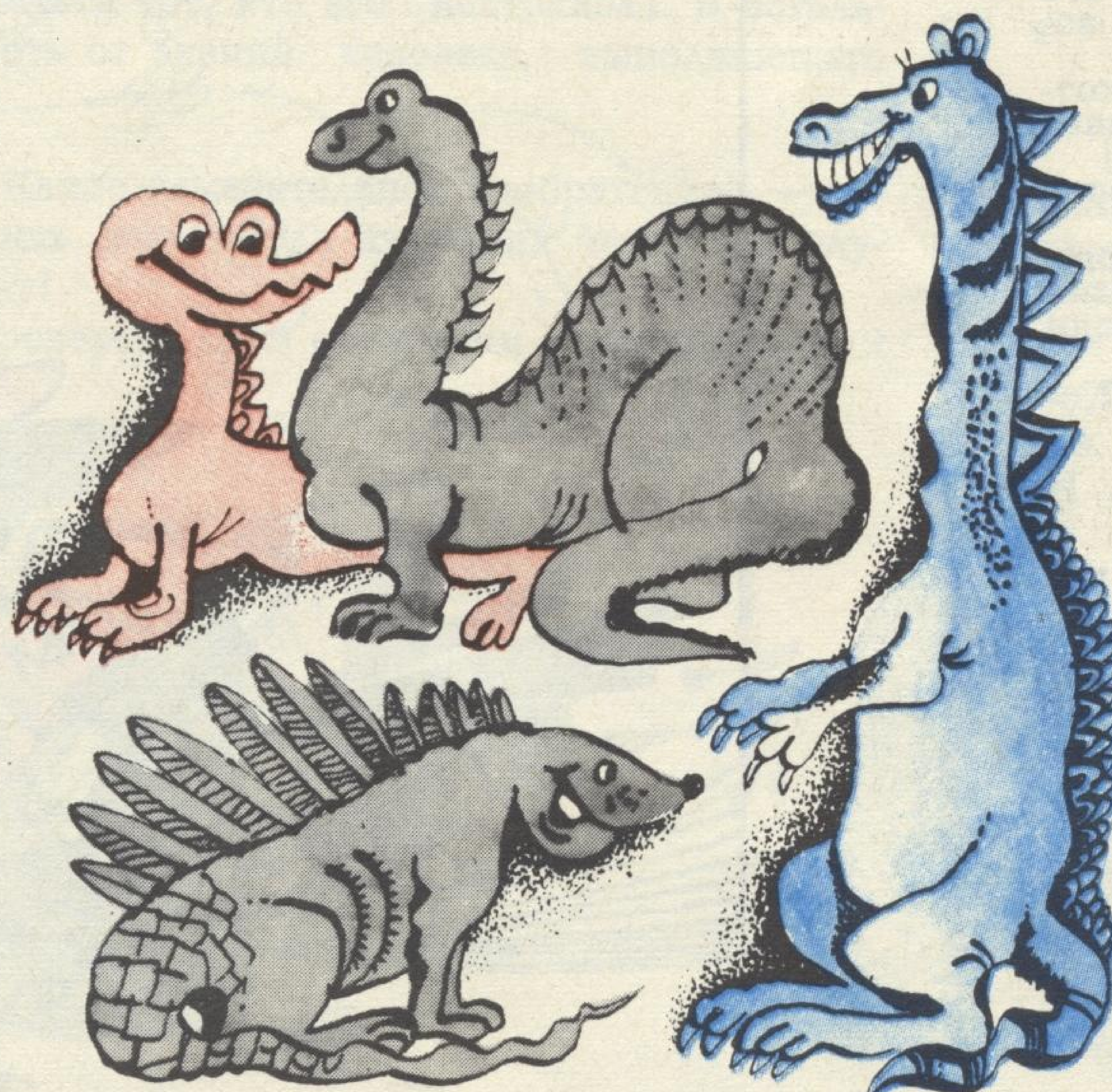
Просьба ко всем, всем, всем нашим читателям! Вы знаете много интересных подвижных игр, в которые играете во дворе. Присылайте их в «Палату Ума».

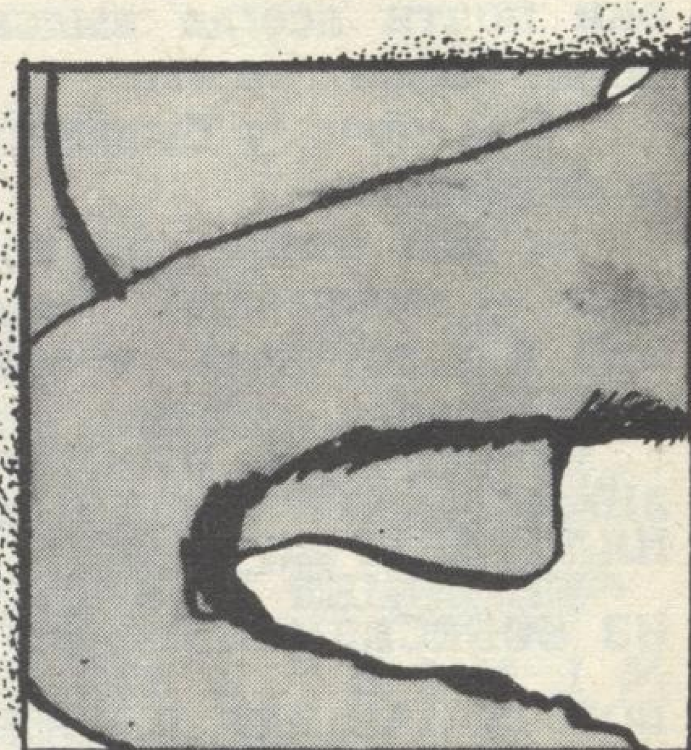
Лучшие игры мы опубликуем.

Поздравляем всех ребят, приславших нам совершенно правильные ответы на задачи «Крик на рассвете» и «Портрет пирата».

ИХТИОЗАВРЫ НЕ КУСАЮТСЯ!

А тем более нарисованные. Поэтому вы можете смело рассматривать четырех допотопных чудовищ, а заодно и подумать, что изображено в рамке справа.

С БЛОКНОТОМ В СТРАНУ НУ-и-НУ

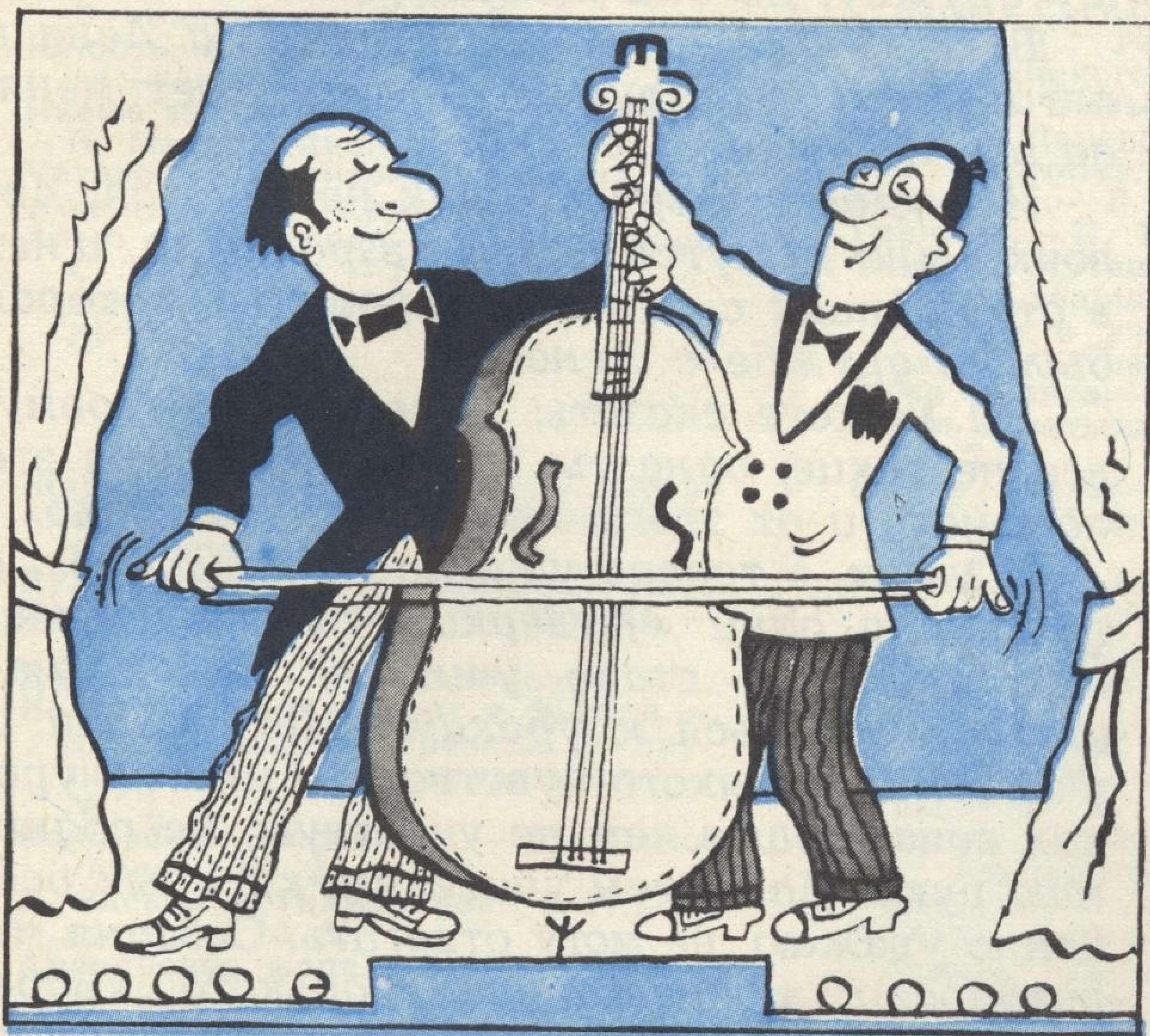
Сообщение Живживки, нашего лесного корреспондента

Недавно я снова побывал в стране Ну-и-Ну и сделал там много рисунков. Вот, например, два музыканта, которые играют на одной виолончели.

В стране Ну-и-Ну птицы не вьют гнезд, а несут яйца на лету. Правда, не обходится иногда без несчастных случаев, вроде того, который я нарисовал.

Когда я вернулся домой, то, к своему удивлению, обнаружил, что на всех моих эскизах обязательно есть семь одинаковых деталей, которые переходят из одного рисунка в другой. Если не верите, посмотрите внимательно на рисунки, и вы убедитесь, что я прав.

Ваш **ЖИВЖИВКА**

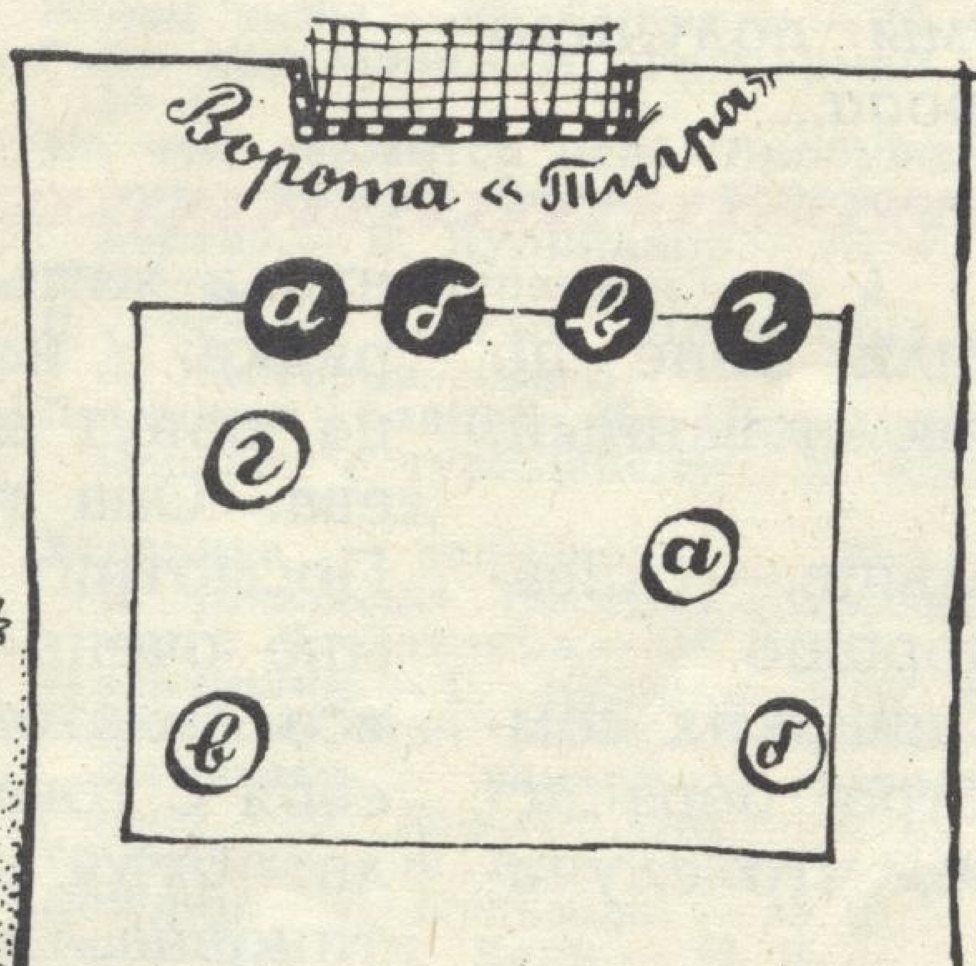
Рисунки А. БОРИСОВА.

ПЕРВАЯ ШАЙБА БАРСА!

Много волнений доставило зрителям начало встречи на хоккейной площадке между командами «Тигр» и «Пантера». На третьей минуте нападающий «Тигра» Барс (Б) и защитники «Пантеры» (А, В, Г) занимали на площадке места, обозначенные на рисунке белыми кружками. На четвертой минуте они заняли места, обозначенные на рисунке черными кружками. Вот из этого положения Барс и послал сильным броском шайбу в ворота.

Как же передвигался по площадке каждый игрок, если известно, что их пути ни разу не пересекались и не выходили за пределы очерченного квадрата?

Ответы на задачи из № 11

Кто победил

Присмотритесь к характеру трещинок. Очевидно, шарик. А был брошен первым, так как лучи от него упираются в сторону таза; шарик В — вторым, так как один из его лучей упирается в луч А; шарик Г — третьим: его лучи доходят до лучей А и В; шарик Б — четвертым, так как его лучи касаются лучей Г и В. Зная это, нетрудно распределить места между игроками.

На первом месте оказался НУТ, так как от его шарика, брошенного третьим, больше всего лучей.

Игра Деда-Буквоеда

Вот какие слова должны получиться: русалка, караул, акула, кентавр, нектар, катер, река, дракон, народ, орда.

Я воспитывалась у бабушки. Такой бабушки, как моя, вовек не сыскать. Она умела вырезать из бумаги зверей и птиц. Хорошо рассказывала сказки и всякие истории. А как она была добра и ласкова!

Когда мы с бабушкой шли за водой, я брала с собой маленькое ведерко и тоже несла воду. Если бабушка начинала стирать, и я стирала рядом с ней. Мы жили в деревне, все было там так хорошо. И бабушка была моим самым лучшим другом.

Когда я пошла в школу, бабушка неожиданно тяжело заболела, слегла и не смогла больше ходить. Мне было очень горько переносить это горе. Пришлось мне уехать в город к маме, а к бабушке мы все время ездили, навещали ее.

В городе я подружилась с Леной. Она на год меня младше и тоже стеснительная, как я, но играть с ней весело и обо всем можно было поговорить, поделиться. Мы вместе ходили в школу, вместе гуляли, вместе придумывали разные истории и очень редко ссорились. Мы не жалели друг для друга ничего. И снова мне было хорошо, как в деревне, только по бабушке я скучала.

Но вот я перешла в пятый класс, стала учиться в первую смену. А Лена (она училась в четвертом классе) во вторую смену, и мы мало встречались. Тут мы получили квартиру в другой стороне города...

В школу я стала ходить с другой девочкой, Таней. Таня из нашего класса, но живет в другом доме, и у нее есть другие подруги. Она не ходила со мной гулять, не ходила кататься на лыжах. Как-то она попросила меня дать ей лыжи, а кататься пошла с другими девочками. Потом мы стали только ходить вместе в школу, иногда.

Из своего дома я ни с кем не сумела подружиться. По вечерам сидела и плакала. Я не знала, как выразить свои чувства, и стала писать стихи, но ничего из этого не получилось. Писала Лене письма, вспоминая нашу дружбу, но она не отвечала.

Вот я учусь в шестом классе, а Лена в пятом, по соседству, но она избегает меня, да и я не лучше.

И в классе у меня никак не ладится. Девочки мне кажутся больно взрослыми, и нет в отношениях с ними той простоты, которая была в дружбе с Леной.

Вы можете сказать: «Что же, по-твоему, все не такие, одна ты такая?» Я и сама это понимаю, и от этого мне особенно горько.

И учусь я теперь уже не на «отлично», а только на одни «четверки». Много болела? Нет. Сложней стало учиться? Нет. Хуже стала относиться к урокам? Нет. Стала я учиться без всякого чувства. На многих уроках совсем ни в чем не участвую, не поднимаю руки. Даже тем учителям, которых особенно уважаю, не могу ответить. Сегодня мы разбирали произведение Горького «Буревестник». Не могу я слушать его спокойно. Посмотрела я на учительницу, наши взгляды встретились, я смутилась, почему, не знаю. Учительница с большим чувством читала. Я взяла себя в руки, улыбнулась ей. Когда я улыбаюсь, мне легче успокоиться. А она меня не поняла. Кончила читать и говорит: «Шукалова, не смеяться надо, а работать».

Теперь я стараюсь на уроках вести себя совершенно спокойно, но по-прежнему не могу ни в чем активно участвовать. Почему же это? Почему так трудно мне теперь живется? Может, это переходный возраст, как говорит мама? А я так хочу вернуть свое первое детство!

Зина Шукалова,
г. Волхов

ОТ РЕДАКЦИИ:

Прошло время, мы позвонили Зине по телефону. Голос у нее был взволнованный, но веселый и бодрый.

— Вы не беспокойтесь больше,— сказала Зина.— У меня все теперь хорошо.

И чтобы у нас не осталось никаких сомнений, она стала быстро-быстро перечислять все хорошее и радостное, что случилось с ней за это время.

— С Леной все наладилось. Встретились, поговорили, снова дружим... Бабушка переехала жить в наш город... В школе все в порядке. У нас есть очень хорошая учительница, зовут ее Нина Константиновна Тимофеева. Она такая добрая, доброжелательная... Посмотрит на тебя, и все сразу поймет. Она мне очень помогла, разговаривала со мной, все советовала не мудрить, попроще вести себя с товарищами... Я теперь тоже надумала: буду учительницей, как Нина Константиновна. Маме нравится мой выбор. Мама говорит: «Вот видишь, я так и думала, что все у тебя будет хорошо».

Содержание журнала «Пионер» за 1971 год

Первые чудеса кино.— А. Митта.— № 9.
В мастерской сказки.— А. Митта.— № 10.
Совсем немного об азбуке кино.— А. Митта.— № 11.

РАССКАЗЫ О ЛИТЕРАТУРЕ.—
Ст. Рассадин, Б. Сарнов

«Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!..».— № 2.
Шесть Наполеонов и двенадцать стульев.— № 6.
Шел в комнату, попал в другую.— № 7.
Магический кристалл.— № 8.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

Деловые беседы и «вкусные» разговоры (о С. Т. Григорьеве) — П. Кузьмичев.— № 1.
Детские годы поэта Михаила Кульчицкого.—Б. Слуцкий.—№ 6.
Встреча с «Айвенго».— Н. Доброхотова.—№ 8.
Поэтичный талант (к 80-летию Р. Фраермана).— М. Прилежаева.— № 9.
Маленькая женщина, вызвавшая большую войну (к 160-летию со дня рождения Г. Бичер Стоу).— Р. Орлова.— № 10.
Эхо бесшумных шагов (к 70-летию Е. Чарушина).— Н. Надеждина.— № 11.
Слово, которое не стареет (к 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова).— Ю. Новикова.— № 12.

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

Рассказывает писательница Л. Воронкова. Новые книги.— № 1.
Рассказывает писатель А. Маркуша. Робинзоны лагеря Пурмане.— С. Богатырева. **Новые книги.**— № 5.
Сказка о девочке Элли и ее друзьях.— А. Волков. **Тихие звезды стихов** (о книге В. Берестова «Зимние звезды»).— С. Артамонов. **Новые книги.**— № 7.
Однажды в детстве я прочитал книгу... (Е. Рубцова о книге К. Тимирязева «Жизнь растений»: И. Сосновский о книге А. Брэма «Жизнь животных», Ф. Бурлацкий о книге Е. Тарле «Наполеон», А. Шмидт о книге А. Ферсмана «Занимательная минералогия». Г. Файбусович о книге Поля де Крайфа «Охотники за микробами», А. Масевич о книге К. Фламмариона «Популярная астрономия»).— № 9.
Однажды в детстве я прочитал книгу... (П. Смолин о книге Ж. А. Фабра «Жизнь насекомых»).— № 10.
Рассказывает писатель Е. Шатько.— № 11.

АКАДЕМИЯ ДОМАШНИХ ВОЛШЕБНИКОВ

Вязаная куртка.— Модель М. Вивсик и Р. Буяновой.— № 1.
Калинкин обед.— № 2.
Платье Калинки.—№ 4.
Калинкины модели платьев. Прически.— № 5.
Новый Калинкин конкурс.—№ 6.
Волшебная профессия модельера.— И. Доброхотова.—№ 7.
Калинка собирает грибы.—№ 8.
Калинка приглашает на елку.— № 12.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ.— №№ 1—12.
УМА ПАЛАТА.— Н. Разговоров.— №№ 1—12
КЛУБ «СОРОК СОРОК».— В. Левин.— №№ 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 12.
Эврика! — Комикс Е. Шабельника.— №№ 5, 7, 9.

линия отреза

АНКЕТА-71

Кончается год, и, как всегда, в конце года «ПИОНЕР» просит тебя ответить на такие вопросы:

1. Вспомни, что тебе больше всего понравилось в «ПИОНЕРЕ» этого года? (Назови повесть, рассказ, сказку, статью, очерк или заметку, отдел в журнале, рисунок или обложку, которые запомнились тебе больше других. Напиши, почему.)

____
____
____
____
____

2. Чему тебя научил «ПИОНЕР» в этом году, чем тебе помог в пионерской жизни?

____
____
____

3. Что тебе не понравилось в «ПИОНЕРЕ»? Только уговор: писать честно и откровенно.

____
____

4. Что тебе хочется прочитать в «ПИОНЕРЕ» в будущем году? С какими писателями, художниками, учеными, спортсменами тебе хочется встретиться на страницах журнала?

____
____
____
____

5. Не забудь написать:
Сколько тебе лет? ____________________
В каком классе ты учишься? ______________
Мальчик ты или девочка? ________________
Где ты живешь: в городе или в селе? ________
____

Твои ответы на анкету очень помогают нам в работе.
Присылай их до десятого февраля. **На конверте обязательно сделай пометку: «АНКЕТА-71».**

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. В. Вантрусов.

Сдано в набор 29/IX 1971 г. А 00649.
Подписано к печати 5/XI 1971 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000.
Изд. № 2440. Заказ 1984.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

А ПОЧЕМУ? Один раз в городе Новочеркасске это случилось потому, что для освещения елки поставили слишком сильную лампу и в самый разгар веселья воспламенились целлулоидные игрушки.

ИГРУШКИ ИЗ ЦЕЛЛУЛОИДА НЕЛЬЗЯ ВЕШАТЬ НА ЕЛКУ!

В другой раз в одном из клубов Свердловской области от искры бенгальского огня загорелся карнавальный костюм, сделанный из бумаги, ваты и марли.

ЗНАЙТЕ, ЧТО БЕНГАЛЬСКИЙ ОГОНЬ ОПАСЕН!

НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ САМОДЕЛЬНЫМИ ЭЛЕКТРИЧЕСКИМИ ГИРЛЯНДАМИ!

ЕЛКУ ОБЯЗАТЕЛЬНО УСТАНАВЛИВАЙТЕ НА УСТОЙЧИВОЙ ПОДСТАВКЕ!

НЕ УКРАШАЙТЕ ЕЛКУ ВАТОЙ, НЕ ОБСЫПАЙТЕ ЕЕ БЕРТОЛЕТОВОЙ СОЛЬЮ!

Предупреждает вас об этом Управление Пожарной Охраны.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

ВОТ КАКИЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ИГРЫ С САНКАМИ ПРИДУМАЛИ РЕБЯТА УРАЛА.

МАМОНТОВЫ ГОРКИ

Видел ли ты такую снежную горку, похожую на мамонта? Глаза и уши у снежного мамонта разноцветные, бивни совсем недавно были палками и прутьями, а теперь обледенели и стали совсем как настоящие.
Чем выше снежная гора, тем дальше можно с нее уехать. Ребята делают мамонтов большими, высотой до трех метров. Чтобы удобнее было подниматься в гору с санками, ставят лестницу с перилами, а рядом с лестницей — утрамбованная дорожка для санок.
На таких горках уральцы проводят интересные спортивные соревнования. Например, такие.
Соревнуются две команды по десять человек в каждой. По очереди съезжают с горки. Каждой команде дается двадцать минут. Кто за это время съедет с горки десять раз и ни разу не упадет, тот и победил.
Мамонтовы горки, только не очень высокие, вы можете сделать во дворе для младших ребят.

САННЫЕ КАТУШКИ

Горку с крутыми поворотами и тоннелями тоже нетрудно сделать. На Урале такую горку называют санной катушкой. Расставьте вдоль ската разноцветные флажки или палки с привязанными к ним цветными шариками или игрушками. Разбейтесь на две команды и по сигналу судьи один за другим спускайтесь с горы, на ходу срывая флажки, шарики и игрушки. У какой команды окажется больше «трофеев», та и победила.
Можно еще и так играть: во время спуска на санках с горы нужно успеть произнести короткую считалку, скороговорку, стихотворение или спеть куплет из любимой песни.
Можно придумать и другие правила игры. Все зависит от вашей фантазии.

С. ГЛЯЗЕР,
мастер спорта СССР

